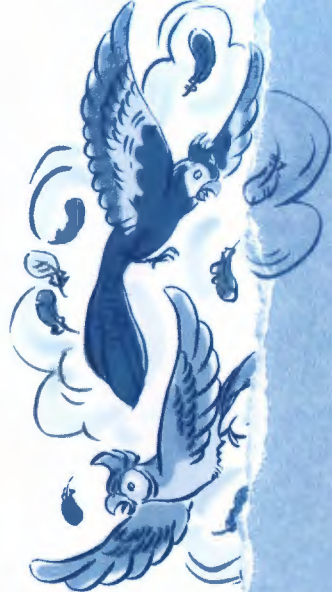

84Р6
П80

Софья Прокорьева

**НЕОБЫКНОВЕННЫЕ
ПРИКЛЮЧЕНИЯ
ОБЫКНОВЕННЫХ
МАЛЬЧИШЕК**

**Удивительные приключения
мальчика без тени
и тени без мальчика**

Приключения жёлтого чемоданчика

На забытом чердаке

Клад под старым дубом

*Сорья
Прокорьева*

НЕОБЫКНОВЕННЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ ОБЫКНОВЕННЫХ МАЛЬЧИШЕК

Москва
ЭНАС-КНИГА
2021

Удивительные
ПРИКЛЮЧЕНИЯ
мальчика без тени
и тени без мальчика

Художник Алексей Шевченко

Глава 1

Витя Веткин – чемпион по шахматам

На школьном дворе рос большой дуб. Этот дуб был такой старый, что даже старый домоуправ не знал, кто, когда и зачем его посадил. То есть зачем его посадили, было понятно: у дуба была большая и удивительно прохладная тень. Это была такая тень, что в ней помещались все ребята из всех классов. Даже десятиклассники готовились в этой тени к экзаменам на аттестат зрелости.

Вот какой был этот дуб! И только один человек на свете его ужасно ненавидел. Это был Витя Веткин.

Конечно, на это у него были особые причины. Дело в том, что комната, в которой жил Веткин, выходила окнами прямо на школьный двор. А из-за этого дуба ничего не было видно: дуб прямо-таки заглядывал в окно. Может быть, он интересовался личной жизнью Веткина, часто ли он ссорится со своей сестрой Люсей Веткиной? Неизвестно. Во всяком случае, когда Веткин смотрел сквозь листву на двор, то он видел только кусочки девчонок и мальчишек, и невозможно было понять, начали ли они, например, играть в волейбол или нет. Иногда ещё можно было разглядеть, как голова собаки мчится за хвостом кошки.

Ну, в общем, из-за этого дуба Веткин всегда опаздывал к самому интересному.

Но никто не разделял его ненависти. Даже родная сестра и то не понимала его. А Люська просто обязана была его понимать, потому что она была моложе его на полтора года и ей могло здорово влететь от Веткина за непонимание.

Люся Веткина обычно сидела под этим самым дубом на скамеечке и вышивала какую-нибудь подушку.

Она ужасно любила вышивать подушки. Если бы ей не надо было ходить в школу, учить уроки и бегать к девчонкам в гости, то все Веткины давно жили бы в коридоре, а в комнате жили бы одни подушки.

А теперь, когда вы знаете и про старый дуб и про Витю Веткина, я хочу рассказать вам одну удивительную историю.

Эта история случилась как раз в тот день, когда должен был закончиться школьный турнир по шахматам и Витя Веткин приготовился второй раз стать чемпионом.

Второй раз, потому что в первый раз он уже стал чемпионом в прошлом году. Тогда Веткина фотографировали, о нём написали в школьной газете, и он стал всех презирать и считать себя исключительной личностью.

Тут обратите внимание на характер Вити Веткина. Ведь совсем не каждый чемпион по шахматам станет презирать всех других, которые не чемпионы. А вот Веткин стал. Не то все ребята стали ему казаться хуже, чем были, не то он сам себе стал казаться лучше, чем был.

И вот теперь ему оставалось сыграть только одну последнюю партию с Петькой. Если он обыграет Петьку – он опять будет чемпионом.

«Витя Веткин или Петя Петухов?» – вот как было написано в спортивном отделе школьной стенгазеты.

Глава 2

НЕВЕРОЯТНАЯ ИСТОРИЯ, КОТОРАЯ СЛУЧИЛАСЬ С ВИТЕЙ ВЕТКИНЫМ РАНО УТРОМ

Витя Веткин, задрав нос, как, по его мнению, должны задирать нос чемпионы, и сунув руки в карманы, торжественно вышел во двор. Но никто не обратил на него внимания. Он, как всегда, опоздал.

Ребята копали ямы. Рубашки на их спинах стали мокрыми, как у настоящих рабочих. Девчонки носили саженцы и сыпали в ямы какое-то серое удобрение. Люся перестала вышивать красный мухомор и таскала воду в зелёной лейке.

Веткин сел на скамейку и изобразил на своём лице презрение – это было на всякий случай, если на него кто-нибудь посмотрит. Затем он взял ножницы Люси Веткиной и стал подстригать ногти. Он подстриг ногти на левой руке, а потом даже левой рукой подстриг ногти на правой, но всё равно на него никто не обращал внимания.

– Эй, воображала! Давай помогай! – крикнул ему Васька, приятель Петьки.

– Очень надо! – сказал Веткин и надменно покрутил головой. – Буду я из-за всякой чепухи руки марать! Лучше бы вы эту старую корягу срубили.

– Ты что, с ума спятил! – закричал тогда Петька. – Посмотри, какая у нашего дуба тень!

– Подумаешь, тень! Велика важность! У меня своя сзади болтается, – сказал Веткин и плюнул на свою тень. Ну, и что он особенного сделал? Когда он встал и отошёл в сторону, на тени не осталось ни пятнышка.

Тут налетел порыв ветра. Старое дерево закачалось и затрясло листьями. И вдруг Веткину послышался какой-то странный голос. Наверное, это всё-таки был Петькин голос.

– Без тени невозможна жизнь... – сказал Петька каким-то дрожащим, ненормальным, каким-то прохладным голосом.

А может быть, это сказал не Петька?

– Человеку для жизни и свет нужен, и тень. Нам так Анна Иванна говорила. Понятно? – солидно добавил Петька уже своим обычным голосом.

– А мне вот тень не нужна! Подумаешь! – с презрением сказал Веткин.

– Ну и дурак же ты после этого! Чемпион дураков! – сказал Петька.

– А ты... а ты!.. – закричал Веткин и замолчал. Потому что он ничего не мог придумать такого же остроумного.

Все ребята захохотали.

– Чего ржёте? – в ярости закричал Веткин. – Вот вам!.. Вот вам!..

И он стал ногами расшвыривать саженцы, кучкой сложенные на земле.

Но этого показалось ему мало. Он сунул в карман ножницы Люси Веткиной, схватил топор, валявшийся около скамейки, замахнулся и ударил по стволу старого дерева.

– Ох!.. – разом выдохнули все ребята.

Топор скользнул по коре, оставив красноватый след, похожий на рану.

Витя Веткин опять поднял топор и вдруг почувствовал, что кто-то сильно дернул его за ноги, как будто

он стоял на половике, а кто-то попробовал вытянуть половик у него из-под ног. Веткин выронил топор и смешно замахал руками.

– Обалдел! – заорал Петька, поднял топор и спрятал его за спину.

– Анна Ивановна идёт! Пошли, Петька! – закричал Васька, приятель Петьки. – А с этим... а с этим... даже и разговаривать нечего!

И все ребята убежали.

А в это время кто-то ещё сильнее дёрнул Веткина сзади за ноги.

Веткин обернулся. Позади никого не было.

Нет, всё-таки позади кто-то был. Кто-то тёмный и прозрачный. Витя Веткин уставился на него во все глаза.

Ой!

Нет, вы только подумайте!

Это была его собственная тень.

– Ты? – прошептал поражённый Веткин.

– Ну и пусть я! – ответила тень голосом, очень похожим на голос Вити Веткина. Только этот голос был немного потише, потому что всё-таки это была только тень голоса.

Витя Веткин протёр глаза. Он хотел убедиться, уж не спит ли он? Но тень и не подумала тоже протереть глаза. Хотя, наверное, она была обязана сделать это.

– Ты что ж, законы физики нарушаешь? – успел только ахнуть Веткин. – Да не тяни ты меня за ногу!

– Мне твоя нога не нужна! Я свою тяну! – тяжело дыша, ответила тень, размахивая руками и прыгая на одной ноге.

– Я так упаду! – закричал Веткин.

В этот момент тень сильно рванулась, оторвалась от Веткина, и они полетели в разные стороны. Оба они одновременно поднялись, отряхивая ладонями колени. Может быть, тень ещё по привычке повторяла его движения, а может быть, она тоже испачкалась.

– Не буду я больше твоей тенью! – отчаянным голосом закричала тень. Видимо, она была доведена до такого состояния, что просто больше не могла молчать. – Ты старое дерево топором ударил! Не буду я такие твои движения

повторять! Замучил ты меня, замучил! Ты вон полтора кило прибавил, а я ни миллиметра. Мне все тени говорят, будто я нос задираю. А это ты задираешь, и мне приходится! Все тени ребят счастливые. Они деревья сажают, чтобы новые тени росли! А ты?.. А ты?.. Не буду я больше твоей тенью! Не буду! Не хочу!

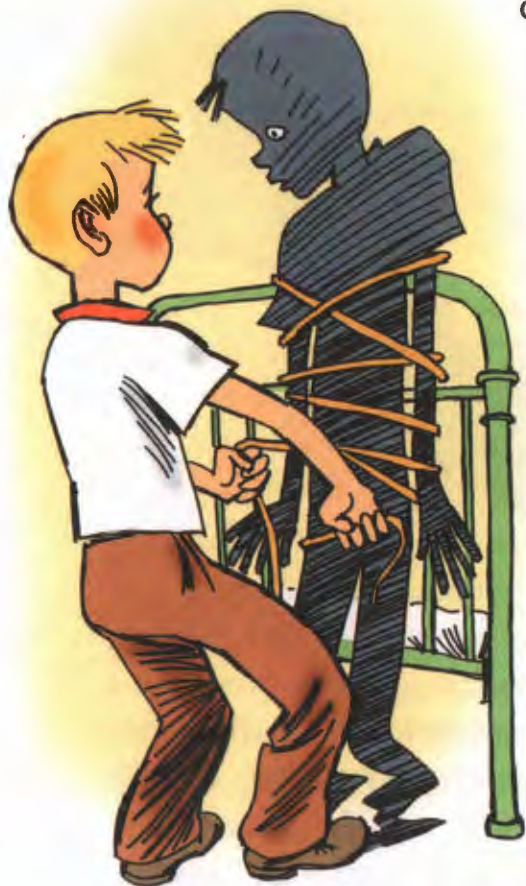
– Значит, не хочешь тенью чемпиона быть? – с обидой прошипел Веткин. – Ну, погоди, я тебе покажу, как от меня убежать при современном развитии техники! – и он схватил своей рукой руку тени.

Тень на ощупь была какая-то не поймёшь какая: очень прохладная и упругая, как будто ты схватил рукой струю холодного воздуха, идущую от вентилятора.

Веткин потащил свою тень в подъезд, а потом вверх по лестнице.

В конце концов он втолкнул её в комнату, схватил верёвку, на которой мама развешивала бельё во дворе, и крепко привязал её к железной спинке кровати.

После этого он решил на минутку сбежать во двор. Он приду-

мал, что сказать Петьке. Он решил сказать Петьке, что если он, Витя Веткин, чемпион дураков, то все ребята дураки.

Тень осталась одна. Было ужасно глупо стоять вот так, привязанной к спинке Витькиной кровати, на которой она всегда спала вместе с ним. Что же, она так и будет теперь стоять и ждать, когда Веткин вернётся?

Тень рванулась. Но куда там! Ей было не под силу разорвать кручёную тень верёвки, а распутывать узлы не было времени. И вдруг она нащупала в кармане тень ножниц. «Хорошо, что Веткин не успел отдать ножницы Люсе Веткиной», – подумала она и поспешно перерезала тенью ножниц тень верёвки.

Тень сделала первые неуверенные шаги по комнате. С непривычки голова у неё немного кружилась, а ноги были слабые, как после долгой болезни.

«Нелегко мне будет без Веткина, – с тревогой подумала она. – Придётся мне теперь познакомиться с теневой стороной жизни».

На душе у неё было тяжело. Всё-таки неприятно нарушать законы физики даже в сказке, даже при таких исключительных обстоятельствах. Но она знала одно: больше она тенью Веткина быть не может. И тень, махнув рукой, решительно полезла в щель под дверь. В коридоре она чуть не полетела, споткнувшись о тень Витькиных калош, которую он вместе со своими калошами бросал как попало. Она добралась до передней. Там было темно, и тени удалось незаметно проскочить в дверь, в ту самую минуту, когда в неё входил Веткин.

Глава 3

Что случилось с тенью Вити Веткина и как Люся Веткина выпила целый стакан чистого сиропа

Веткин сразу понял, что тень от него убежала. Он выскочил во двор и увидел, как она мелькнула в воротах.

Веткин бросился за нею.

Сначала тень бежала с той же скоростью, что и сам Веткин. Это и понятно. Ведь она всегда бегала вместе с ним. Иногда даже она прибегала куда-нибудь раньше него, если солнце светило Веткину в спину.

Но за все эти годы в ней настолько была подавлена всякая самостоятельность, и всё это для неё было так непривычно, что постепенно расстояние между ними стало уменьшаться.

Веткин уже протянул руку, чтобы схватить свою тень, но вдруг она вбежала в тень большой липы и мгновенно в ней исчезла. Ну прямо-таки растворилась без остатка, как кусок сахара в кипятке.

Витька долго бегал вокруг липы и ругал свою тень.

– Тень, тень, ладно, кончай дурить, – наконец сказал он. Но липа молчала.

– Ну хватит воображать, – сказал Веткин снова. – Давай помиримся.

Но липа всё равно ничего не ответила.

В конце концов вокруг начала собираться толпа, чтобы посмотреть на мальчика, который уговаривает дерево с ним помириться.

– Подумаешь, мне же лучше, ходить легче, – сказал Веткин и ушёл, засунув руки в карманы.

Толпа постояла-постояла и разошлась, потому что кому же интересно просто так стоять и смотреть на липу?

Тогда тень потихоньку выскользнула из тени липы и пошла дальше. Она шла и думала, что же ей теперь делать?

А в это время два маляра в подвесной люльке красили дом. Не знаю, как уж это у них получилось, но только на тень, проходившую внизу, вдруг вылилось целое ведро извёстки. Может быть, это получилось потому, что один из них был очень худой, а другой очень толстый? Неизвестно.

– Мы вроде кого-то облили? – сказал худой маляр, перегибаясь через перила.

– Да вроде там никого нет! – сказал толстый маляр, который не мог перегнуться через перила.

– Если бы мы никого не облили, то внизу была бы лужа извёстки, – сказал худой маляр, ещё больше перегибаясь через перила.

– Но если бы мы кого-нибудь облили, то внизу был бы тот, кого мы облили, – сказал толстый маляр, удерживая за штаны худого маляра.

Сверху им была видна только белая полоска. А на самом деле под ними, расставив руки и ноги, вся залитая извёсткой, стояла тень.

«Ну и влипла я! – думала она в отчаянии. – Что же теперь делать-то? Может, мне в баню пойти? Или в химчистку сдать? Только, наверное, не примут меня – некому квитанцию отдать. Ведь брюки и пиджаки сами в химчистку не ходят – их хозяева приносят. Ой, ну что же мне теперь делать?»

Тень беспомощно оглянулась и вдруг увидела Люсю Веткину, которая вместе со своей тенью остановилась у киоска с газированной водой. В киоске хорошенькая продавщица в твёрдой белой наколке равнодушно пересчитывала мокрые монетки.

– Люська, ох, Люсенька! – сказала тень, поспешно подходя к ней. – Ты можешь одолжить мне двадцать копеек?

Люся Веткина оглянулась и громко вскрикнула.

– Витька, где же ты так перемазался? А новые штаны? Вот тебе мама покажет!

– Я скажу Витьке, и он вернёт тебе двадцать копеек! – сказал перемазанный извёсткой Витька и взял монету из рук Люси Веткиной.

Затем он протянул её девушке в белой наколке и сказал:

– Пожалуйста, поскорее на все деньги газировки без сиропа!

– На все деньги? – прошептала девушка и стала подавать ему один стакан за другим.

И вдруг... Нет, вы только представьте себе! Этот самый Витька стал лить на себя эту газированную воду без сиропа.

Он весь покрылся пузырьками, он шипел, как будто он состоял только из одних змей, с него текли потоки мутной воды, но он продолжал лить на себя газировку.

Продавщица от изумления забыла закрыть кран, и стакан Люси Веткиной наполнился чистым малиновым сиропом.

Люся, понятное дело, не стала отказываться от своего счастья. Но едва она сделала первый глоток, как поперхнулась и начала ужасно кашлять.

Ну вот! Люся Веткина кашляла и сама стала совершенно малиновой. Продавщица, побледнев, шёпотом считала... семь... восемь... девять... А странный, непонятный Витя Веткин лил на себя стаканы газировки и из совершенно белого Веткина превращался в совершенно чёрного Веткина.

Здесь произошла ещё одна удивительная вещь. Вдруг в руках этого странного Вити Веткина очутился чёрный зонтик с изогнутой ручкой. То есть на самом деле, конечно, это был не зонтик, а только тень зонтика.

– Если у меня появилась тень зонтика, значит, Веткин взял в руки зонтик. Но для чего он мог ему понадобиться? – задумчиво проговорила тень, сложила зонтик и сунула себе под мышку.

Люся Веткина хотела что-то сказать, о чём-то спросить; но это совершенно невозможно, когда человек поперхнулся малиновым сиропом.

Тот, с кем этого не случилось, пусть поверит на слово. Люся Веткина стояла и махала руками. Это было всё, что она могла сделать. Тем временем тень с зонтиком под мышкой быстро скрылась за углом.

Глава 4

ВИТЯ ВЕТКИН РЕШАЕТ, ЧТО ТЕНЬ ЕМУ ВСЁ-ТАКИ НУЖНА

Становилось жарко. По небу плыло только одно облако, похожее на кудрявого барана. Но постепенно оно превратилось в совсем-совсем маленького барашка. А потом и барашек куда-то исчез. Наверное, ему стало страшно одному на таком большом синем небе.

Витя Веткин слонялся один по двору. Все ребята куда-то удрали и даже не сказали ему куда. Он ходил, по привычке засунув руки в карманы, задрав нос, и утешал себя такими мыслями: «У всех ребят есть тени, а у меня нет. Значит, я исключительное явление. Они ещё это поймут! Они ещё сами будут просить, чтобы я ими командовал!»

Ему даже стало жалко, что его не видит учительница Анна Ивановна.

Солнце светило всё жарче и жарче. Молодые липки, утром такие весёлые, стояли теперь с грустным видом. Их листочки уже не торчали в разные стороны, а как-то вяло повисли.

Но вот тень старого дуба стала расти, удлиняться и заботливо прикрывать собой молодые саженцы.

Однако, дойдя до Веткина, тень остановилась. Веткин попробовал даже ухватиться за её край и натянуть на себя как одеяло, но тень всё время выскользывала у него из рук.

Веткин засмеялся, сбегал домой и принёс старый бабушкин зонтик с горбатой ручкой.

Это был очень старый зонтик. Возможно, что он приходился бабушкой Люсиному полосатому зонтику.

Веткин открыл бабушкин зонтик и похолодел – единственный раз за этот жаркий день. Он похолодел от ужаса. У зонтика не было тени. Лучи солнца огибали зонтик и светили Веткину прямо в лицо.

Но тут во двор прибежала Люся Веткина с такой поспешностью, как будто ей сказали, что кто-то выпустил пух из всех её подушек, и закричала:

– Ага, выстирал штаны? Отдавай мне двадцать копеек, мы в кино собираемся!

Веткин сложил зонтик и сказал:

– Ха, интересное дело. Человек ищет одну вещь, и вдруг прибегают и говорят разную чепуху. А между прочим, это ты мне должна десять копеек.

Но Люся Веткина сказала:

– Нет, это ты теперь мне должен десять копеек.

Вите Веткину было не до этого, но он всё-таки сказал:

– Это потому, что ты мне всё десять копеек не отдавала, я тебе десять копеек стал должен?

Но тут Люська не выдержала и обиженно закричала:

– Как же так? Ведь ты только что у меня двадцать копеек одолжил, когда газировкой обливался.

– Я? – вытаращил глаза Витя Веткин.

– Ну да. Ты был белый, потом стал чёрный и ушёл.

– Я? – переспросил Веткин и вдруг заорал:

– Это была она! Где ты её видела?

– Я никакую «её» не видела. Я тебя видела. Около зоопарка, – жалобно сказала Люся Веткина и попятилась. – Я тебе двадцать копеек одолжила. Ты сказал, что вернёшь.

– Тебе-то я верну, – горько улыбнулся Веткин. – А если она у кого-нибудь миллион одолжит, что тогда? Ей-то ничего не будет, а меня засудят. Надо её найти, пока она бед не наделала, – добавил Веткин, сунул двадцать копеек Люсе Веткиной и сломя голову побежал к зоопарку.

– Ничего не понимаю! – сказала Люся Веткина.

Глава 5

Погоня

Витя Веткин прибежал к зоопарку и увидел свою тень, а тень, увидев его, опрометью бросилась через дорогу и чуть не попала под толстый автобус, в котором куда-то ехали пионеры. Веткин даже зажмурился от ужаса. Легко ли видеть, как твоя тень сейчас попадёт под колёса? И потом, есть ли даже в детской больнице специалисты по лечению теней?

Веткин бежал так, как он никогда не бегал. Лопатки двигались у него под рубашкой как крылышки.

На углу улицы строился дом. Он был уже почти готов. В нижних этажах были даже вставлены стёкла. Рядом с ним, только немножко возвышаясь над его крышей, гордо стоял красивый подъёмный кран на трёх ногах.

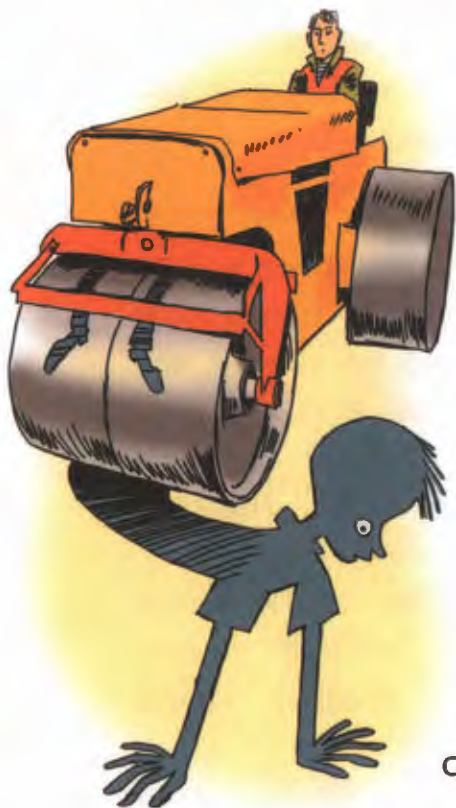
Вкусно пахло горячим асфальтом. Перед домом взад и вперёд ездил каток, блестя широким передним колесом.

Тень бросилась прямо к подъёмному крану.

– Ты куда? Не видишь – асфальт горячий? – закричал на Веткина сердитый дяденька в синем комбинезоне.

– Держите её! – завопил Веткин.

Тень оглянулась. Ой! Каток бесшумно наехал на неё, и тень, взмахнув руками, исчезла под его тяжёлым передним колесом. Через мгновение показались её ноги, и потом она вся, прилипшая ж колесу, с беспомощно раскинутыми руками и ногами, с запрокинутой головой, вместе с колесом поехала вниз.

Каток ехал, колесо крутилось, тень то исчезала, то появлялась снова.

Веткин завопил не своим голосом и побежал по горячему, дымящемуся асфальту, оставляя на нём следы своих сандалий.

Каток остановился.

И тут Веткин увидел, что его тень, с усилием отделяясь от колеса, кряхтя, выползает из-под него на животе.

Тень встала на четвереньки, затем быстро вскочила на ноги и бросилась бежать. Она была жива, только стала тоньше и длиннее, как кусок теста, который бабушка раскатывала скалкой, чтобы сделать лапшу.

И сейчас ещё можно было сразу сказать, что это тень Вити Веткина, только похоже было, что этот Веткин учится в десятом классе и ничего не ел уже целый месяц.

Пока Веткин стоял и моргал глазами, тень вбежала в тень дома и исчезла.

– Поднимай, Степанов! – крикнул сердитый рабочий в комбинезоне кому-то, кто сидел в кабине подъёмного крана.

Что-то заскрипело, и металлическая коробка, привязанная за все четыре угла стальными тросами, поползла вверх. Она несла сразу четыре рамы со вставленными стёклами.

– Ой! Погодите! Погодите! – вдруг закричала металлическая коробка удивительно знакомым голосом.

Но кран плавно тащил её вверх, из полосы тени коробка вышла на яркий солнечный свет.

– Ребёнок! – вдруг ахнула какая-то женщина в фиолетовом платье. – Ребёнок в воздухе!

– Негритёнок! – завопил кто-то.

Действительно, из коробки, судорожно держась за неё руками, выглядывала испуганная Витькина тень.

Внизу мгновенно собралась толпа.

Можно было подумать, что их с утра предупредили, что кран будет поднимать негритят, и они только и дожидались этого зрелища.

– Изверги! – кричала женщина в фиолетовом платье. – Не умеете дома строить! – Она стояла и размахивала чёрной клеёнчатой сумкой, как разбойничьим флагом.

– Ах, пострелёнок!.. – пробормотал сердитый рабочий и громко скомандовал: – Степанов! Опускай!

– Чего? – закричал Степанов, высовываясь из кабины подъёмного крана, приложив ладонь к голове таким образом, что получилось большое ухо.

– Опускай, говорят тебе!

– Зачем? – закричал опять Степанов.

Тень от него была видна сбоку, и он просто думал, что это какая-то тёмная полоска, и не понимал, почему такая суматоха.

– Тихо опускай! Без рывков! – отчаянным голосом крикнул сердитый рабочий, и коробка медленно пошла вниз.

Толпа всё увеличивалась. Женщина в фиолетовом платье подняла руки с таким видом, как будто хотела принять в свои объятия и оконные рамы, и несчастного ребёнка.

Толпа окружила коробку. Коробка была пуста.

Сразу много голосов закричали: «Ай!» и ещё больше голосов: «Ой!»

Но Веткин так и не узнал, что было дальше, потому что в этот момент он увидел, как из освещенного солнцем подъезда выскочила его тень и бросилась бежать через площадь.

Вероятно, когда коробка опускалась, тень Вити Веткина ухватилась за тень какого-нибудь балкона и через него проникла в тень комнаты. Оттуда она уже пробралась на лестницу и выбежала из дома.

Веткин бросился за своей тенью.

На этот раз тень бежала не так уж быстро, наверное, потому что она всё-таки здорово переволновалась, и Веткин стал её догонять. Ещё одно мгновение, и он схватил бы её за руку. Но вдруг тень резко свернула в сторону и бросилась к входу в зоопарк. Она ловко пристроилась в тень толстой тёти в шляпе с цветами и пошла вслед за ней. Тень тёти была похожа на большую вазу, и в ней было где разместиться.

– Бессовестная! – закричал Веткин. – Ну, погоди, ты у меня ещё получишь!

– Что-о?.. – строго сказала толстая тётя, оборачиваясь. – Кому? – удивленно оглядываясь, спросила тётя.

– Она в вас забралась, понимаете? Вы идёте, а она за вами... – попробовал объяснить Веткин.

– Хулиган! – возмутилась тётя и ушла в зоопарк, а тень – за нею.

И Веткин остался один у входа.

Витя Веткин отдал Люсе Веткиной двадцать копеек, но Люся, по своей вечной привычке не отдавать ему долги, не отдала ему десять копеек, и денег на билет у него не было.

Становилось всё жарче и жарче. Солнце било Веткину прямо в глаза. Он попробовал загородиться ладонью. Ладонь была как ладонь, и все пять пальцев были на месте, но тени у неё не было.

– Ну и ну! – сказал дворник с белой бородой и в белом фартуке, поливая из шланга мостовую. – Ну, и жаркий сегодня денёк.

В этот день все дворники в городе говорили одно и то же.

Веткин, изнемогая от жары, махнул рукой на своё достоинство и на новые штаны и подошёл к дворнику.

– Дяденька, чего тебе, жалко, что ли, полей меня водой, а? – сказал Веткин просящим голосом.

– Ладно, проходи, проходи, не маленький, – ответил дворник и повернул шланг в другую сторону. Ему не было никакого дела до человека, который умирал от жары

и жажды у него на глазах. Веткин сделал отчаянный прыжок в сторону фыркающей струи, но на него не попало ни капли.

– Да что же это такое? – рассердился дворник. – Что я тут, приставлен тротуар поливать или ребятишек? – И он закрутил винт шланга.

Веткин беспомощно оглянулся. На углу стоял киоск. В нём сидела очень хорошенькая грустная девушка с белой наколкой на голове, в задумчивости уставившись глазами в одну точку. Веткин хотел встать в тень киоска, но тень от него отодвинулась. Он обошёл киоск по часовой стрелке – тень киоска сделала то же самое.

Убедившись, что на него никто не смотрит, Веткин обошёл киоск против часовой стрелки, но нахальная тень киоска не постеснялась сделать то же самое.

Веткину стало вдруг ужасно тоскливо.

«Ну, ушла тень, подумаешь важность, это же с каждым может случиться. Но ведь не пропадать же теперь?»

Веткин нашёл в кармане завалявшуюся монету и подал её грустной девушке.

– Дайте мне один стакан чистой, без сиропа, – сказал, изнемогая, Веткин, по лбу которого тихо струился пот. У девушки стало такое лицо, как будто он попросил у неё стакан чистого яда, без сиропа.

Но Веткин не заметил этого. Он вылил себе на голову газировку, и от головы его пошёл пар.

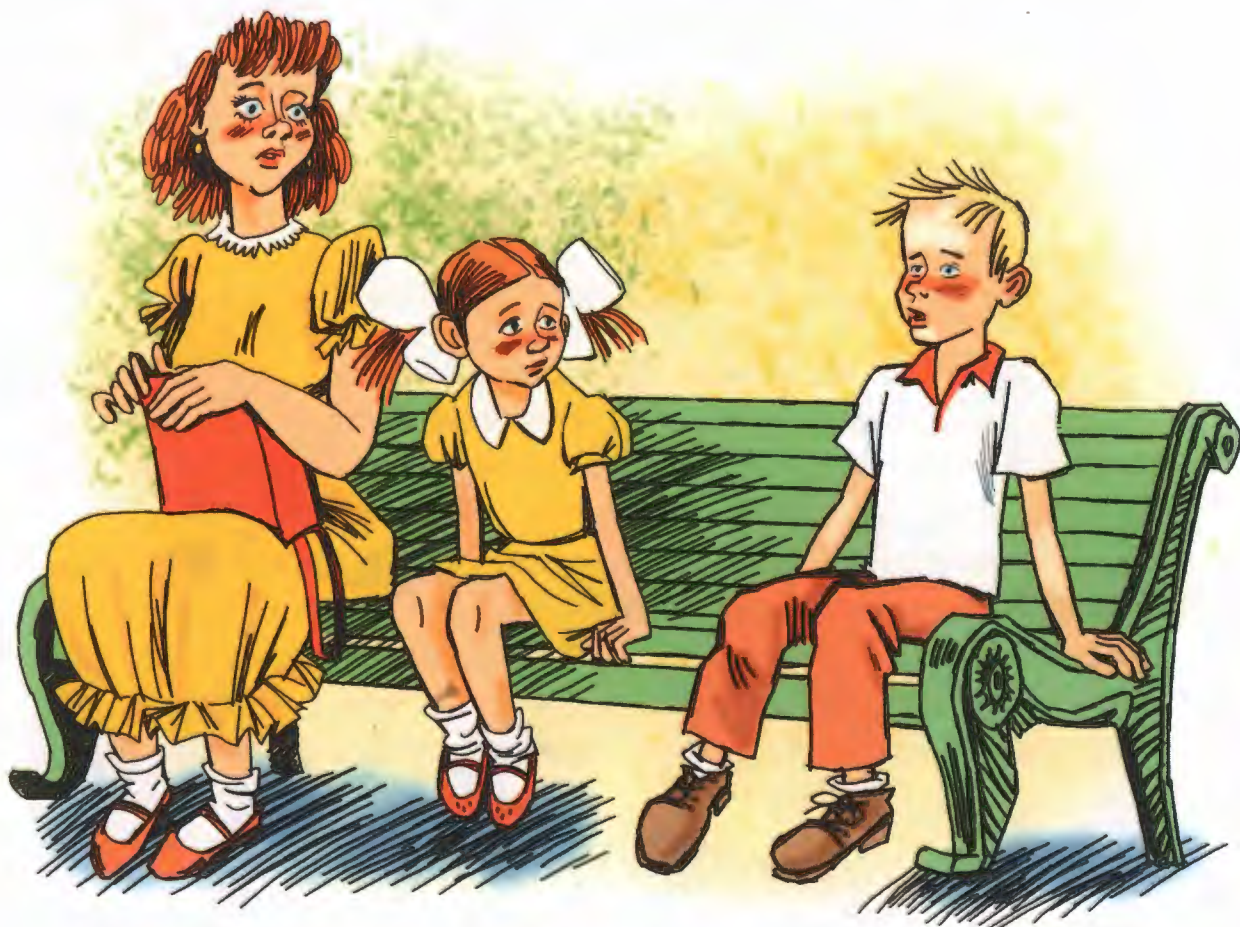
– Ой, мамочки! – прошептала, бледнея, девушка и закрыла киоск.

Веткин перешёл на другую сторону и робко вошёл в тень большого дома. Это была большая, широкая тень, и она даже не шелохнулась. Но Веткину не стало прохладнее. И в тени по нему бродили невесть откуда взявшиеся горячие лучи.

– Давай посидим в холодке, – сказала рыжей девочке с веснушками её рыжая мама.

И они сели рядом с Веткиным на скамейку.

– Ой! – громко прошептала девочка. – Посмотри! А у этого мальчика веснушек ещё больше, чем у меня!

Действительно, на носу несчастного Вити Веткина высыпали веснушки, похожие на шляпки от гвоздей, – он продолжал загорать даже в тени.

– Он, наверное, больной! – сказала мама, внимательно поглядев на его пылающее лицо.

Витя Веткин хотел сказать, что его болезнь не заразная, но девочка и её мама уже пересели на другую скамейку.

«Что же мне делать? – в страхе подумал Веткин. – Меня сейчас в этой тени солнечный удар хватит, а никто не поверит. Даже доктор не поймёт, что со мной. Свинья она, а не тень после этого...»

Перед глазами у него плыли какие-то цветные круги. Во рту пересохло. Может быть, он даже заплакал бы от отчаяния, если бы мог выдавить из себя хоть одну слезу.

Глава 6

ТЕНЬ НАХОДИТ ДРУЗЕЙ

В зоопарке было много народа, и на тень никто не обращал внимания. Только тень гипсовой скульптуры пионера с горном тихонько повернула голову и с сочувствием посмотрела на тень Веткина.

Тень свернула на боковую дорожку. Ей ужасно хотелось есть. Она всё ждала, когда Веткин сядет обедать, чтобы она могла съесть свою тень обеда. Ведь стоило только Вите Веткину взять в руки кусок хлеба с маслом или с колбасой, как вкусная тень бутерброда тотчас же очутилась бы у неё в руках.

Но нет! Видимо, Веткин так перегрелся на солнце, что потерял всякий аппетит и даже не думал о еде.

Тень остановилась около буфета, где продавались сладкие булочки с маком и пирожные. Продавщица отмахивалась белой салфеткой от сытых, толстых ос, похожих на летающие конфеты.

Тени очень хотелось съесть тень булочки с тенью крема посередине. Она и Веткин просто обожали такие булочки. Она даже протянула к булочке руку, но тут же её отдернула.

«Нет! – решительно подумала тень. – Я не пойду на тень воровства. Конечно, никто ничего не заметит, но тень покупателя останется голодной. Она-то сразу увидит, что кто-то своровал тень булочки. Ни за что!»

Тень проглотила слюну и пошла дальше.

Вдруг она услышала, что кто-то горько плачет в тени большой клетки. С кем-то случилась беда. Но кто плакал, было пока неизвестно.

– Кто тут? – спросила тень.

– Я! – ответил голос.

– А кто вы? – спросила тень после минутного молчания.

– Лучше не спрашивайте! – ответил грустный голос.

– Но, я не могу разглядеть вас в этой тени! – сказала опять тень.

– Лучше не смотрите на меня! – и на песчаную дорожку вышла тень лошади. Из глаз её падали крупные тёмные слёзы.

В это время в руках у тени Вити Веткина очутился гранёный стакан с водой. То есть, конечно, тень стакана.

– Ясное дело! – воскликнула тень, шаря у себя в кармане. – Тень монеты исчезла. Значит, Веткин купил стакан воды. Это тень газировки! Знаете? Мировая вещь! Выпейте это и успокойтесь, тень лошади.

Но тут с тенью лошади случилось что-то странное. Она затопала копытами, замотала головой, и слёзы двумя струйками полились из её глаз. – Я не тень лошади... и! – зарыдала она. – Какие вы все, тени, нечуткие!..

Тень Веткина ужасно смутилась. Видимо, она чем-то жестоко обидела и оскорбила тень лошади, но чем?

В это время на дорожку слетели тени двух воробьёв. Сразу можно было догадаться, что они братья – так они были похожи. Они зачирикали, перебивая друг друга.

Тень первого воробья прочирикала:

– Она... Не... А... Зебра... Так... Что... Весь... Затопит...

Тень второго воробья прочирикала:

– Ведь... Лошадь... Настоящая... Она... Плачет... Скоро...

Зоопарк...

Тень Вити Веткина, конечно, ничего не поняла. И только после того, как раз десять прослушала их, она догадалась, что они хотели сказать.

Воробьи наперебой чирикали:

– Она ведь не лошадь, а настоящая зебра. Она так плачет, что скоро весь зоопарк затопит!

– Значит, вы тень зебры? – удивилась тень Вити Веткина.

– Никто не верит... Она полосатая, а я нет... – рыдала тень зебры.

Надо было что-то придумать.

– Вообще-то, конечно, некоторые становятся полосатыми, – задумчиво сказала тень Вити Веткина. – Вот у нас во дворе один мальчишка, так не старше... – она попробовала на глазок определить: кто старше – мальчик или тень зебры, – но не смогла. – Вот вроде вас, – продолжала тень. – Так он к забору прислонился, а забор крашенный был. И таким полосатым стал, родная мама не узнала!

– Есть же счастливые! – завистливо сказала тень зебры, вытирая мокрый нос о траву.

И вдруг тень Вити Веткина вспомнила про тень ножниц, которая лежала у неё в кармане.

– Знаете что, а ведь я могу сделать вас полосатой, – решительно сказала она.

– Меня?!

– Ага! – сказала тень Веткина.

– Полосатой?!

– Ага! – подтвердила тень. – Если вам будет немножко больно, – потерпите.

И уже через минуту тень Веткина тенью ножниц вырезала полосы на сияющей от счастья тени зебры. Оставшиеся кусочки она аккуратно свернула и, завязав длинным куском тени, отдала зебре.

– Только вам надо быть осторожней, чтобы не развалиться на части с непривычки, – сказала тень Вити Веткина, любуясь на свою работу.

– О!.. О!.. Это уже пустяки, – сказала счастливым голосом тень зебры. – Ведь не разваливается же на части сама зебра оттого, что она полосатая! Я вам так благодарна! Я теперь навсегда ваш друг, и тени других зверей тоже. Мы, тени, как и люди, всегда помогаем друг другу.

Тень вспомнила, как её Витька отказался помогать ребятам сажать липки, – и тяжело вздохнула. Тень зебры заметила это и засуетилась:

– Ну, не вздыхайте. Пойдёмте сюда, вот где надпись: «Посторонним вход воспрещён». Вы ведь только тень

постороннего и поэтому входите смело. Сейчас обеденный перерыв. Там никого нет. Вы меня подождите, а я позову кое-кого из наших.

И вы представьте себе положение тени Вити Веткина, когда тень зебры вернулась, ведя за собой тигра, одногорбого верблюда и белую медведицу. То есть, конечно, это были не звери, а только тени зверей, и белая медведица была совершенно чёрной.

Но всё равно. Ведь они были так же опасны для тени мальчика, как для тебя настоящий тигр или медведица.

Тень невольно попятилась и пятилась до тех пор, пока не упёрлась спиной в забор.

– Да ты не бойся! – успокоила её тень зебры. – Они не кусаются.

– А я и не боюсь, – сказала тень, но как-то тихо и неуверенно.

Тени зверей окружили тень Веткина.

– Неужели эта маленькая тень вырезала на тебе такие прекрасные полоски, тень зебры? – спросил тигр.

– Да! – сказала тень зебры и стала поворачиваться в разные стороны, чтобы все могли на неё полюбоваться.

Только верблюд почему-то остался недоволен.

– Ну, конечно, – сказал он мрачным голосом. – Так я и знал. Всюду узкие специалисты. А эта тень, наверное, умеет вырезать только одни полоски. А вот если кто-нибудь одногорбый вдруг захочет стать двугорбым? Вообще хотел бы я знать, может ли эта тень вырезать что-нибудь путное?

– А что ты понимаешь в полосках? – сердито огрызнулся тигр.

– Ах, друзья мои! – примиряюще сказала зебра. – Конечно, полосы – это великая вещь. Но я еле держусь на ногах от усталости и волнения. Давайте полежим на песке и отдохнём хоть немножко.

И все тени зверей легли на песок вокруг тени Веткина. Ведь, по правде говоря, для них это было гораздо удобнее и привычнее.

– А что это у неё в руках такое очаровательное? – спросила томно медведица, указывая на зонтик. – Я никогда не встречала этого на моей родине. А ведь я родилась на самом Северном полюсе.

– Зато на экваторе, где я родился, зонтиков хоть завались, – сказал тигр.

– Подумаешь, экватор, какая-то полоска!

– А что ты понимаешь в полосках? – снова сказал тигр и ударил чёрным хвостом по чёрным бёдрам. – А твой хваленый Северный полюс – это вообще просто точка.

– Точки... Полоски... – проворчал верблюд. – Разве в этом смысл жизни? То ли дело тень горба! В этом есть что-то величественное и...

Но тень верблюда так и не успела закончить эту фразу, потому что в этот момент через забор перепрыгнула тень большой обезьяны.

Она была почти такого же роста, как тень Вити Веткина. Да-да! Она была даже чем-то на неё похожа. Но у обезьяны были тяжёлые руки, висящие ниже колен, тело было покрыто шерстью, а позади болтался длинный гибкий хвост.

Последнее обстоятельство, конечно, особенно сильно вредило сходству.

Тени зверей вскочили на ноги. Братья-воробьи, махая короткими крылышками, попрятались где-то в листве.

– А, это ты!.. – проворчал тигр.

– О... о... о!.. – простонал верблюд. – Недаром мне сегодня перебежала дорогу тень чёрного кота...

Тут надо заметить, что тень верблюда, помимо своего ворчливого характера, была ещё и суеверна. Утром ей перебежала дорогу тень кота, и тень верблюда никак не могла решить, была ли это тень чёрного кота или, например, рыжего.

Ведь, как известно, тени всех котов на свете одинаково чёрные.

Обезьяна перекувыркнулась через голову. Почесала рукой живот, а ногой у себя за ухом и уставилась на тень Вити Веткина.

– Здравствуйте, как поживаете? – быстро проговорила она. – А я тебя знаю-знаю-знаю, тень мальчишки! Это твой мальчишка вместе с тобой вчера стоял около моей клетки и лизал такую-такую-такую вкусноту на палочке!

– Эскимо... – шёпотом поправила её тень Вити Веткина. Обезьяна облизнулась.

– И часто он ест это эскимо-эскимо-эскимо?

Тень Вити Веткина кивнула и попятилась.

– Каждый день?

– Да. Нам этой весной гланды вырезали. А Люське нельзя, ей не вырезали... – растерянно объяснила тень Вити Веткина.

Но в это время её за рукав дёрнула зебра.

– Не разговаривай ты с ней! – прошептала зебра. – Мы с ней не дружим. Она знаешь какая вредная.

Но обезьяна услышала эти слова. Она больно ущипнула зебру и подскочила к тени Вити Веткина.

– Это почему же – почему же – почему же ты не будешь со мной разговаривать? – пропищала она. – Ты должен относиться ко мне с колоссальным-огромным-большим уважением. Большим, как целый зоопарк. Или, может быть, ты не признаёшь Дарвина? Или ты не веришь, что тень человека произошла от тени обезьяны? Я же твоя пра-пра-прабабушка!

И она вытянула губы, чтобы поцеловать тень Вити Веткина, которая в ужасе отскочила в сторону.

– А ну уходи отсюда, пра-пра-прабабушка, пока я тебя не про-проглотил, – вдруг заревел тигр и оскалил свои чёрные зубы.

Обезьяна моментально вскочила на забор.

– Здрасте, как поживаете? – сказала она. – До свидания – до свидания – до свидания! Мы ещё с вами встретимся!

С этими словами тень обезьяны исчезла.

Глава 7

О НЕОБХОДИМОСТИ КАК МОЖНО ЧАЩЕ ОГЛЯДЫВАТЬСЯ НАЗАД

Витя Веткин выпросил у мамы тридцать копеек, вскочил в трамвай и опять поехал к зоопарку. В трамвае было жарко. Пассажиры сидели и обмахивались газетами. А несчастному Веткину было жарче всех.

– Зоопарк! – сказала кондукторша, вытирая пот, и добавила: – Вот, наверное, сегодня слоны-то радуются, косточки свои греют!

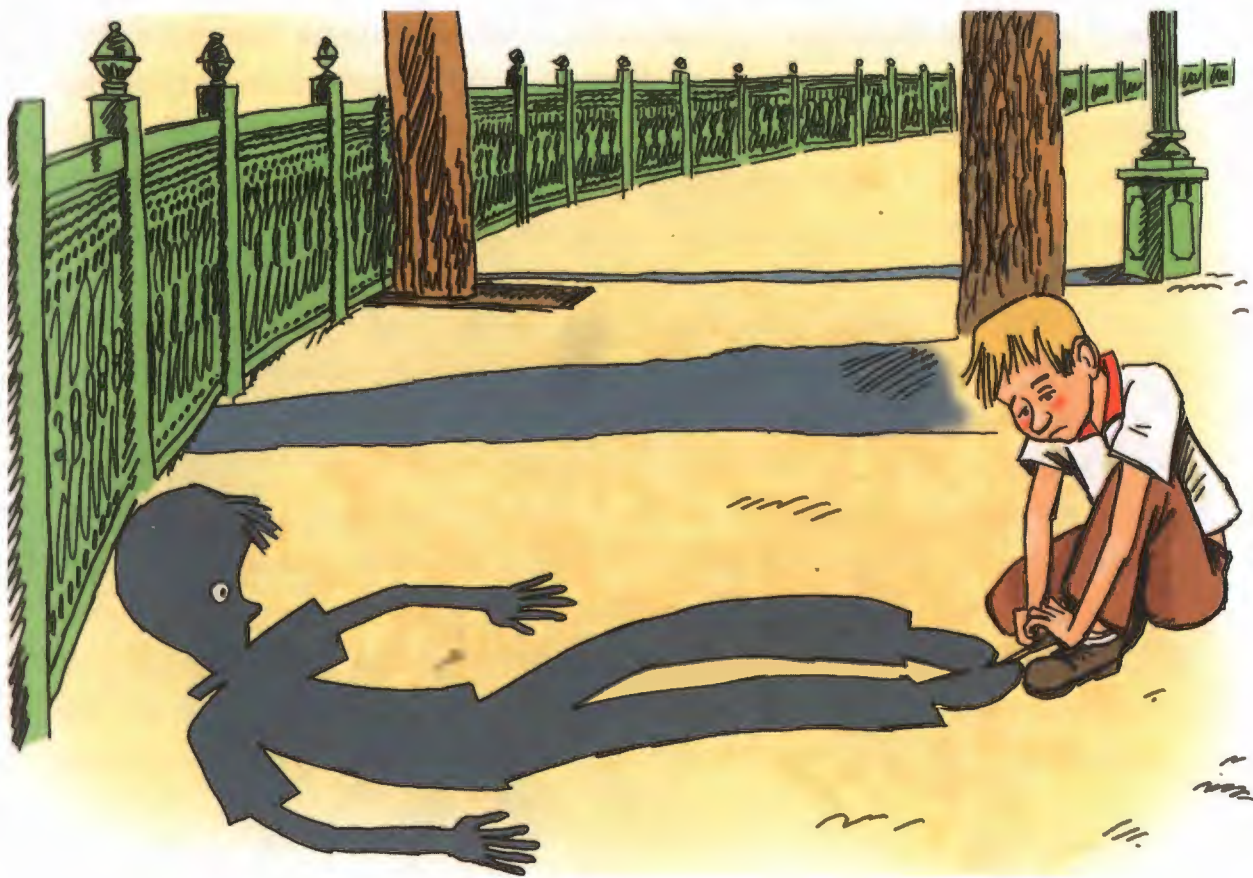
Веткин сошёл с трамвая.

Но он не думал о слонах. Он думал о себе: «Вырасту и буду только полярником. Каждое лето буду уезжать на зимовку. Только удастся ли мне вырасти при такой температуре? Я так и до вечера не дотяну!» И Веткин в полном изнеможении прислонился к решётке зоопарка.

И вдруг он увидел свою тень. Она просунулась между прутьями решётки и вертела головой в разные стороны. Потом она вылезла совсем и, став спиной к Веткину, стала разговаривать с кем-то, кто остался по ту сторону решётки.

Веткин, не дыша и почти не касаясь земли ногами, подкрался и бросился на неё. Он схватил её, как коршун несчастную курицу. Удивительно, как она не разорвалась при этом на кусочки! Веткин просто не верил своему счастью. Он крепко привязал ноги тени шнурками к своим ботинкам и только тогда, выпрямившись, вздохнул с облегчением. Правда, солнце жгло его по-прежнему. Но теперь, когда тень была с ним, жару он мог ещё немножко потерпеть.

– Ну как, нагулялась? – дрожащим от злости шёпотом спросил Веткин у тени, которая стояла, понутив голову, и водила пальцем по железной решётке. – Я здесь без неё

совсем... Я здесь почти!.. А она развлекается, культурно время проводит, зоопарк посещает!.. Ну, теперь погоди!.. Я тебе покажу...

И Веткин быстро зашагал домой, а за ним, привязанная к его ботинкам, уныло тащилась тень.

Веткин шёл и думал: «Это всё она, она виновата. И старый дуб. Подумаешь, топором стукнул. Правильно стукнул, за дело. А ты не расти, окно не загораживай! А они взяли и всем теням на меня наябедничали. Теперь все тени на меня обозлились».

Он потёр свой пылающий лоб и стал придумывать, как ему наказать непокорную тень. «Я её сложу и в чемодан суну, – думал Веткин. – Или нет... Мне чемодан понадобится, когда я в деревню поеду... Лучше я её в шкаф повешу, привяжу к вешалке, пускай она там и живёт... А если её мама там найдёт? Подумает, что это чёрное платье, ещё надеть захочет... чепуха получится... Лучше я её на пол постелю – пускай все об неё ноги вытирают... или...»

Нет! В таком состоянии он ничего не мог придумать. Голова у него отчаянно болела. Рубашка прилипла к телу, а сандалии, которые ещё утром были велики, стали почему-то малы и ужасно натирали потные пятки.

Веткину казалось, что солнце всё растёт и растёт, растекается по небу и занимает все промежутки между домами.

Он шёл и только изредка оглядывался на свою тень. Он видел, что она покорно волочится за ним по земле. И уж, конечно, он не мог заметить, как позади него, то исчезая в круглых тенях лип, то появляясь снова, крадучись,

идут тени диких зверей. Стараясь оставаться незамеченными, они быстро перебежали освещённые солнцем места.

Но как они изменились! Вы бы их, наверное, просто не узнали. У тигра, который шёл впереди всех, тоже появились полосы. И не такие, как у зебры, а такие, как полагается иметь тигру. Рядом шагал двугорбый верблюд, который ещё так недавно был одногорбым. Правда, вид у него был по-прежнему мрачный, как будто ему было мало двух горбов. Последней шла тень белой медведицы. Она шла на задних лапах, переваливаясь, как огромная утка, и держала над головой зонтик.

И вот, как только Витя Веткин входил в какую-нибудь тень, все они сразу бросались к нему и старались перекусить крепкие тени шнурков. Они стукались лбами, толкались и даже

поцарапали ноги тени Вити Веткина, но всё равно у них ничего не получалось. Слышно было только сдавленное рычание тигра и приглушённые вздохи верблюда. Хорошо ещё, что сам Витя Веткин был в таком состоянии, что ничего не замечал. Он шёл и вдруг в ужасе остановился под большими круглыми часами. Часы показывали без пяти три. А ведь в три часа он должен был играть с Петькой. Как он мог забыть об этом?

И Витя Веткин побежал по улице.

Маленькая улица выходила на огромную площадь. Она была похожа на маленькую речку с тенистыми берегами, впадающую в большое море.

И на этой площади не было никаких теней. Вернее, на ней лежала только одна лёгкая прозрачная тень, напоминающая паутину с пауком. Это была тень от проводов со светофором посередине.

Конечно, тени зверей не могли выйти на площадь. Их сразу бы заметили и со скандалом отправили обратно в зоопарк. А Витя Веткин бежал всё быстрее и быстрее. Впереди оставалась только одна последняя тень липы. Что было делать?

– Неужели мы так ничем и не поможем этой тени мальчика, такой милой, такой талантливой? – с отчаянием прошептала зебра.

– Я так и знал!.. – простонал верблюд. – Ну, конечно, конечно, это была тень чёрного кота!

И вдруг совершенно неожиданно перед ними очутилась тень обезьяны.

Она скакала вслед за ними по верхушкам деревьев, и тени зверей просто не заметили её в суматохе.

– Здравсте, как поживаете? – быстро спросила обезьяна. – Как поживают ваши глупые когти, клыки и копыта?

С этими словами она бросилась в тень последней липы, через которую в это время пробегал Веткин.

И когда через несколько секунд Витя Веткин выскочил на площадь, – он был один. Тени с ним уже не было. Видимо, обезьяна успела развязать или просто порвала тени шнурков своими сильными пальцами.

И вот все тени стояли и, тяжело дыша, смотрели вслед бегущему Вите Веткину.

Какой маленькой и одинокой казалась его фигурка, вся залитая солнечным светом! Посреди площади он оглянулся и увидел, что его тени с ним больше не было.

Он беспомощно замахал руками, стал оглядываться по сторонам и даже схватил сам себя за ноги. У него было такое испуганное лицо, такие отчаянные глаза, что тень Вити Веткина не выдержала и отвернулась.

– Ладно, чего уж там... – проворчал верблюд, покосившись на огорчённое лицо тени Вити Веткина. – Не забывай всё-таки, что твой мальчишка так обидел дуб. А тень дуба – самая старая и знаменитая в нашем городе.

– Ты, наверное, устала! – ласково сказала зебра. – Садись на меня верхом.

– Как вам это нравится! – опять проворчал верблюд. – То она рыдает и не хочет быть тенью лошади, то она предлагает ехать на ней верхом. Какая непоследовательность. Садись лучше на меня, тень мальчика. Тебе будет удобно между моими горбами.

– Нечего изображать из себя горный пейзаж! – прорычал тигр. – Ей будет не хуже на моей ровной спине.

– А моя спина самая мягкая, – сказала медведица, бережно положив зонтик на землю и становясь на четыре лапы.

– Минуточку-секундочку! – сказала обезьяна. Она обняла за шею тень Вити Веткина и зашептала ей на ухо: – Неужели ты захочешь огорчить свою пра-пра-пра-бабушку? Ведь это я-я-я, а не они-они-они освободили тебя-тебя-тебя! Неужели ты неблагодарное животное?

И она зашептала ещё быстрее:

– Садись на трамвайчик и поезжай в зоопарк. Пойди к моей милой-любимой-дорогой обезьяне и скажи, что я вернусь к ней после дождичка в четверг или в пятницу. Только моя обезьяна стала немного глуховата. Надо войти в клетку, подойти к ней поближе и крикнуть ей прямо в ухо.

– Ладно... – со вздохом сказала тень Вити Веткина. Ей не хотелось быть неблагодарным животным.

– Трамвайчик! – закричала обезьяна. – Прыгай скорее! Цепляйся задними лапами и хватайся передними.

– Ты куда? – зарычал тигр.

– Вернись! – крикнула зебра.

– О-о-о! – простонал верблюд, потому что в это время медведица сильно дёрнула его за хвост. Если бы она этого не сделала, тень верблюда непременно бы угодила под тень трамвая.

– Встретимся в зоопарке! – прокричала тень Вити Веткина, и трамвай с грохотом скрылся за углом.

Глава 8

КАК ВИТЯ ВЕТКИН ПЕРЕСТАЛ БЫТЬ ЧЕМПИОНОМ, НО ЗАТО СТАЛ ОБЛАДАТЕЛЕМ ТЕНИ

Витя Веткин вбежал к себе во двор.

Было десять минут четвёртого.

Он, как всегда, опоздал.

Ребята толпились около клетчатой турнирной таблицы, махали руками и спорили. Они были в белых рубашках, в отглаженных пионерских галстуках. Девчонки по этому случаю говорили очень тонкими голосами, и банты у них как-то особенно торчали кверху. Петька со строгим лицом носил стулья, а за ним по пятам ходил Васька и глядел на него с обожанием.

– Явился! – закричала Люся Веткина и замахала пальцами с вышиванием, как бубном.

Все посмотрели на Веткина. А он стоял посередине двора, измученный, несчастный, и с ужасом смотрел на шахматный стол, уже поставленный в тени под широкими ветвями дуба. Веткин смотрел на него с таким видом, как будто это был эшафот, на котором ему предстояло сложить голову. Из дверей школы вышел дядя Ваня, старший вожатый. Он был в новом сером костюме.

– Ну, давайте начинать! – сказал дядя Ваня и добавил, неодобрительно глядя на Веткина. – Мы тебя ждём, а ты загорать ходишь.

Ребята окружили шахматный стол.

Девчонки уселись под дубом на скамеечке, обнялись, застыли и только по очереди моргали глазами.

– Дай ему, такому, как следует! – сказал Вася, приятель Петьки.

– Правильно! – сказал кто-то.

Вообще было ясно: все «болели» за Петьку.

Витя Веткин сел на своё место и на мгновение очутился в прохладной, густой, как сметана, тени старого дуба.

– Так вот ты какая, тень... – прошептал Веткин, испытывая такое невероятное облегчение, что ему даже захотелось заплакать.

«А ведь никто и не понимает и не знает, какая ты хорошая! – с горечью подумал он. – Чего им? Сидят в тебе, и всё. Даже спасибо никто не скажет. Только пользуются тобой. Один я всё знаю...»

Тут налетел горячий ветер и стал играть зелёной листвой. Тень старого дуба поползла куда-то в сторону, и Веткин снова очутился на солнце, а Петька в тени.

«Это она нарочно, погубить меня хочет за то, что я старое дерево топором стукнул», – ужаснулся Веткин и сказал умоляюще:

– Можно я с Петей местами поменяюсь?

Но тут дядя Ваня даже испугался.

– Что? – спросил он. – Как? Ты же белыми играешь. Может быть, ты заболел, Веткин?

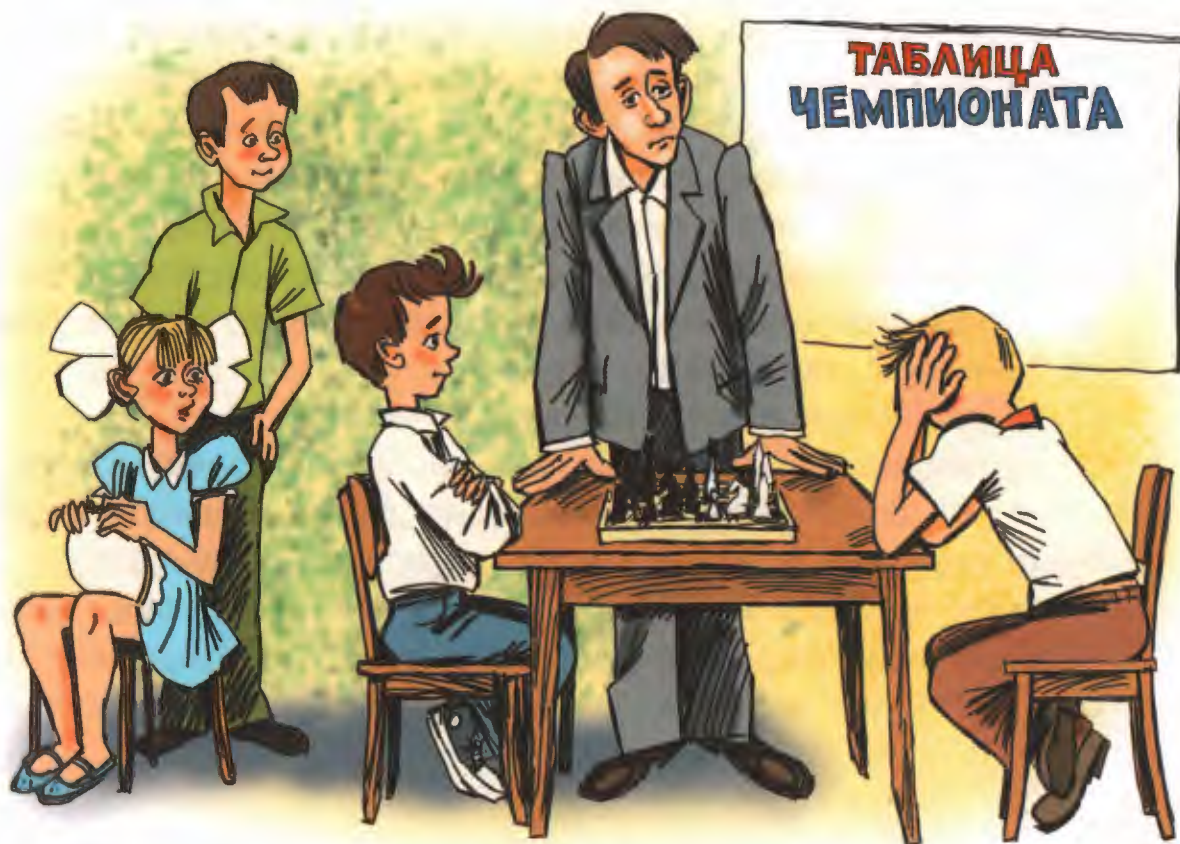
– Они не заболели, они проиграть боятся! – сказал ужасно противным голосом Васька, приятель Петьки.

Веткин только открыл, а потом закрыл рот и ничего не ответил.

– Начали! – скомандовал дядя Ваня.

В голове у Веткина стучало, как будто туда по ошибке сунули шахматные часы. Жёлтые и чёрные клетки то менялись местами, то вообще куда-то уходили с доски. Вите Веткину казалось, что ещё немного, и у него изо рта пойдёт пламя или, во всяком случае, дым.

Он постучал себя кулаком по лбу, чтобы хоть немного сосредоточиться, и пошёл пешкой. Петька тоже пошёл пешкой. Тогда Веткин снова пошёл какой-то пешкой. А Петька подумал и тоже пошёл какой-то пешкой. Веткин с трудом соображал. Фигуры прыгали у него перед глазами, как будто все они стали конями.

«Только бы ничью сделать... как-нибудь...» – сжав зубы, подумал он.

Он хотел опять пойти пешкой, но тут все закричали:

– Это не твоя пешка, это Петькина пешка!

Тогда он пошёл какой-то другой фигурой, стоявшей рядышком.

– Что ты делаешь, Веткин? – не выдержал дядя Ваня.

Но было уже поздно. Петька улыбнулся и пошёл своим ферзём.

Это был мат. Это был конец. Это Витя Веткин уже не был чемпионом.

Васька запрыгал вокруг Петьки. Девчонки запищали. Люся ахнула, но не очень громко, потому что она дружила с Петькой и на день рождения вышила ему подушку с мухомором, у которого на шляпке рядышком сидели две большие улитки. Фотограф из районного Дома пионеров сказал Петьке так же, как в прошлом году Веткину:

– Молодой человек, прошу вас ручку на бедро, головочку ко мне, улыбнитесь!.. – и сам изобразил на лице улыбку, чтобы показать, как это надо делать, будто Петька без него не умел улыбаться.

Дядя Ваня пожал Петьке руку и сказал:

– Молодец!

А на Витю Веткина никто не обращал внимания, как будто его вообще никогда и не существовало на свете.

Витя выскочил со двора и быстро пошёл в сторону зоопарка. «Найду свою тень и всё ей объясню, – шептал он про себя. – Я у неё прощения попрошу. Я ей так скажу: ты боль-

ше уже не тень чемпиона, но я теперь знаю, – ты была тенью дурака... А если я её не найду, что тогда? Вдруг она уйдёт куда-нибудь или уедет, например в Африку? Там от лишней тени никто не откажется. Или просто негритёном притворится – поди её тогда разыщи!..»

И вдруг ему показалось, что за его спиной кто-то тяжело дышит.

Он резко обернулся и увидел, как позади него мелькнуло что-то тёмное.

Это была тень.

Что было с Витей Веткиным! Он просто замер на месте с широко открытыми глазами и ртом.

– Ты!.. – лепетал он счастливым голосом. – Ты!.. Вернулась!.. Я уже не чемпион!.. Ты уже не чемпионка... Но...

– Здравствуйте, как поживаете? – сказала тень резким незнакомым голосом. – Пошли есть мороженое!

Но Веткин не слушал и только повторял:

– Вернулась... Вернулась ко мне...

– Я мороженого хочу! – вдруг громко завизжала тень и затопала своими чёрными ногами. – Мороженого!

Витя Веткин испуганно оглянулся.

– А может, домой пойдём, а? – робко предложил он. – Ты же за мной идти должна, правда? Ребята липки окапывают... сама говорила... Новые тени...

– Ерунда-ерунда-ерунда! – пронзительно закричала она. – Мороженого хочу!

– Ладно, ладно! – пробовал успокоить её Веткин. – Ну чего ты? Ну сейчас пойдём!..

И вот Витя Веткин пошёл по улице.

Он шёл на цыпочках, высоко, словно аист, поднимая ноги, боясь наступить тени на пальцы.

Он старался идти очень плавно и очень красиво, чтобы тени было приятно идти вслед за ним.

Но тень, кажется, не очень-то оценила это. Она шла за ним нахальной походкой вразвалочку и не думала повторять его красивые движения. Она небрежно размахивала одной рукой, а другую всё время держала позади, как будто прятала что-то за спиной.

– Прямо! Налево! Скорее! – командовала она. – Лезь через забор!

Витя Веткин покорно полез через забор. Забор был высокий, и Веткин, конечно, в одном месте порвал штаны и в двух местах поцарапал руку. Он из вежливости промолчал и правильно сделал, потому что тень всё равно рассердилась.

– Неуклюжее животное! – проворчала она. – Безмозглый и бесхвостый мальчишка!

С этими словами тень оперлась рукой о верхнюю перекладину забора и прямо-таки перелетела через него.

Вите Веткину и не снилось так перепрыгивать через забор.

Никакому циркачу в цирке тоже не снилось так перепрыгивать через что-либо.

– Переходи через улицу! Вон мороженщица на углу! – нетерпеливо приказала тень.

– Здесь нельзя... перехода нет... милиционер... – умоляюще бормотал Веткин.

– Беги! – взвизгнула тень. – Или беги-беги-беги! Или я от тебя убегу-убегу-убегу!

Веткин перебежал через улицу. К счастью, милиционер в это время отвернулся. Веткин, задыхаясь, подбежал к мороженщице.

– Эскимо! Скорее! – закричал он таким голосом, как закричал бы утопающий, вдруг получив возможность купить спасательный круг.

Продавщица, по локоть засунув руку в свой ящик на колесах, подала ему эскимо.

– О ... о ... о!.. – с восторгом сказала тень у него за плечом. Витя Веткин ел мороженое и даже не чувствовал его вкуса.

С ужасом видел он, что тень ест тень мороженого в три раза быстрее его. Она глотала мороженое прямо-таки огромными кусками.

– Горло застудишь! – осторожно шепнул он.

– Ври-ври-ври больше! – сердито огрызнулась тень, облизывая исключительно длинным языком тень палочки. – А ну купи ещё!

«Неужели у меня стал такой длинный язык?» – с ужасом подумал Витя Веткин и купил вторую порцию мороженого. Она исчезла так же быстро, как и первая. Больше денег не было.

– Ещё-ещё-ещё! – бормотала тень ему на ухо.

– Денег нету. Понимаешь? – Витя Веткин с жалким видом развёл руками. – Ну пойдём домой!

– Не хочу в клетку! – провизжала тень.

– Я завтра ещё у мамы попрошу!

– Не хочу завтра!

К продавщице мороженого подошла очень толстая девочка с очень тонкой косой. Она попросила фруктового мороженого. Продавщица открыла ящик. И в этот момент Веткин увидел ужасную вещь. Кровь застыла у него в жилах. Он увидел, как его тень протянула свою длинную, волосатую руку со скрюченными пальцами и тоже сунула её в ящик с мороженым. Порывшись там, она вытащила из него целую пригоршню теней эскимо. Держа их за палочки, как раскрытый веер, она прямо зубами стала срывать с них тени бумажек.

– Тенюшка, миленькая! – задыхаясь и всхлипывая, прошептал Витя Веткин. – Что ты делаешь? Ну не надо!

Но тень не обращала на него внимания. Она высоко подпрыгивала то на одной ноге, то на другой, и Веткин с ужасом заметил, что ноги у неё босые. Да-да! На них не было не только носков, но и сандалий. Теперь она уже не держала одну руку за спиной – в обеих руках у неё было мороженое.

И вдруг – нет, это просто невозможно описать словами – несчастный Витя Веткин увидел, что позади его тени, как маятник, раскачиваясь в разные стороны, болтается длинный чёрный хвост.

Глава 9

В КОТОРОЙ ОПЯТЬ ПОЯВЛЯЮТСЯ ТЕНИ ВОРОБЬЁВ, А ОДИН МИЛИЦИОНЕР ДУМАЕТ, ЧТО ОН ПЕРЕГРЕЛСЯ НА СОЛНЦЕ

После того как тень Вити Веткина уехала на трамвае, тени зверей тоже пошли к зоопарку.

Они не очень волновались за тень Вити Веткина. Им казалось, что в зоопарке с ней не может случиться ничего плохого. Ведь зоопарк был для них как большая коммунальная квартира, где жили дружные соседи. Даже у верблюда было какое-то более светлое выражение лица.

– О...о...о! – тихо бормотал он. – Значит, это всё-таки была тень не чёрного кота, а полосатого...

Дождавшись зелёного света, тени спокойно перешли через улицу. Они спрятались в тени троллейбуса, и со стороны просто можно было подумать, что у троллейбуса выросло много разных чёрных ног, мохнатых без копыт и не мохнатых, но зато с копытами. Милиционер, сидевший на углу в круглой стеклянной будке, похожей на стакан в подстаканнике, долго тёр себе глаза, а потом позвонил в милицию по телефону и сказал:

– Товарищ начальник! Говорит седьмой пост. Пришлите кого-нибудь меня сменить. Заболел я... Видно, на солнце перегрелся... – и пока его не сменили, он с тревогой провожал взглядом все троллейбусы и тёр глаза.

А тени зверей тем временем перешли через улицу и пошли дальше.

И вот зебра, отмахиваясь хвостом от летающей вокруг неё тени слепня, запела такую песенку:

Допустим, зебру (не коня!)
Укусит в нос большой слепень.
Одновременно тень слепня
Укусит в нос беднягу тень.

Тут тигр, который шёл за зеброй, грубым голосом запел охотничью песнь:

Допустим, тигр захочет есть.
А из кустов глядит олень.
Тень тигра съест в один присест
Рогатую оленью тень.

– Я не говорю о присутствующих! – сказал тигр виноватым голосом, увидев, что зебра недовольно поморщилась.
Но тут запела белая медведица:

Допустим, есть вода и льды,
И солнце светит целый день.
Там за медведем в тень воды
Тотчас нырнёт медвежья тень.

– Ну это ты уже что-то заливаешь насчёт тени воды, – сказал верблюд как всегда ворчливым голосом. – Вот попробуйте вообще прожить неделю без тени воды! Да ещё когда тебя мучает тень жажды. Да ещё когда на спине у тебя тяжёлый груз, – и верблюд запел унылым завывающим голосом:

Допустим, вот верблюд идёт.
И спину больно трёт ремень.
И тень мешков несёт вперёд
Печальная верблюжья тень.

Они уже подходили к зоопарку. Всё чаще на заборах и домах стали попадаться их портреты и фотографии, а также изображения их друзей и родственников с цветными весёлыми надписями: «Посетите зоопарк».

И вдруг на дорогу перед ними слетели тени двух воробьёв. Это были те самые неразлучные братья-воробьи.

Они так трясли хвостами и махали крылышками, что даже нельзя было разобрать, что это такое и кто это такие.

Один воробей чирикал: – Противная... Обезьяны... От... Обезьяны... Пристроилась... Настоящему... От... Ушла... Бедная....

Другой, перебивая его, чирикал: – Тень... Удрала... Своей... И... К... Мальчику... Которого... Его... Тень.

Тени зверей ничего не поняли, но разволновались.

– Пусть говорит кто-нибудь один, лев вас возьми! – закричала зебра.

– Кто из вас старший? – проревел тигр.

– Я тень старшего брата! – пропищал один из воробьёв.

– Подумаешь, на полминуты старше меня! – с обидой пискнул другой. – У тебя скорлупа была с трещиной. Ты нечестно вылупился!

– Нет, я честно вылупился! – возмутился первый.

– Нет, нечестно!

– Нет, честно!

Тени зверей от нетерпения топали ногами, рычали, визжали, но воробьи продолжали спорить.

– О-о-о! – простонал верблюд. – Тень чёрного кота! Чем перебегать мне дорогу, лучше бы ты съела этих воробьёв.

Но тут медведица ловко накрыла обоих спорщиков зонтиком, а тигр зарычал:

– Знаете ли вы, что такое тень моего гнева? Говорите же, наконец, или... или!..

И тогда из-под зонтика донеслись следующие слова:

– Противная тень обезьяны удрала от своей обезьяны и пристроилась к настоящему мальчику, от которого ушла его бедная тень.

Тени зверей замерли потрясённые. Значит, место тени Вити Веткина занято! Но ведь тень не может всю жизнь прожить самостоятельно. Это же ненормально! Это же противоестественно! Ну сколько можно нарушать законы физики? Сколько может длиться сказка? Это было ясно всем. Надо было действовать.

– Пошли! – решительно сказал тигр.

– Побежали по улице Льва! Там больше тени, – закричала зебра.

Вообще-то, конечно, это была не улица Льва, а улица Льва Толстого, но звери по каким-то своим соображениям любили называть её сокращённо.

– Значит, это всё-таки была тень чёрного кота! – простонал верблюд и побежал вслед за друзьями на своих длинных, нескладных ногах, похожих на бамбуковые палки.

Глава 10

РАССКАЗЫВАЕТСЯ О ТОМ, КАК ВИТЯ ВЕТКИН
ОТ СТРАХА СВАЛИЛСЯ С ЗАБОРА И КАК ПЕТЬКА
С ЛЮСЕЙ ИЗ-ЗА НЕГО НЕ ПОШЛИ В КИНО

Если бы это было возможно, то Витя Веткин убежал бы сам от себя. Он орал, махал руками. Он судорожно тряс в воздухе то одной ногой, то другой, пытаясь освободиться от ужасной тени, но тень не отставала и тоже трясла лапами. Веткин то бросался бежать, то изгибался всем телом,

то дрыгал ногами в воздухе, стараясь стряхнуть с себя тень обезьяны, но ничего не получалось.

Витя Веткин вбежал в тень большого дома; ужасная тень обезьяны исчезла. Но Веткин, хотя и не видел её, чувствовал её присутствие. Ему казалось, что позади него кто-то шевелится, тяжело дышит и даже с кем-то дерётся.

Слышно было хрипение, сдавленные стоны и тихое рычание.

– Ай! – в диком ужасе закричал Витя Веткин и бросился к забору. Он ухватился за верхнюю перекладину, подтянулся на руках, закинул одну ногу и в этот момент не выдержал и оглянулся. Но то, что он увидел, было так

невероятно, что пальцы у него разжались, и Веткин, как мешок, шлёпнулся на землю, хотя у него всегда была пятёрка по физкультуре. Да нет, при чём тут пятёрка! В такой момент даже учитель по физкультуре и тот бы свалился с забора.

Вокруг Вити Веткина с угрожающим и диким видом стояли тени зверей и глядели на него с отвращением. Шерсть на них была взъерошена. Они тяжело дышали. А посередине, стиснутая ими со всех сторон, стояла тень обезьяны.

Витя Веткин смертельно побледнел, и волосы встали у него дыбом. Правда, бледность была не очень-то заметна под загаром, а волосы и так у него всегда торчали прямо кверху.

– Этого не может быть! – дрожащими губами прошептал он и отполз к забору.

– Очень даже может быть! – прорычал полосатый тигр. – Мы спасли тебя от тени обезьяны, потому что мы друзья твоей тени. Для тебя мы бы и тенью пальца не пошевелили!

– Ребята!!! – закричал Веткин, вскакивая на ноги. – Ох! Вы друзья моей тени? Так вы же ничего-ничего не знаете! Я же изменился! Я понял! Я вас уважаю! Я знаю, какие вы хорошие! Я... я...

– Значит, это была тень белого кота, – проговорил верблюдов, и выражение лица у него смягчилось.

– Я теперь всё знаю, честное пионерское! – продолжал Веткин, не в силах остановиться. – Я теперь в стенгазету напишу о роли тени... Я липки поливать буду... я... я...

– Молодец! – ласково сказала зебра. – А уж как твоя тень обрадуется!

– Уф!.. – с облегчением вздохнул Витя Веткин. – А где моя тень?

– Да, где его тень? – спросила зебра.

– Да, где она? – прорычал тигр.

– Пустите меня! Вы не имеете права! – завизжала обезьяна, стараясь вырваться. – Я буду жаловаться тени директора зоопарка!

– Говори! – проревел тигр, приблизив к ней свою морду и облизывая чёрным языком совершенно чёрные зубы.

– Ой! Ой! Ой! – испуганно запищала обезьяна. – Ой! Не надо-надо-надо! Я всё скажу! Я послала её в клетку к своей обезьяне.

– Бессовестная! Что ты наделала? – закричала зебра. –
Ведь обезьяна может её уронить, ушибить, ударить, укусить,
убить!

Тени зверей вздрогнули от ужаса, и Веткину показалось,
что они даже как-то побледнели.

– Я не знала! Я не подумала! – хныкала обезьяна.

– Скорее! Скорее! – закричала зебра.

– Если бы у меня была хоть минута времени, я проглотил бы тебя! – проревел тигр.

– Пошли!

– Скорее!

– Бегом!

И вдруг случилось нечто странное. Тень обезьяны начала бледнеть и прямо-таки растворяться в воздухе.

– Держите её! – завопил Витя Веткин.

Но тень обезьяны таяла, как шоколадное мороженое. Веткин оглянулся – с другими тенями творилось то же самое: они становились всё прозрачнее и постепенно исчезали.

– Что с вами? Вы заболели? Куда вы? – закричал Веткин, обнимая за шею тень верблюда.

– Я держу тень обезьяны из последних сил... Я уже почти... Я уже больше не... – проговорила, бледнея, медведица, и голос её звучал всё тише и тише.

Это было ужасно. Веткин сжал шею верблюда изо всех сил. Но всё было напрасно. Верблюд исчез, как и все другие тени.

А в это время в городской обсерватории царила невероятная суматоха. Самый старый профессор астроном с длинной седой бородой, похожей на Млечный Путь, смотрел в самый большой телескоп на солнце.

– Скорее, скорее снимайте корону! – кричал он. – Вот уже десять лет не было такого полного затмения солнца!

Со стороны можно было подумать, что он, воспользовавшись затмением, собирается свергнуть на солнце какого-нибудь царя, но сотрудники знали: он просто хотел, чтобы скорее сфотографировали сияние вокруг солнца.

А совсем недалеко, на соседней улице, стоял Витя Веткин и в отчаянии хватал воздух руками.

На него никто не обращал внимания, потому что все пользовались случаем и глядели на солнце. В другое время на него не очень-то поглядишь. Вот все и стояли, задрав головы кверху, а на улице становилось всё темнее и темнее.

Витя Веткин топтался на месте, махал руками, говорил какие-то непонятные слова, кого-то звал, всхлипывая и дёргая носом:

– Ти-игр! Верблю-уу-уд! Вы слышите меня? Медведица, миленькая, не пускай её! Держи крепко!

Сквозь слёзы, застилавшие ему глаза, он видел, как прохожие, один за другим опускают головы и больше не смотрят на солнце. Теперь на солнце смотрели только очень старенький старичок в тёмных очках и две очень молоденькие девушки, тоже в тёмных очках. Это кончалось затмение.

Показался золотой краешек солнца, как будто оно по ошибке ненадолго стало месяцем.

Витя Веткин оглянулся. Он увидел, как вокруг него постепенно возникают слабые, еле заметные очертания теней.

Все были на месте, не хватало только тени обезьяны. Тени с тревогой вертели головами, рты их широко открывались. Это было как в кино, когда на экране все герои только открывают рты, а ничего не слышно, и все ребята в зале кричат: «Звук! Звук!» и топают ногами. Конечно, Витя Веткин не кричал и не топал ногами, он мучительно вглядывался и старался по движению губ понять, что они говорят. А тени становились всё темнее и темнее. И тут Витя Веткин услышал их слабый шёпот.

– Убежала! Удрала! Вырвалась! – шептали они сдавленными голосами.

– Что ж теперь делать? – простонал Витя Веткин, хватаясь за голову.

– Теперь уже настоящая обезьяна не отдаст тень мальчишки, – тигр в отчаянии замотал головой, а голос его звучал всё громче и громче. – Обменять она обменяла бы, а так не отдаст!

– Ах, лев подери! – сказала зебра и топнула полосатой ногой.

– Я не виновата! – с отчаянием глядя на свои лапы, проговорила медведица. – Я её держала-держала и потом вдруг перестала её чувствовать и лапы свои перестала чувствовать.

– О-о-о!.. При чём тут ты! Никто тебя не винит... – простонал верблюд. – Просто утром мне перебежала дорогу тень самого чёрного кота на свете...

Витя Веткин не выдержал, сел на землю и горько заплакал. А тени зверей скорбно стояли вокруг и не знали, чем его утешить.

И вдруг в этот самый момент на тротуар слетели тени двух воробьев и зачирикали:

– Мы... Куда... Тень... Она... Клевать... В... Мороженое... – чирикал один.

– Знаем... Побежала... Обезьяна... Побежала... Мороженое... Кафе... – перебивал его другой.

– Голубчики! – простонал верблюд, сгибая передние ноги и опускаясь на колени. – Пожалейте! Скажите по-человечески... то есть по-звериному... то есть по-птичьи!..

– Каждая секунда дорога! – прорычал тигр.

– Птички!.. – умоляюще проговорила зебра.

И тогда один из воробьев выскочил вперёд. Он расставил свои чёрные крылышки, широко раскрыл свой чёрный клювик и громко прочирикал:

– Мы знаем, куда побежала тень обезьяны. Она побежала клевать мороженое в кафе-мороженое.

– Бежим!

– Скорее!

– Подождите! – закричал Веткин. – У меня денег нет. Туда людей без денег не пускают.

«Что делать? – лихорадочно соображал он. – У мамы попросить? Мама не даст. Я у неё уже брал сегодня».

И тут он увидел, что из ворот вышли Люся Веткина и Петька. Они шли рядом, но смотрели в разные стороны.

«У Петьки-то есть, наверное, – тоскливо подумал Веткин. – Только разве он мне даст?» Но это была последняя возможность. Веткин бросился к ним.

– Братцы! – заорал он отчаянным голосом, даже забыв, что Люся приходится ему сестрой. – Жизнь или кошелёк! То есть не в этом смысле. Погибаю! Пропадаю! Одолжите денег!

– А мы в кино идём! – сказала Люся Веткина.

Петька внимательно посмотрел в глаза Вите Веткину, сунул руку в карман и протянул ему пятьдесят копеек.

– Ничего. Завтра пойдём в кино, – строго сказал он.

– Ох, спасибочки! – завопил Веткин и побежал по тековой стороне улицы.

– Подождите меня! Подождите! – кричал он кому-то.

– Ничего не понимаю! – сказала Люся Веткина.

Глава 11

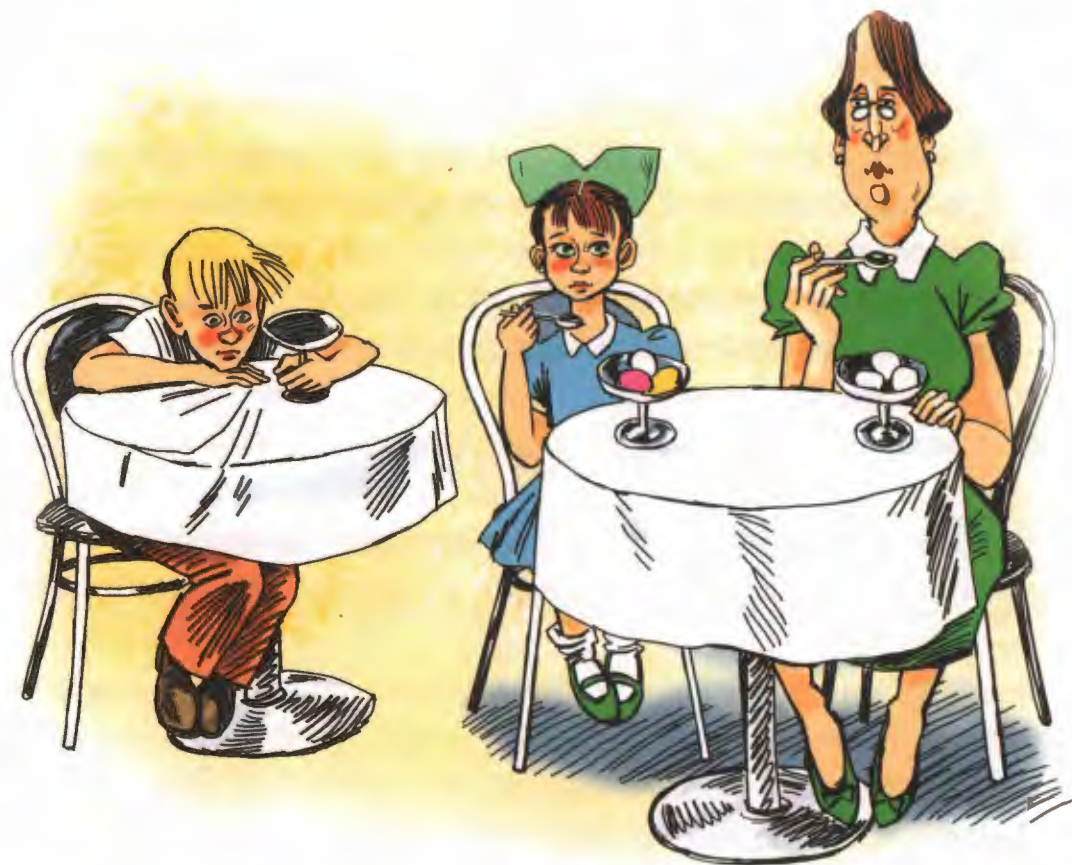
О НЕВЕРОЯТНЫХ СОБЫТИЯХ, СЛУЧИВШИХСЯ ПОД ОДНИМ ИЗ СТОЛИКОВ В КАФЕ-МОРОЖЕНОМ

Витя Веткин вбежал в кафе-мороженое, над входом которого два пингвина с видом мучеников поддерживали поднос со стеклянным мороженым.

В кафе было полно народу. Витя Веткин с трудом нашёл свободное место и сел за круглый мраморный столик в углу зала. Для теней всё было гораздо проще. Они легко нашли себе место в тени портьер и занавесок.

Витя Веткин огляделся. За соседним столиком сидел толстый гражданин и жадно глотал мороженое. В этом не было бы ничего удивительного, если бы ему было лет на пятьдесят меньше. За другим столиком сидела строгая тётя в пенсне и славная девчонка с большим зелёным бантом и большими зелёными глазами.

– Не болтай ногами! – сказала строгая тётя славной девчонке.

Девушка в белом фартуке с кружевами поставила перед Веткиным вазочку с мороженым. Витя Веткин положил свои горячие локти на холодный мраморный столик и сунул в рот ложечку мороженого. Но сейчас ему было всё равно. Он мог с таким же успехом облокотиться на раскалённую плиту и хлебнуть из носика кипящего чайника. Он напряжённо вглядывался в каждый тёмный угол, провожал глазами каждую тень. Обезьяны нигде не было.

Неужели она налопалась мороженого и удрала? Тогда всё погибло, всё пропало!

– Не болтай ногами! – строго сказала тётя славной девчонке и покосилась на Веткина с таким видом, что, будь она и его тётей, ему бы уже никогда в жизни не пришлось болтать ногами.

И вдруг сердце Вити Веткина забилось с невероятной силой. Он увидел тень обезьяны. Она шла за официанткой, державшей в напряжённых руках целый поднос, уставленный вазочками с мороженым. В каждой вазочке лежало по несколько белых, розовых и шоколадных шариков. Официантка, конечно, ничего не замечала. Она осторожно шла на своих высоких каблукках и не сводила глаз с подноса. А бесовская тень обезьяны лихорадочно хватала своей длинной мохнатой лапой круглые тени мороженого, подкидывала их, как фокусник, и ловила открытым ртом. От жадности она совсем потеряла голову. Она даже не смотрела по сторонам.

Пока официантка шла по бархатной дорожке, почти все тени мороженого были уже съедены.

Сидящая напротив Веткина «тётя не болтай ногами» спокойно стала есть мороженое, но Веткин увидел, что её тень с беспокойством выглянула у неё из-за плеча, нервно поправила тень пенсне и уставилась на пустую тень вазочки.

А обезьяна уже пристроилась в тень другой официантки, которая собирала со столов пустые вазочки с остатками мороженого.

Обезьяна ходила за ней от столика к столику, засовывала свои лапы прямо в тень вазочек и с наслаждением облизывала пальцы.

И тут Витя Веткин поперхнулся. Тень обезьяны быстро повернула голову, увидела его и заметалась по залу. Она бросилась к двери, но из полосатой тени портьера вышел тигр. Она хотела выскочить в окно, но из-за кружевных занавесок выглянули зебра, верблюд и медведица.

«Попалась!» – злорадно подумал Витя Веткин. Но вдруг обезьяна нагнулась и юркнула под один из столиков. Тени бросились туда, но обезьяны там уже не было.

Видимо, она уже перебежала в какую-нибудь другую тень.

– Что это? – прошептал толстый гражданин, уставившись на тигра, который задом вылезал из-под столика. –

Кажется, я перегрелся на солнце! – тихо сказал он и потёр ложечкой с мороженым свой лоб. Мороженое упало ему на пиджак, как будто он воткнул себе в петлицу белый цветок. Но он ничего не заметил.

– Как же я мог перегреться на солнце? – бормотал он. – Ведь я вышел на улицу, когда было затмение солнца!

Тени зверей облазили все столики, но нигде не нашли обезьяны. Она, конечно, просто перебежала из одной тени в другую, пользуясь тем, что в тени её было невозможно заметить.

Витя Веткин с глупым видом, расставив дрожащие от напряжения руки, стоял перед дверью, а строгий, важный швейцар смотрел на него с удивлением и неодобрением.

Если бы не славная девчонка, Веткин не выдержал бы и разревелся при всех.

«А что, если тень обезьяны до закрытия здесь проторчит? – с ужасом подумал он. – А в темноте мы её упустим! И тогда...»

И вдруг столик, где сидела тётя «не болтай ногами», закашлял. То есть именно столик, потому что никто из сидевших за столом не кашлял. Ведь всё-таки гланды вырезали Вите Веткину и его тени, а не тени обезьяны, и она, съев столько мороженого, конечно, простудилась.

Все тени и сам Витя Веткин тотчас же нырнули под этот стол.

Славная девчонка с зелёным бантом и с зелёными глазами замерла с открытым ртом, и видно было, как на языке у неё тает мороженое.

– Не болтай ногами! – закричала тётя «не болтай ногами», потому что в это время Веткин здорово стукнулся лбом о её колено.

– А я вовсе даже и не болтаю! – тихо сказала славная девчонка.

– Не болтай языком! – закричала тётя.

Но тётя «не болтай ногами» и представления не имела о том, какая битва разыгралась под их столиком. Из-под скатерти клочьями летела тень шерсти.

– У меня ботинок развязался! – задыхаясь, сказал красный и растрёпанный Витя Веткин, вылезая из-под стола и застёгивая пуговицы рубашки.

Тётя «не болтай ногами» посмотрела на него с отвращением и холодным презрением, а славная девчонка – с сочувствием.

Тем временем измученные тени зверей, чихая от тени пыли, уволокли обезьяну в тёмный угол.

– Она кусается! – зашептала медведица.

– Она щиплется! – тихо простонал верблюд.

– Идея! – закричала зебра.

– Тс-с-с!.. – зашипели на неё звери, как будто все они стали тенями змей.

– Надо её связать, – быстро зашептала зебра, – обрезками тени, которые остались от меня и от тигра, когда тень мальчика вырезала на нас полосы.

Эта мысль понравилась всем. И Витя Веткин связал передние лапы обезьяны.

– На помощь! – заорала обезьяна. – Хулиганы! Вам место за решёткой!..

Но тут медведица закрыла ей рот своей лапой. Посетители кафе забеспокоились, некоторые даже закашлялись, подавившись мороженым.

– Убива... раздева... – пищала обезьяна.

– Ох! – сказал верблюд. – Вот кусок тени, который остался, когда твоя тень мне делала два горба вместо одного. Возьми его и заткни ей рот.

Обезьяна как бешеная завертела головой, но Веткин всё-таки заткнул ей рот куском тени.

– О-о-о!.. Я хотел подарить его одной своей знакомой на память, – уныло вздохнул верблюд и безнадежно махнул передней ногой.

– Пошли скорее! – с беспокойством сказал Витя Веткин. Он видел, как тётя «не болтай ногами» подозвала к себе швейцара и начала что-то яростно говорить ему, указывая на Веткина, а славная девчонка с умоляющим видом тянула её за длинный рукав.

Витя Веткин и тени зверей быстро вышли из кафе-мороженого, ведя за собой связанную тень обезьяны.

Глава 12

КАК БЫЛА НАКАЗАНА ТЕНЬ ОБЕЗЬЯНЫ,
А ВИТЯ ВЕТКИН – УСТАЛЫЙ, НО СЧАСТЛИВЫЙ –
ПОШЁЛ К СЕБЕ ДОМОЙ

Витя Веткин и тени зверей, запыхавшись, бежали к зоопарку и тащили за собой тень обезьяны, которая без остановки кашляла и чихала.

Тем временем солнце стало склоняться к крышам, как будто оно хотело переночевать в какой-нибудь трубе.

Витя Веткин мельком взглянул на своих спутников, и ему стало немножко не по себе: чем ниже опускалось солнце, тем выше и длиннее становились его друзья. Можно было даже подумать, что кто-то из их родителей был жирафом. Тень верблюда свободно могла бы заглянуть в окно второго этажа, если бы только захотела.

Зоопарк уже закрывался. Наверное, в этот день Витя Веткин был его последним посетителем.

Витя Веткин купил билет и как сумасшедший побежал по дорожке, посыпанной жёлтым песком и освещённой красным заходящим солнцем.

Поперёк дорожки лежали длинные тени клеток с острыми углами и косые тени решёток.

Бедные тени зверей вынуждены были обегать их, перепрыгивать или даже перелезть через них.

А Витя Веткин, не дожидаясь их, напрямик мчался к обезьяннику.

В обезьяннике было пусто, мрачно и тихо. Последние посетители расходились, волоча за собой сонных и усталых детей.

Витя Веткин беспорядочно метался от одной клетки к другой и вдруг увидел свою тень. Сердце у него замерло. Тень, как полотенце, висела на перекладине почти под самым потолком клетки. Беспомощно болтались её длинные руки и ноги. А рядом с ней сидела обезьяна, и глаза её горели недобрым огнём. Одной лапой она держала тень за шиворот, а другой однообразным движением приставляла к её штанам тень толстой верёвки. Видимо, она никак не могла примириться с тем, что у её тени нет хвоста.

Но у неё ничего не получалось. Хвост не желал прирастать к штанам тени.

Едва обезьяна разжала лапу, – тень верёвки упала на землю. Обезьяна даже заскрипела зубами. Потом она грубо сдёрнула тень с перекладины и прыгнула вниз. Тень неловко шлёпнулась на пол клетки.

– Осторожней! – не выдержав, закричал Веткин.

Тень оглянулась, радостно и слабо взмахнула руками.

– Сейчас! – закричал Веткин, прыгая на месте. – Сейчас мы тебе поможем! Да где же они? Потерпи капельку!

Веткин с нетерпением оглядывался, но теней не было видно.

Тем временем обезьяна снова вскарабкалась наверх, а тень Вити Веткина висела у неё на руке, как тряпка.

Опять началось то же самое. Обезьяна с раздражением старалась приделать тень верёвки к штанам тени Вити Веткина. Но тень верёвки снова упала. Обезьяна, оскалив зубы, грубо швырнула тень на пол клетки. Витя Веткин заорал и сделал попытку пролезть между прутьями решётки.

Но тут, задыхаясь, прибежали тени зверей, таща за собой тень обезьяны. Тигр ловко перекусил узел, связывающий передние лапы тени обезьяны, верблюд зубами выхватил кусок тени, торчавший у неё изо рта, а медведица ловко скатала её в трубочку и сунула сквозь решётку прямо в клетку.

– Не надо! Не хочу! – хрипела тень обезьяны. – Мороженого хочу!

Обезьяна выпустила тень Вити Веткина и бросилась к своей тени. Она схватила её за плечи, потом перевернула

вверх ногами, внимательно оглядела её хвост и сразу поняла, в чём дело.

Обезьяна схватила тень верёвки и начала сильно стегать свою тень по спине и немного пониже спины.

А тень Вити Веткина проползла на животе через узкую щель внизу клетки, подошла к Вите Веткину, и они обнялись.

– Я теперь совсем... – сказал Витя Веткин.

– Да я сразу поняла, – сказала тень Вити Веткина.

Растроганные тени зверей стояли вокруг, а у верблюда на глазах даже выступили тени слёз.

– Значит, всё-таки это была тень трёхцветного кота, – сказал он.

– Надоел ты со своим котом, – сказал тигр. – Я тоже представитель кошачьих, ну и что?

– Вот если тебе дорогу перебежит чёрная пантера, да ещё незнакомая, – это не к добру, – добавила зебра. – Моя мама всегда так говорила. А чёрный кот – это чепуха.

Верблюд сконфуженно замолчал. А Витя Веткин стоял, улыбался и держал загорелой рукой тёмную руку своей тени.

– Так вы на меня больше не сердитесь? – спросил он, обращаясь к зверям.

– Конечно нет, – мягко сказала зебра. – Мы теперь все испытываем к тебе настоящую тень дружбы.

– Тень дружбы... – разочарованно протянул Витя Веткин. – Только тень?..

– Дурачок! – ласково прорычал тигр. – Если между двумя людьми тень дружбы – значит, они враги. А для нас настоящая тень дружбы всё равно, что хорошая дружба для вас, людей!

– А-а-а, – сказал успокоенный Витя Веткин.

Надо было торопиться. Солнце давно зашло, всё вокруг потемнело. Тени стали совсем прозрачными, еле различимыми в сумерках. Витя Веткин стал скорее с ними прощаться. Он испугался, что ещё немного – и ему вообще будет не с кем прощаться. И вот Витя Веткин пошёл по дорожке, а тени махали ему вслед кто лапой, а кто передней ногой.

Потом к Вите Веткину подошёл сердитый сторож, схватил его за плечо и вытолкнул за ворота зоопарка, даже не заметив, что вместе с Витей Веткиным он вытолкнул и его тень. Сквозь решётчатую ограду Веткин увидел, как сторож удаляется по тёмной дорожке и смотрит по сторонам, чтобы никто не мог спрятаться в кустах, а потом украсть льва или слона.

Витя Веткин пошёл домой. На улице уже горели круглые жёлтые фонари, а небо от этого казалось ещё темнее. Прохладный ветерок гладил лицо и шевелил волосы.

«Ух, как здорово, – подумал Веткин, – и всё потому, что ночь – это тоже большая тень».

Витя Веткин весело шагал и всё время поглядывал на свою тень. А она шла то позади него, то впереди, то даже раздваивалась, когда он оказывался между двумя фонарями.

Веткин остановился у только что отремонтированного дома. Тень, словно вырезанная из чёрного бархата, резко выделялась на белой стене.

– Мы ведь всю жизнь теперь будем вместе! Вместе расти будем! – сказал Веткин, любуясь ею. – Ой, ты бы знала, что со мной было! Провалиться на месте! Ещё немножко, и я бы заживо помер. Но ведь ты больше от меня не уйдёшь?

Тень ничего не ответила, а только отрицательно покачала головой, потому что Веткин в этот момент тоже покачал головой. Они прошли ещё немного, а потом Веткин остановился под фонарём, сунул руки в карманы, как он любил это делать, и сказал своей тени, которая лежала перед ним на тротуаре:

– Ты что думаешь, я только про тебя понял? Нет, я и про тень, и про дружбу, и вообще про всё понял. Я, знаешь, теперь совсем другой стал!

И тень опять ничего не сказала, а только тоже сунула руки в карманы и кивнула головой, потому что Витя Веткин в этот момент кивнул головой.

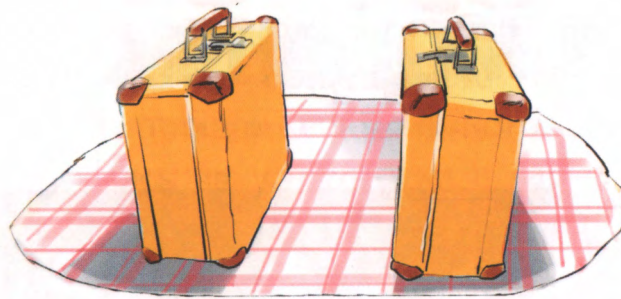
Может быть, она устала говорить, а может быть, просто кончилась сказка.

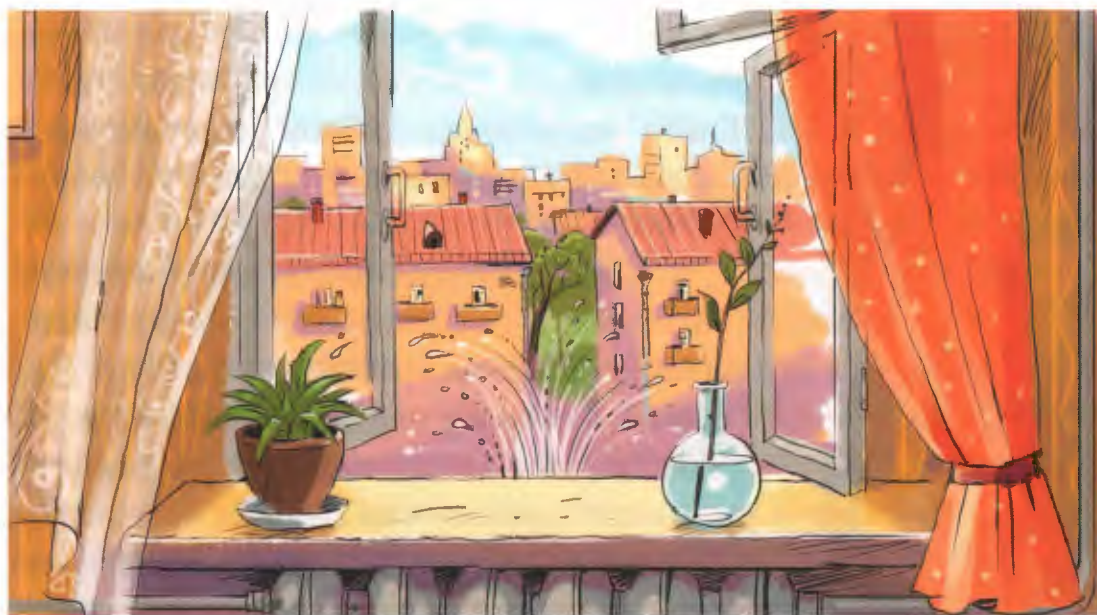

Триключения
Жёлтого
чемоданчика

Художник Вячеслав Кривенко

Глава 1

ДЕТСКИЙ ДОКТОР

Детского Доктора разбудило яркое солнце и ребячий смех. Детский Доктор мог целыми днями слушать этот смех. Это были для него самые приятные звуки на свете.

Ребята играли во дворе и смеялись.

Время от времени снизу поднималась серебряная струя воды. Можно было подумать, что посреди двора лежит большой кит. Детский Доктор, конечно, понимал, что этого не может быть. Он знал, что это дворник дядя Антон поливает клумбу.

Детский Доктор чувствовал себя утомлённым.

Последнее время у него было очень много работы. По ночам он писал книгу. Книга называлась: «Роль справедливой драки в нормальном развитии мальчишки».

Днём он работал в детской поликлинике, а после работы собирал материал для своей книги. Он ходил по дворам и скверам, входил в тёмные подъезды и даже заглядывал под лестницы.

«Как хорошо, что сегодня мне не надо идти в поликлинику! – подумал Детский Доктор. – Я смогу сегодня отдохнуть и, может быть, даже закончу седьмую главу моей книги. У меня сегодня только два вызова. Правда, один случай очень тяжёлый: эта грустная девочка Тома...»

В это время раздался громкий звонок.

Детский Доктор пошёл в переднюю и открыл дверь.

За дверью стояла мама.

Конечно, это была не мама Детского Доктора. Это была мама какого-нибудь мальчика или девочки. Но то, что это была мама, было несомненно. Это было сразу видно по её большим несчастным глазам.

Детский Доктор тихонько вздохнул и пригласил эту чью-то маму в кабинет.

Правда, это была очень хорошая мама. Детский Доктор это сразу определил.

Такая мама наверняка умела быть строгой.

Но с другой стороны, такая мама наверняка разрешала своему ребёнку лазить по деревьям и бегать босиком по лужам.

«Интересно, как она относится к дракам? – подумал Детский Доктор. – Её мнение было бы важно для моей книги “Роль справедливой драки в нормальном развитии мальчишки”...»

– Вы понимаете, Доктор... – волнуясь, начала мама. Её глаза были совсем тёмными и несчастными. А ведь, наверное, её глаза умели ярко сиять. – Видите ли... Мне вас очень рекомендовали... У меня сын Петя... Ему девять лет. Он очень болен. Он... вы понимаете... он... трус...

Прозрачные слёзы одна за другой закапали у мамы из глаз. Можно было подумать, что вдоль щёк у неё висят две нитки блестящих бус. Видно было, что ей очень тяжело.

Детский Доктор смутился и стал смотреть в сторону.

– Вот рано утром... – продолжала мама. – Понимаете, как проснётся... или, например, как придёт из школы... а вечером...

– Так, так, – сказал Детский Доктор. – Минуточку, минуточку. Вы лучше отвечайте на мои вопросы... В школу ходит один?

– Провожая и встречаю.

– А в кино?

– Уже полтора года не был.
– Собак боится?
– Даже кошек... – тихо сказала мама и всхлипнула.
– Понятно, понятно! – сказал Детский Доктор. – Ну ничего. Современная медицина... Приходите ко мне завтра в поликлинику. Я вас запишу на двенадцать часов. Вам удобно в это время?

– В поликлинику? – растерялась мама. – Вы знаете – он не пойдёт. Ну ни за что на свете. Не могу же я вести его силой? Как вы считаете?.. Я думала... вы к нам на дом... Мы здесь недалеко живём. На сто втором автобусе...

– Ну хорошо, хорошо... – со вздохом сказал Детский Доктор и с тоской посмотрел на свой письменный стол. – Мне всё равно сейчас надо ехать на Лермонтовский проспект к этой грустной девочке Томе...

И Детский Доктор стал складывать лекарства в свой небольшой чемоданчик. Чемоданчик был среднего возраста, не новый и не старый, жёлтого цвета, с блестящими замками.

– Минуточку, минуточку, чтобы не забыть... Это порошок смеха для грустной девочки Томи. Очень сильнодействующее средство... Уж если он не поможет... Так... Бутылка антиболтина. Так, так. Перед употреблением взбалтывать... Это для одного болтуна... А для вашего Пети...

– Простите, Доктор... – опять засмущалась мама. – Вы и так очень любезны... Но... Петя не принимает никаких лекарств. Боится. Он даже не пьёт газировку, потому что она шипит. А суп я ему наливаю в мелкую тарелку. Он боится есть из глубокой тарелки.

– Естественно, естественно... – задумчиво пробормотал Детский Доктор.

– Вы находите это естественным? – От удивления мамы глаза стали в четыре раза больше.

– Это естественно для данного заболевания, – ответил Детский Доктор, насыпая что-то в бумажный кулёк. – Таким детям я даю лекарство в виде конфет. Вы видите, самая обыкновенная конфета в розовой бумажке. Самые трусливые дети смело кладут её в рот и...

Детский Доктор и мама вышли на улицу.

На улице было просто замечательно!

Солнце было горячее. Ветерок прохладный. Дети смеялись. Взрослые улыбались. Куда-то быстро ехали машины.

Детский Доктор и мама подошли к автобусной остановке.

За жёлтым забором уходила в небо высокая телевизионная вышка. Она была очень красивая и очень высокая. Наверное, всем мальчишкам в этом районе она снилась каждую ночь.

А на самом её верху горел ослепительный огонёк. Он был такой яркий, что лучше было целый час смотреть на солнце, чем одну минуту на этот огонёк.

Вдруг этот огонёк погас. И тогда стало видно, что там на самом верху копошится какой-то чёрный муравей. Потом этот чёрный муравей пополз вниз.

Он становился всё больше и больше, и вдруг оказалось, что это вовсе не муравей, а рабочий в синем комбинезоне.

Потом в жёлтом заборе открылась какая-то дверца, и рабочий, нагнувшись, прошёл через эту дверцу. В руке у него был жёлтый чемоданчик.

Рабочий был очень молодой и очень загорелый.

У него были ярко-голубые глаза.

«Может быть, они такие голубые, потому что он работает так высоко в небе?.. – подумал Детский Доктор. – Нет, конечно, я рассуждаю слишком наивно...»

– Вы уж извините меня, старика! – сказал Детский Доктор молодому рабочему. – Но я хочу вам сказать, что вы очень смелый человек!

– Ну что вы! – смутился молодой рабочий и стал ещё моложе и стал совсем похож на мальчишку. – Ну какая тут смелость!

– Работать на такой высоте! Разрешите пожать вашу руку! – разволновался Доктор и, поставив свой жёлтый чемоданчик на землю, протянул руку молодому рабочему. Молодой рабочий тоже поставил свой чемоданчик на землю и пожал руку Детскому Доктору.

– Вы, конечно, в детстве любили драться? Я не ошибся? Молодой рабочий покраснел и в смущении покосился на людей, стоявших в очереди.

– Да, бывало... Ну что вспоминать такие глупости...

– Это совсем не глупости! – воскликнул Детский Доктор. – С точки зрения науки... Но сейчас говорить об этом не время. Главное – это ваша удивительная смелость. Смелость – это...

– Наш автобус, – тихо сказала мама.

Но она сказала это таким голосом, что Детский Доктор сразу на неё посмотрел. Он увидел, что её лицо побелело и стало каким-то каменным. Можно было подумать, что это не мама, а статуя мамы. А глаза, которые умели сиять, стали совсем мрачными.

Детский Доктор виновато втянул голову в плечи, подхватил жёлтый чемоданчик и полез в автобус.

«Ах я разбитый градусник! – думал он, стараясь не глядеть на маму. – Какая бестактность говорить в её присутствии о смелости. Я врач и так грубо ткнул пальцем в рану. Да ещё такая хорошая мама... Ах я дырявая грелка, ах я...»

Глава 2

Трусливый мальчишка

Мама открыла дверь и через тёмную переднюю провела Детского Доктора в ярко освещённую комнату.

Комнату заливало солнце.

Но как будто этого было мало. Под потолком горела большая люстра. На тумбочке стояла зажжённая настольная лампа. А на столе лежал зажжённый электрический фонарик.

– Петенька мой! – тихо и ласково сказала мама. – Это я пришла! Где ты?

Под кроватью кто-то зашевелился. Можно было подумать, что там лежит большая змея.

– Петенька! – опять тихо и ласково сказала мама. – Я здесь. Я не дам тебя никому в обиду. Вылезай, пожалуйста!

Из-под кровати показалась голова мальчишки.

Детский Доктор посмотрел на Петьку и улыбнулся.

Он терпеть не мог лечить мальчишек и девчонок, которые ему не нравились. А Петька ему сразу понравился.

То есть, конечно, не весь Петька, а только Петькина голова. Весь Петька был ещё под кроватью.

Но у Петьки был хороший подбородок, симпатичные уши, торчавшие в разные стороны, а на носу были четыре замечательные веснушки.

– Вылезай, вылезай, – сказал Детский Доктор, радуясь, что Петька ему понравился. – Под кроватью темно, вылезай на солнышко.

Петька на животе осторожно вылез из-под кровати. Теперь он был похож не на змею, а на большую ящерицу без хвоста.

– Ну вставай, вставай, чего на полу лежать-то! – сказал Детский Доктор. – По полу, знаешь, иногда мыши ходят.

– Встань, Петенька, не бойся! – тихо и терпеливо сказала мама.

Петька встал. Теперь он был похож не на ящерицу, а просто на хорошего мальчишку.

Детский Доктор обошёл вокруг Петьки, глядя на него своими опытными глазами.

– А ну-ка, согни руку, я посмотрю, какие у тебя мускулы!

Петька посмотрел на маму жалкими глазами и согнул в локте дрожащую руку.

– Совсем не так плохо! Совсем не так плохо! – довольным голосом сказал Детский Доктор. – А ну-ка, теперь подпрыгни!

Но вместо того чтобы подпрыгнуть, Петька обеими руками вцепился в спинку стула. Петька так в не-

го вцепился, что его пальцы побелели, как от-
мороженные.

– Ну подпрыгни, сыночек! – тихо сказала
мама. – Ну пожалуйста. Это надо для лечения...

Петька с упрёком посмотрел на маму
и подпрыгнул.

По правде говоря, когда он подпрыгнул,
между его подошвами и полом с трудом мож-
но было просунуть мизинец маленького ребёнка.

– Отлично, отлично! – сказал Детский Доктор и сел
за стол. – Случай, конечно, запущенный, но не тяжёлый. Сто
граммов конфет «Настоящей храбрости» – и он будет здо-
ров. Вот увидите: он сейчас съест одну конфетку и пойдёт
гулять во двор.

И тут глаза мамы, которые умели сиять, наконец засияли.

«Да, да, я не ошибся, – подумал Детский Доктор, – они
могут сиять, её глаза...»

– Неужели это правда? – сказала мама и засмеялась
от счастья. – Ну тогда я пойду на работу, а то я уже совсем
опазываю. Мне и так придётся бежать всю дорогу. Я только
попрошу соседку, чтобы она посидела с Петенькой, и пойду.

– Никаких соседок! Никаких соседок! – строго сказал
Детский Доктор. – Я категорически против соседок. Это мо-
жет только повредить. Я сам прослежу, чтобы ваш сын как
следует разжевал конфету «Настоящей храбрости» и прогло-
тил её. И всё будет в порядке.

– Мамочка! – прошептал Петька.

– Не бойся, сыночек, надо слушаться доктора.

– Не уходи! – всхлипнул Петька.

– Но ты же слышал, что сказал Доктор. Всё будет хорошо!
И с этими словами эта хорошая мама крепко поцеловала сына, крепко пожала руку Детскому Доктору и ушла.

Она ушла очень счастливая, и глаза её сияли.

А Детский Доктор взял жёлтый чемоданчик и поставил его на стол.

Потом он потянул замки большими пальцами в разные стороны. Замки громко щёлкнули, и чемодан открылся.

И вдруг Детский Доктор громко вскрикнул и уставился в открытый чемоданчик с таким видом, как будто он уставился в открытую пасть крокодила.

Потом он схватился руками за волосы и замер с открытым ртом. Потом он закрыл рот, опустил руки, схватил чемоданчик и вывалил всё его содержимое на стол.

На стол тяжело упала толстая серая книга и металлический щиток с тёмным стеклом посередине. На книге большими буквами было написано «Верхолаз-электросварщик».

– Чемодан... – прошептал Детский Доктор белыми дрожащими губами. – Это не мой чемодан...

Петька хрипло заревел от страха.

Детский Доктор посмотрел на Петьку отсутствующими глазами.

– Это чемодан того храброго молодого человека, – проstonал он. – Ну конечно, я не взял свой чемодан, а взял не свой чемодан. То есть я хочу сказать, что он взял мой чемодан, а не взял свой чемодан. А в моём чемодане лежат конфеты «Настоящей храбрости»... О-о-о...

Детский Доктор снова застонал таким ужасным голосом, как будто у него заболели сразу все зубы.

– Эти конфеты может есть только трус. А этот храбрый молодой человек и так слишком храбрый. Если он съест хоть одну конфету, он станет чересчур храбрым, и тогда... Нет, нет, его надо скорее найти! Вот тут на книжке написано: Валентин Ведёркин. Я должен бежать! – закричал Детский Доктор, поворачиваясь к Петьке. – А ты подожди тут маму!

Но Петька всей тяжестью повис на рукаве Детского Доктора. Слёзы заливали всё его лицо и, как серьги, болтались на оттопыренных ушах. Рукав затрещал. Ещё немного, и Детский Доктор отправился бы на поиски Валентина Ведёркина в пиджаке с одним рукавом.

- Я один не останусь! Я боюсь! – рыдал Петька.
- Тогда пойдём со мной!
- И с вами не пойду! Я боюсь!
- А чего ты больше боишься: оставаться здесь или идти со мной?
- Одинаково!
- Выбирай!
- Боюсь выбирать!
- Ну, решай, скорее!
- Боюсь решать!
- Ну, скорее!
- Боюсь скорее!
- Ну хочешь, я отведу тебя к соседке? Как её зовут?
- Тётя Катя.
- Где она живёт?
- Не знаю.
- Ну, в какой квартире?
- Не знаю.

- Ну, пойдём её поищем!
- Боюсь искать!..
- Так мы с тобой до вечера проговорим! – закричал Доктор, бросаясь к двери. – А я больше не могу ждать!..

Глава 3

Валентин Ведёркин и его бабушка

Валентин Ведёркин стоял посреди комнаты и смотрел на потолок. Он был уже не в синем комбинезоне, а в красивом костюме.

Рядом с ним стояла его бабушка Анна Петровна и тоже смотрела на потолок.

Две пары голубых глаз смотрели на потолок.

На потолке было жёлтое пятно. Оно было совсем ни к чему на этом белом потолке в этой новой комнате.

– Течёт, – вздохнула Анна Петровна. – Ночью дождик был, и опять протекло.

Анна Петровна была маленькая старушка с тихим, добрым лицом. У неё были добрые глаза, добрый рот и добрые брови. Даже нос и щёки у неё были добрые.

– Ты бы с управдомом поговорила, бабушка! – с досадой сказал Валентин Ведёркин.

Анна Петровна подняла на него кроткие голубые глаза.

– Я бы с ним поговорила, да вот он со мной говорить не хочет, – с огорчением сказала она. – Вон он, на лавочке сидит...

– Давай я с ним поговорю!

– Что ты, что ты, Валечка! Ты человек горячий! – испугалась Анна Петровна. – И голос у тебя такой, слишком громкий. Ещё соседа нашего побеспокоишь. Я вот чай пью, так сахар в чашке не размешиваю. Боюсь, ложечкой звякну – потревожу его. Может, он сейчас отдыхает. Может, ему сегодня лететь... Ты иди, иди, милый, а то в кино опоздаешь...

Анна Петровна проводила внука в переднюю и закрыла за ним дверь.

«Надо же, какой отчаянный! – подумала она, на цыпочках возвращаясь в комнату. – Даже управдома не боится».

Анна Петровна села на стул и стала смотреть на жёлтое пятно.

Она смотрела на него и смотрела, как будто это пятно могло прибавить ей силы для разговора с управдомом. Наконец она подошла к окну.

Управдом сидел на скамейке, смотрел на клумбу и о чём-то думал. У него было красное лицо и красная шея. Посреди красного лица торчал не очень красивый нос, похожий на большую грушу.

Анна Петровна долго откашливалась и даже сама себе улыбалась от смущения, а потом робко крикнула:

– Пожалуйста, будьте так любезны... Я вас очень прошу... Домоуправ поднял голову и что-то зарычал. Анна Петровна поскорее ушла с балкона, хотя балкон был на пятом этаже. «Ну что ж, пятно – это только пятно... Не упадёт же оно мне на голову, – подумала она. – Правда, вот осенью, когда пойдут дожди...»

Анна Петровна вздохнула и принялась за уборку. Она повесила в шкаф синий комбинезон. Потом она открыла жёлтый чемоданчик. Она всегда в нём тоже наводила порядок.

«Конфеты! – умилилась она, заглянув в небольшой бумажный кулёк. – Ну совсем ещё дитя, совсем дитя! Не может без сладенького. А конфеты какие-то интересные. Никогда таких и не видала... Надо попробовать...»

И тут эта милая, добрая старушка развернула конфетку и сунула её в рот. Конфета была приятная, немного мятная, немного сладкая, а немного какая-то не поймёшь какая. После неё во рту стало прохладно и даже весело.

«Очень хорошие конфеты! – решила Анна Петровна и съела ещё одну. – Даже лучше «Мишки». И недорогие, наверное. Только вот надо мне будет с управдомом ещё раз поговорить, и посерьёзнее...»

Вторая конфета ей показалась вкуснее, чем первая, и она съела ещё одну конфету.

– И правда, какое безобразие, – сама себе сказала Анна Петровна. – На скамейке сидеть у него всегда времени хватает, а вот о жильцах подумать – на это времени у него нет. Ну, я до этого управдома ещё доберусь!

В коридоре слышались шаги.

Анна Петровна подскочила к двери, распахнула её и втащила в комнату высокого лётчика.

У лётчика было очень смелое лицо. У него были смелые глаза, высокий, смелый лоб и твёрдые, смелые губы.

Наверное, он ни разу в жизни ничего не пугался. Но сейчас он смотрел на Анну Петровну с изумлением и даже некоторым страхом.

– А ну-ка, голубчик, сейчас же садись пить чай! – закричала Анна Петровна и стукнула кулаком по столу. (Старенький стол испуганно покачнулся. За всю его долгую жизнь в этой семье по нему никто не стучал кулаком.) – Как это так получилось, что мы живём в одной квартире, а я тебя, голубчик, ещё ни разу не напоила чаем?

– Спасибо, Анна Петровна, – растерянно сказал лётчик. – Я только что...

– Тогда хоть конфеты эти возьми, горе моё! – продолжала кричать Анна Петровна. – Знаю я вас!.. Небось в воздухе захочется сладенького! Вот и скушаешь!..

И с этими словами Анна Петровна высыпала весь кулёк конфет в карман лётчику.

– Ну, а как твоя грустная дочка Тома? Ещё ни разу не улыбнулась? Надо будет ей тоже купить конфет!

Смелое лицо лётчика потемнело. Наверное, когда его самолёт шёл в сплошных грозовых тучах, у него было такое лицо.

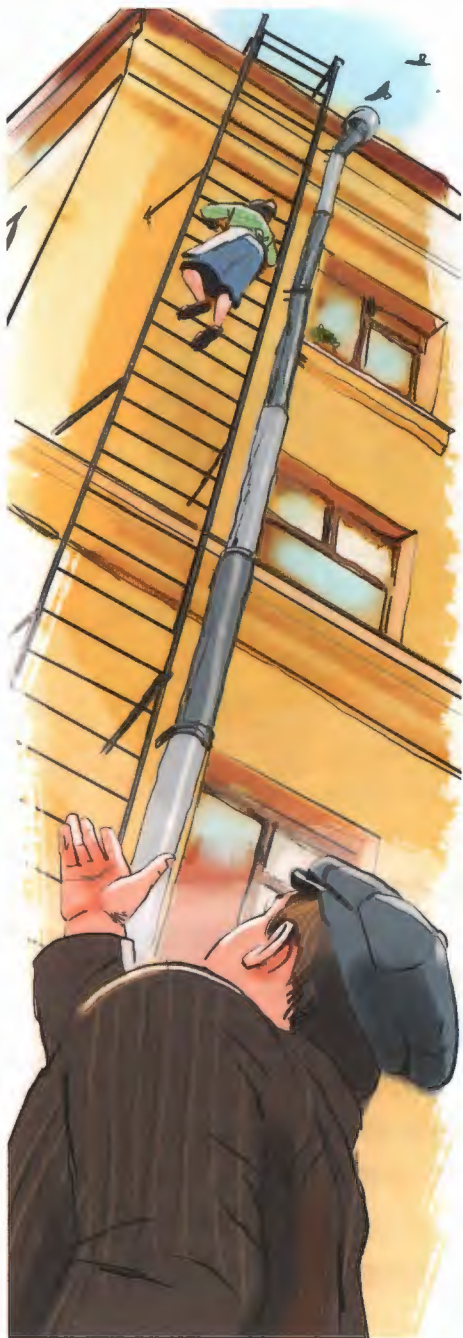
– Спасибо вам, Анна Петровна, но здесь конфетами не поможешь, – тихо сказал лётчик, и его смелые губы дрогнули. – Тома перестала улыбаться с тех пор, как заболела её мама. Вы знаете, её мама две недели была тяжело боль-

на. Сейчас она здорова. Но Тома с тех пор никак не может улыбнуться. Она разучилась. Я обратился к самому лучшему Детскому Доктору в нашем районе... Может быть, он заставит её улыбнуться...

– Ничего, не отчаивайся, голубчик! – закричала Анна Петровна. – В её-то возрасте!.. Это вот если в моём возрасте разучиться улыбаться! Ну, выпей-ка чаю! Я его сейчас подогрею.

И она так сильно толкнула лётчика на диван, что все пружины квакнули, как лягушки.

– К сожалению, я должен идти, – сказал лётчик, поднимаясь и потирая ушибленный локоть. – У меня сегодня полёт, а я ещё до полёта хотел зайти к своему старому приятелю. Он работает в цирке укротителем. Там у них, знаете, разные дрессированные медведи, собачки, клоуны. Может быть, они рассмешат мою грустную девочку... И спасибо вам за конфеты...

Едва только за смелым лётчиком закрылась дверь, Анна Петровна бегом бросилась к окну.

Управдом по-прежнему сидел во дворе на скамейке, по-прежнему смотрел на клумбу и по-прежнему о чём-то думал.

– Эй, голубчик! – так громко крикнула Анна Петровна, что воробьи с писком посыпались во двор. – Что за безобразие? А ну-ка сейчас же полезай на крышу!

Управдом поднял красное лицо и ухмыльнулся.

– Некогда мне тут по разным крышам лазить. У вас течёт – вы и полезайте!

– Ах так?! Ну хорошо, голубчик!.. – закричала Анна Петровна.

Анна Петровна ещё больше высунулась из окна и обняла обеими руками голубую водосточную трубу, как будто это

была её самая лучшая подруга. Мелькнули в воздухе её домашние тапочки с белым мехом.

Через минуту она с гордым видом стояла на пожарной лестнице.

Она посмотрела вниз и увидела задрванное кверху лицо управдома. Оно было похоже на белое блюдечко, на котором лежала довольно большая груша. Управдом так побледнел, что даже шея у него стала совершенно белой.

Глава 4

НА ПОЖАРНОЙ ЛЕСТНИЦЕ

Детский Доктор бежал по улице и тащил за собой дрожащего Петьку. Вернее, Петька летел по воздуху и только изредка отталкивался от земли носками своих ботинок.

Детский Доктор влетел в большую толпу, которая стояла прямо посреди улицы. Он чуть не сбил с ног высокую тётю в ярко-красной шляпе и какого-то рыжего мальчишку. Рыжий мальчишка стоял, задрав голову кверху, и держал не поймёшь что на верёвочке. Это было что-то серое и настолько мохнатое, что не было видно ни глаз, ни ушей.

«Гав-гав-гав!» – не переставая лаяло это серое и мохнатое. Значит, скорее всего, это была собака.

А рыжий мальчишка не переставая говорил.

– А она ка-ак из окна высунется, – говорил рыжий мальчишка, – ка-ак закричит, ка-ак за трубу уцепится, вот так руками её обхватит!..

С этими словами рыжий мальчишка крепко обхватил руками ногу какого-то высокого дяди.

– До чего довели пожилую женщину! До пожарной лестницы! – закричала высокая тётя в ярко-красной шляпе.

– Такая тихая старушка! Кошке на хвост наступит – извинится!

– Да уж, мухи не обидит!

– Какая муха? При чём тут муха? Муху-то не жалко обидеть! А вот человека обидели! Упадёт! Упадёт!

– Кто? Кто?

– Чуткости, чуткости не хватает! Если бы побольше чуткости, не полезла бы она на пожарную лестницу!

– Кто? Кто?

– Да Ведёркина из сороковой квартиры!

– Ведёркина?! – закричал Детский Доктор, хватая каких-то людей за локти.

Он поднял голову и застонал от ужаса.

На пожарной лестнице, почти под самой крышей, стояла маленькая старушка. Белые волосы выбились из-под платка с розовыми цветочками. Голубые глаза горели. А сатиновый передник развевался по ветру, как пиратский флаг.

Немного ниже её на пожарной лестнице стоял человек с бледным лицом и протягивал к ней то одну, то другую руку.

Ещё немного пониже стоял дворник в белом переднике.

А ещё пониже стоял монтёр с большим мотком проволоки через плечо.

– Слезьте, Анна Петровна, слезьте! – умоляюще кричал человек с бледным лицом. – Я вам слово даю: сейчас же сам полезу! Да держитесь вы крепче!

– Я-то держусь, а вот ты слово своё не удержишь! – спокойно сказала старушка и погрозила ему пальцем.

– Ай!.. – закричал человек с белым лицом.

– Ох!.. – простонал дворник, который стоял на несколько ступенек ниже.

А монтёр, стоявший ещё ниже, задрожал так сильно, как будто через него всё время проходил электрический ток.

«Голубые глаза... – подумал Детский Доктор. – Конечно, это его бабушка...»

Петька обнял Детского Доктора обеими руками, постарался засунуть голову ему под халат.

– А она ка-ак за трубу схватится, ка-ак по лестнице полезет, а они ка-ак закричат!.. – ни на минуту не замолкал рыжий мальчишка. – А сама руками вот так перебирает, а ногами вот так переступает...

«Гав-гав-гав!» – лаяла безухая и безглазая собака.

Наверное, она тоже была болтунья, только она говорила на собачьем языке.

– Анна Петровна, слезайте! – закричал Детский Доктор. – Произошло недоразумение!.. Вы съели конфету... и при её помощи!..

– Карету?! – наклоняясь, закричала Анна Петровна. – «Скорой помощи»?!

Молод ты ещё, голубчик, так со мной разговаривать!

– Да нет! – Детский Доктор в отчаянии сложил ладони стаканчиком, прижал их ко рту и закричал изо всех сил: – Произошла ошибка!

– А я и не шибко! – с достоинством отвечала Анна Петровна. – Лезу себе не спеша на крышу, и всё...

– У меня чемоданчик вашего внука! – уже в полном отчаянии крикнул Детский Доктор и поднял над головой жёлтый чемоданчик. Он поднял его с таким видом, как будто это был не чемоданчик, а спасательный круг.

– Валечкин чемоданчик! Как же это он у тебя очутился? – ахнула Анна Петровна и, быстро перебирая руками и ногами, стала спускаться вниз.

– Осторожнее! – закричала толпа.

– Ой! Она сейчас прямо на нас упадёт! – прошептал Петька и согнулся, закрыв голову руками.

Но Анна Петровна, ловко ухватившись за трубу, уже нырнула в окно своей комнаты.

Детский Доктор побежал к подъезду. Петька бросился за ним.

На лестнице Петька отстал от Детского Доктора. Детский Доктор, как мальчишка, прыгал через две ступеньки. А Петька, как старый старичок, еле тащился вверх по лестнице, дрожащей рукой цепляясь за перила.

Когда Петька наконец вошёл в комнату Анны Петровны, Детский Доктор уже сидел на стуле и со счастливой улыбкой вытирал со лба крупные капли пота.

А перед ним на столе стояли рядышком два одинаковых жёлтых чемоданчика.

– Дорогая Анна Петровна! Вот теперь, когда я вам всё объяснил, вы понимаете, почему я так разволновался... – с облегчением говорил Детский Доктор и никак не мог перестать улыбаться. – Значит, вы никогда не лазили по пожарным лестницам? Прежде вы за собой этого не замечали? Так сколько конфет вы съели?

– Три штуки, голубчик! – немного смущённо сказала Анна Петровна. – Так ведь я думала, что это Валечкины... А то бы я...

– Ничего, ничего. Их должно остаться ещё больше десятка, – успокоил её Детский Доктор.

Он открыл свой жёлтый чемоданчик, заглянул туда, а потом с удивлением посмотрел по сторонам.

– А где же они? Вы их, наверное, положили в какое-нибудь другое место?

Но тут с Анной Петровной случилось что-то странное. Она быстро заморгала своими голубыми глазами и закрыла лицо передником.

– Ой! – прошептала она.

Детский Доктор, глядя на неё, побледнел и привстал со стула.

Петька всхлипнул и спрятался за шкаф.

– Нет больше этих конфет, голубчик! – тихо сказала Анна Петровна. – Отдала я их!

– Кому?!

– Да нашему соседу... Лётчику...

– Лётчику?..

– Ну да... Испытатель он... Какие-то самолёты испытывает, что ли, – ещё тише прошептала Анна Петровна из-под сатинового передника.

– О-о-о... – простонал Детский Доктор и сел на пол рядом со стулом. – Какой ужас! Если он съест хоть одну конфетку... Ведь все лётчики такие смелые. Они даже слишком смелые. Их, наоборот, учат осторожности... О-о-о...

Анна Петровна опустила передник и шагнула к Детскому Доктору.

– Так что же ты на пол уселся, голубчик? – закричала она. – Потом посидишь на полу, если хочешь. А сейчас бежать

надо, бежать! Где-то тут с тобой мальчишка был? В глазах что-то вроде мальчишки мелькнуло. Где он, мальчишка?

Она схватила Петьку за вихор и мгновенно вытащила его из шкафа, как вытаскивают морковку из грядки.

Петька громко и жалобно заревел.

– Пойдёшь во двор! – закричала Анна Петровна и вытерла его мокрый нос своим сатиновым передником. – Там найдёшь такую грустную девчонку Тому. Она где-нибудь там гуляет. Ты её сразу узнаешь. Все девчонки хохочут, а она

даже не улыбнётся. Найдёшь её и спросишь, где её папа. А мы тут пока...

– Я один не пойду!

– Вот ещё!

– Я боюсь!

– Вот ещё! – закричала Анна Петровна и вытолкнула его на лестницу.

Глава 5

ГРУСТНАЯ ДЕВЧОНКА

Петька вышел во двор. Двор был чужой и страшный.

Около забора была навалена большая куча кирпичей и лежали толстые трубы. В такую трубу мог свободно залезть довольно большой зверь, а уж за кирпичами вообще мог спрятаться целый тигр или полслона.

«Мама, мамочка! – с тоской подумал Петька. – И зачем я только ушёл из дому! Сидел бы дома под столом или лежал под кроватью... как бы хорошо было...»

Около сарая стояла группа мальчишек и девчонок. Они окружили рыжего мальчишку.

– А он ка-ак схватит чемоданчик! – быстро говорил рыжий мальчишка. – А она ка-ак закричит! А он ка-ак побегит! А она ка-ак в окно полезет! А я ка-ак...

«Гав-гав-гав!» – без передышки лаяла его безухая и безглазая собака.

Петька по очереди посмотрел на всех девчонок. Девчонки были розовые и весёлые. Три девчонки улыбались,

две смеялись, а одна девчонка, откинувшись назад, громко хохотала, и были видны её белые зубы.

«Нет, здесь нет грустной девочки! – подумал Петька. – Может, она там, за сараем? Только как бы мимо этих мальчишек пройти...»

Петька, стараясь не смотреть на мальчишек, боком полз за сарайчик.

– Эй, ты! – сказал Петьке высокий противный мальчишка и ткнул в него пальцем.

На голове у противного мальчишки была маленькая панамка. Наверное, он отнял эту панаму у какого-нибудь малыша.

Петька с тоской посмотрел на противного мальчишку и попробовал поскорее пройти мимо него. Но мальчишка ухмыльнулся и выставил вперёд свою длинную ногу.

Петька споткнулся и кувырком полетел на землю.

– Ха-ха-ха! – противно захохотал мальчишка.

Петька стукнулся об землю коленками, локтями, животом, подбородком и немного носом. Но он даже не посмел зареветь. Ему казалось, что противный мальчишка сейчас бросится на него и разорвёт его на кусочки.

Петька, дрожа всем телом, быстро уполз за сарайчик. Здесь в тени росла трава и даже торчало два круглых одуванчика. Петька почувствовал животом, что земля здесь гораздо холоднее.

Он немножко успокоился и посмотрел вокруг. И тут он увидел грустную девочку. Он вообще никогда не видал таких девочек. Он даже не знал, что такие девочки вообще бывают на свете.

Она сидела на бревне, поджав под себя худые загорелые ноги, и прутиком рисовала на земле домики. Это были очень грустные домики. Окна у них были закрыты, а из труб не шёл дым. Около домиков не было ни заборов, ни деревьев с круглыми яблоками.

Петька уставился на её грустное лицо. А какие ресницы были у грустной девочки! Пожалуй, даже слишком длинные. Петька, например, ни за что на свете не хотел бы иметь такие ресницы. Когда она посмотрела вниз на какую-то букашку, ресницы до половины закрыли её щёки.

У Петьки, наверное, был очень глупый вид. Он лежал на животе, и круглый одуванчик покачивался около его носа. Но грустная девочка посмотрела на него и не улыбнулась.

– Эй, ты! Тебя зовут Тома? Да? – хрипло спросил Петька.

– Тома! – грустно и серьёзно сказала девочка. – А чего ты тут ползаешь?

– Это я... так, – шёпотом сказал Петька и оглянулся на сарайчик. – А где твой папа?

– А зачем тебе мой папа? – грустно и удивлённо спросила Тома.

– Понимаешь, у него такие конфеты... – быстро зашептал Петька, подползая к ней поближе. – А они не простые... Если он их съест, – беда... Он ведь лётчик... а они...

– Беда? С папой беда? – Тома вскочила на ноги. Её глаза так широко открылись, что на лице почти не осталось места для рта и носа.

– Ты куда? Я здесь один не останусь! – закричал Петька.

Петька тоже вскочил на ноги и схватил Тому за руку. Рука у Тома была очень худенькой, ненамного толще, чем лыжная палка. Тома посмотрела на Петьку огромными испуганными глазами. Она смотрела на Петьку, но казалось, что она его не видит.

– Бежим за мной! Там Детский Доктор... Ну, скорее же!.. Я тебе всё объясню...

Петька и Тома бегом бросились через двор.

Мальчишки и девчонки, стоявшие около сарая, вытаращили на них глаза и замерли с открытыми ртами. И только рыжий мальчишка продолжал что-то быстро говорить. И его

безухая и безглазая собака тоже не переставая что-то говорила на своём собачьем языке.

Петька и Тома вбежали в квартиру.

Дверь в квартиру была открыта, но в квартире никого не было. Ни Анны Петровны, ни Детского Доктора. Только на столе рядышком стояли два жёлтых чемоданчика.

Тома заморгала глазами. На Петьку повеяло ветерком. Как будто мимо него пролетела птица.

– А где же все? Что ж теперь делать? – отчаянным голосом сказала Тома. – Надо искать папу! Надо ехать на аэродром!

Петька изо всех сил вытянул шею и осторожно заглянул в жёлтый чемоданчик Детского Доктора.

– Ой, там ещё бутылка какая-то! А вдруг в ней тоже что-нибудь опасное? И там ещё что-то... Нельзя его здесь оставлять.

– Бери чемоданчик, и бежим! – закричала Тома.

Глава 6

ПЕТЬКА РЕШАЕТ БОЛЬШЕ НИКОГДА НЕ РЕВЕТЬ

Петька и Тома выбежали на улицу.

В руках у Петьки был жёлтый чемоданчик Детского Доктора. В нём что-то булькало и перекачивалось с боку на бок.

Улица оглушила и ослепила Петьку.

Машины крутили колёсами, фыркали и обдували его горячим воздухом. Солнце сверкало в их стёклах, как будто в каждой машине сидели десять мальчишек с зеркальцами в руках и пускали зайчики.

Петька на секунду зажмурился, и сейчас же ему на ногу наехало какое-то колесо.

– Ой! – закричал Петька.

Он открыл глаза и увидел детскую голубую коляску.

– Ну что же ты стоишь, мальчик? – сердито сказала толстая тётя, толкая его коляской.

Петька шагнул в сторону и налетел на какого-то дядю с портфелем.

– Куда же ты идёшь, мальчик? – закричал дядя и ткнул его в бок портфелем.

Петька шарахнулся от него и налетел на какую-то старушку без портфеля, но зато с большой сумкой в руках.

– Куда же ты бежишь, мальчик? – закричала старушка.

Петька с беспомощным видом закружился на месте.

– Иди сюда, я тут! – услышал он Томин голос.

Тома стояла под большой круглой липой.

Её лицо в зелёной тени казалось совсем бледным, а глаза были очень тёмными и мрачными.

Петька шагнул к ней, но в это время позади него послышался ужасный рёв. Конечно, так мог реветь только огромный, страшный зверь!

Петька, еле дыша от страха, оглянулся и увидел крошечного малыша.

Малыш стоял около дверей булочной и отчаянно ревел. Никогда в жизни Петька не видал таких некрасивых малышей. Глаз у него почти не было, а рот был огромный, как дыра

в водосточной трубе. Наверное, мама, когда кормила его супом, совала ему в рот большую разливательную ложку.

Слёзы двумя ручьями текли по щекам малыша, огибая огромный рот.

– Бою-у-сь!.. – орал малыш. – Мама-а!

Тома присела около малыша на корточки.

– Ну не плачь! Ну не плачь! Ну чего ты боишься! – сказала Тома и погладила малыша по жёлтой чёлке.

– Боюсь!.. – ещё громче заорал малыш.

– Ну чего ты боишься, глупенький? Ты же не в лесу! Вон дяди и тёти идут и смеются. Говорят: «Ай, как стыдно!»

– Боюсь!.. – кричал малыш, ещё шире открывая рот и поливая Томины руки слезами.

– Что же делать? – Тома в отчаянии снизу вверх посмотрела на Петьку. – Не могу же я с ним остаться!.. Ой, а вон наш троллейбус...

Дверь булочной хлопнула. Из булочной быстро вышла тётя с очень жёлтой чёлкой и очень голубыми глазами. В руках она держала два батона и булку.

– Мама! – сказал малыш и закрыл рот.

И тут Петька увидел, что это очень хорошенький малыш. Глаза у него были большие и очень голубые, а рот такой маленький, что туда с трудом влезла бы чайная ложка.

– Наш троллейбус! Ну садись же! – закричала Тома.

Она ухватила Петьку за руку своей маленькой рукой, ещё мокрой от слёз малыша. Петька, довольно громко стуча зубами, полез в троллейбус.

Петька никогда один не ездил в троллейбусах. Когда он был маленьким, он всегда ездил с мамой. А когда он вырос, всё равно ездил с мамой, потому что боялся ездить один.

Он, дрожа всем телом, прислонился боком к какой-то строгой тёте. У тёти были строгие очки, строгие глаза под очками и строгий нос, похожий на птичий клюв.

Строгая тётя оттолкнула его от себя.

– Что с ребёнком? – сказала она строгим голосом. – Он весь трясётся... и, потом, в нём что-то стучит!..

Петька быстро зажал рот рукою. Это стучали его зубы. Его бедные зубы, которые болели после каждой ириски или пирожного. Но Петька всё равно ни за что не соглашался

пойти к зубному врачу. Он так боялся бормашины, как будто она была хищным зверем и вместе с тиграми бегала по джунглям.

Строгая тётя наклонилась к Петьке и крепко ухватила его за плечо.

Петьке показалось, что она сейчас клюнет его своим строгим носом...

– Я бо... – прошептал Петька.

– Болен? Ребёнок болен! – ахнула строгая тётя. – Больной ребёнок едет в троллейбусе! Его надо немедленно отправить в больницу!

– Я не болен, я бо...

– Что «бо»?! – закричала строгая тётя.

– Я бо-юсь!..

– Ребёнок боится ехать в больницу! – снова закричала строгая тётя и ещё крепче ухватила Петьку за плечо. – Надо скорее вызвать «Скорую помощь»! Ему совсем плохо! Как он дрожит! Остановите троллейбус!

Петька покачнулся и закрыл глаза.

Он чувствовал сквозь рубашку твёрдые пальцы строгой тёти. Как будто у неё была не обычная, человеческая рука, а железная.

Тома пролезла между строгой тётей и Петькой.

Она подняла голову и посмотрела на строгую тётю.

– Он не болен, – сказала Тома своим тихим и серьёзным голосом. – Он боится... боится опоздать. Мы очень торопимся. Правда?

У Петьки с трудом хватило силы кивнуть головой.

Строгая тётя с сожалением выпустила Петькино плечо, видимо, она всё-таки считала, что на всякий случай лучше остановить троллейбус и отправить в больницу этого дрожащего мальчика.

А Петька поскорее пробрался на свободное место, подалее от строгой тёти и поближе к окошку.

Тома села рядом с ним.

И вдруг прямо в десяти шагах от себя за стеклом троллейбуса Петька увидел свой дом.

Розовый дом плавно уплывал назад.

А вместе с домом уплывал и голубой забор, и скамейка, и дворник в белом фартуке, и соседка тётя Катя.

Тётя Катя стояла рядом с дворником, и они улыбались друг другу.

Петька вскочил на ноги.

– Ты куда? – удивлённо спросила Тома.

– Я уже приехал... Всё... Это мой дом...

– А разве ты... не со мной?

Петька посмотрел на Тому. Её глаза были такими большими, что Петьке захотелось, чтобы они были хоть немножко поменьше. И не такие грустные. Бледные губы Тома дрогнули.

– Я с тобой, – буркнул Петька и снова сел на скамейку рядом с Томой.

С тоской посмотрел он на угол розового дома, на свой балкон, где мама повесила сушиться на верёвке его трусы и старую ковбойку.

Троллейбус завернул за угол и быстро поехал по длинной улице, увозя Петьку всё дальше и дальше.

Тома прижалась к окну лбом. Она тихонько стучала по стеклу кулаком и нетерпеливо шептала: «Ну скорее, скорее!» А Петька низко-низко опустил голову.

Что-то тёплое и мокрое побежало у него по щекам.

Кап!.. – на светло-серых брюках появилось тёмно-серое круглое пятно.

И тут Петька почему-то вспомнил малыша, который стоял и плакал около булочной. Петька вспомнил его огромный рот и слёзы, бегущие по щекам.

Петька сжал кулаки.

«Не зареву! Ни за что не зареву! Неужели у меня тоже такой вид, когда я реву? – подумал он и покосился на Тому. – Нет, больше никогда в жизни не буду реветь!»

Глава 7

Очень высокий и очень длинный ЗАБОР

Петька и Тома бежали вдоль длинного забора. Петька старался бежать как можно ближе к Томе и даже несколько раз задел её жёлтым чемоданчиком по ноге.

– А мой папа любит сладкое! – несчастным голосом прошептала Тома. – Он недавно с чаем целую банку варенья съел.

Её ноги в коричневых тапочках замелькали ещё быстрее.

– А ты знаешь, где аэродром-то? – на бегу крикнул Петька. – А может, мы не туда бежим?

– Ну да, не знаю! Он здесь, за этим забором. Там уже лётное поле. Надо только до конца забора добежать.

– Да... а он вон какой длинный... Это пока мы добежим...

– Ой, правда! – Тома так резко остановилась, что Петька налетел на неё и ухватился за её руку. – Давай через него перелезем!

– Да мы не пере...

– Ну как-нибудь!

Петька посмотрел на забор.

Пока он бежал вдоль этого забора, забор казался ему очень длинным, но совсем не казался высоким. Но когда Петька решил через него перелезть, ему показалось, что это самый высокий забор на свете. Он был до самого неба и даже ещё немного выше.

– Этот забор знаешь какой длинный, – сказала Тома. – А так мы гораздо скорее... Как хорошо, что ты со мной пошёл! Ты мне поможешь... Что бы я без тебя делала?

Тут Петька снова посмотрел на забор. И забор сразу показался ему намного ниже. Петька поставил жёлтый чемоданчик на землю, подпрыгнул и уцепился руками за верхнюю перекладину.

Петька никогда не лазил через заборы. Он никогда даже близко не подходил к заборам. Он всегда думал: «Зачем подходить к забору, когда ещё неизвестно, что там за забором?»

Ноги у него болтались в воздухе. Наконец ему удалось перекинуть одну ногу через верхнюю перекладину.

Петька сел верхом на забор. Сверху он увидел тонкий пробор на Томиной голове и узкие плечи.

– Давай руку, – сказал Петька, но не удержался на перекладине и, как мешок, свалился на землю по другую сторону забора.

Он сел, потирая ушибленный бок и локоть.

– Отдай! Не трогай! Это не твой! Ай! – вдруг жалобно закричала Тома.

Голос у неё был такой, как будто она вдруг очень сильно заболела.

– Ха-ха-ха! – захохотал кто-то отвратительным смехом.

Петька вскочил на забор.

Он даже сам не понял, как это у него получилось.

Тома стояла и тянула к себе жёлтый чемоданчик. А рядом с ней стоял противный мальчишка в маленькой белой панаме и тоже тянул к себе жёлтый чемоданчик. И при этом он громко хохотал, показывая ярко-жёлтые нечищенные зубы.

– Это мой чемодан! – закричал Петька.

– Ты ещё откуда взялся? – захохотал мальчишка. – Твой чемодан? А что в этом чемоданчике?

– В нём?.. В нём?.. – растерялся Петька. – А в нём бутылка...

Противный мальчишка рванул чемоданчик, и Тома села прямо в лопухи, которые росли около забора.

– А что в бутылке?

– Я... Я не знаю...

– Значит, не знаешь? – захохотал мальчишка. – Так я и знал. Значит, чемоданчик твой, бутылка твоя, а что в бутылке – не знаешь!

– Там... там...

– А что ещё в чемоданчике?

– Не знаю...

– «Не знаю, не знаю»! – передразнил его мальчишка. – А я знаю! Откуда это у тебя будет такой чемоданчик? Ты, наверное, украл этот чемоданчик!..

– Я не крал! – закричал Петька и свалился с забора.

– А ну-ка, ребята, посмотрите, что в чемоданчике? – крикнул противный мальчишка.

И тут только Петька заметил, что позади противного мальчишки стоят ещё четыре мальчишки и среди них рыжий мальчишка с мохнатой собакой на верёвочке.

Рыжий мальчишка схватил чемоданчик.

– Да это не его чемоданчик! – быстро заговорил он. – Это того дяденьки чемоданчик! Он его ка-ак поднимет!.. А та тёнька ка-ак закричит!..

«Гав-гав-гав!» – залаяла безухая и безглазая собака.

Наверное, она тоже рассказывала про дяденьку и про тёньку, а может быть, и про что-нибудь совсем другое. Рыжий мальчишка открыл жёлтый чемоданчик.

– Тут какая-то бутылка! – закричал он. – Я сейчас ка-ак...
Тома громко заплакала.

– Эх ты, балда, ещё с рёвой связался! Ха-ха-ха! – захохотал противный мальчишка. – Ведь она рёва, рёва!

Петька посмотрел на Тому. Она сидела на земле, и большие лопухи доходили до её подбородка. Из лопухов торчала только её голова и две руки, закрывавшие лицо.

– Она не рёва! – закричал Петька и, сжав кулаки, бросился на противного мальчишку.

А мальчишка был высокий. А мальчишка был страшный. А мальчишка, наверное, дрался каждый день. А у мальчишки были такие большие кулаки, как будто у него было по десять пальцев на каждой руке.

Но всё равно Петька не мог стерпеть, чтобы кто-нибудь обзывал Тому рёвой. Даже если бы она редела с утра до вечера всю жизнь.

Петька ударил противного мальчишку кулаком прямо в нос. Противный мальчишка лягнул его ногой. Тогда Петька ударил его кулаком прямо в подбородок. Противный мальчишка, как волк, лягнул своими нечищеными зубами и свалился в лопухи.

Тем временем рыжий мальчишка, не переставая говорить, вытащил из бутылки пробку и поднёс бутылку ко рту. Он сделал один большой глоток, потом второй и вдруг замер с открытым ртом.

Бутылка выпала из его растопыренных пальцев.

Белая жидкость потекла по лопуху, как по большой зелёной тарелке.

Безухая и безглазая собака, громко лая, начала лизать эту белую жидкость и вдруг замерла, широко открыв пасть и высунув розовый язык. Оказалось, что у этой собаки всё-таки был ещё и язык.

– Смотрите, тут какая-то коробочка! – закричал самый маленький мальчишка в коротких штанах и подкинул вверх белую квадратную коробочку.

Коробочка открылась.

Тонкая, серебристая пыль окутала мальчишек.

– Ха-ха-ха! – звонко захохотал маленький мальчишка в коротких штанах.

– Ха-ха-ха! – захохотали другие мальчишки.

– Ой, я не могу! Держите меня, я сейчас упаду в лопухи!

– Какое смешное слово «лопухи»! Хи-хи-хи!

– Ха-ха-ха!!

Только рыжий мальчишка стоял, расставив руки, и молчал, наверное, впервые с тех пор, как родился.

Противный мальчишка вылез из лопухов. На носу у него была большущая шишка, и поэтому нос стал какой-то двухэтажный.

– Ха-ха-ха! – ещё громче захохотали мальчишки, указывая на него пальцами.

- Ой, ребята!
- Ой, поглядите!
- А нос-то какой! Ну и носище!

Противный мальчишка закрыл панамой свой двухэтажный нос и заревел. Нос у него теперь стал такой большой, что маленькая панاما оказалась на него в самый раз.

Но Петька и Тома всего этого не видели. Они давно были по другую сторону забора и со всех ног мчались к аэродрому. В руке у Петьки был пустой жёлтый чемоданчик.

Глава 8

Опять очень высокий и длинный ЗАБОР

Анна Петровна и Детский Доктор бежали вдоль длинного забора. Они пыхтели, как два паровоза устаревшей конструкции.

– Уф, Анна Петровна, – на бегу проговорил Детский Доктор, – мы совершили, уф, две непростительные ошибки. Во-первых, уф, мы должны были взять такси, а во-вторых, уф, мы не должны были заходить к этому укротителю, уф!

– Но я думала, ох, что Томин отец у него, ох! Я же не виновата, ох, что мы никого не застали!

– А я, уф, никого не виню, уф! – на бегу крикнул Детский Доктор.

– Нет, я чувствую, ох, по вашему тону, ох, что вы считаете меня виноватой, ох! – на бегу ответила Анна Петровна.

– Я ничего не считаю, уф! Главное, уф, нам скорее попасть на аэродром, уф. Неужели, уф, этот ужасный забор, уф, никогда не кончится, уф?

– Но, ох, через него, ох, можно, ох, пе... ох, ре... ох, лезть!.. – С этими словами Анна Петровна высоко подпрыгнула и попробовала ухватиться за верхнюю перекладину. Но она тут же упала в лопухи.

Она лежала в лопухах, тяжело дыша, и была похожа на паровоз, свалившийся под откос.

– Анна Петровна, уф, я как врач, уф, увы, в нашем возрасте, уф... Но, может быть, здесь есть какая-нибудь калитка или дырка?

– Не может быть, чтобы не было калитки! – закричала Анна Петровна, вылезая из лопухов. – В жизни не слыхала, чтобы был забор без калитки! На то он и забор, чтобы в нём калитку делать! Только где она?

– А вот идёт какой-то мальчик! Мы у него спросим!

Действительно, им навстречу шёл рыжий мальчишка.

Позади него уныло тащилась безухая и безглазая собака. Её розовый язык волочился по пыльным лопухам.

– Ох, это такой болтун! – с досадой поморщилась Анна Петровна. – Целый час будет болтать, пока... Эй, говори не медленно, где здесь калитка?

Но рыжий мальчишка с тоской посмотрел на неё и ничего не ответил.

– Где, где калитка? – снова закричала Анна Петровна.

Но рыжий мальчишка несколько раз открыл рот, как рыба, вытащенная из воды, и опять ничего не ответил.

– Да что с тобой такое? – закричала Анна Петровна и, оттолкнув рыжего мальчишку, бросилась вперёд, как паровоз, который снова поставили на рельсы.

– Ха-ха-ха!

– Ой, братцы! Хо-хо-хо!

– Ой, не могу! Хи-хи-хи!

Детский Доктор и Анна Петровна замерли, потрясённые. Они увидели трёх мальчишек.

Мальчишки лежали на земле. Они корчились от смеха, из глаз их лились крупные слёзы, ослабевшими руками дер-

жались они за животы и хохотали не переставая. Самый маленький мальчишка в коротких штанах лежал на земле, задрав кверху розовые колени. Он был похож на жука, который лежит на спине и никак не может перевернуться.

– Где здесь калитка? – закричала Анна Петровна, останавливаясь над ним и сжимая кулаки.

– Калитка? – в полном изнеможении простонал маленький мальчишка. – Ха-ха-ха!

– Калитка? Ну и смешное слово! Хо-хо-хо! Ха-ха-ха! Я сейчас лопну!

– Хи-хи-хи! Калитка! Я не могу остановиться!

- Ой, держите меня, братцы! Ха-ха-ха!
- Да что они, все с ума посходили, что ли? – в отчаянии закричала Анна Петровна. – Да я их всех сейчас...
- У нас нет на это времени! – крикнул Доктор, бросаясь бежать. – Нам надо торопиться! Мы и так уже...
- Детский Доктор не договорил и побежал ещё быстрее.

Глава 9

НА АЭРОДРОМЕ

Петька и Тома бежали по квадратным плитам аэродрома. Со стороны можно было подумать, что два очень молодых пассажира опаздывают на самолёт.

На бетонированных дорожках стояли огромные, тяжёлые самолёты, раскинув свои красивые крылья, и механики в синих комбинезонах поили их бензином и кормили маслом.

– Скорее, скорее! – закричала Тома. – Может быть, мой папа ещё не улетел!

Из-за круглого белого облака вылетел самолёт. Он казался совсем маленьким. Он блеснул своим серебряным животом и кувырком полетел вниз.

– Это папка! – закричала Тома и горестно всплеснула руками. – Я знаю, знаю...

Слёзы бежали у неё по лицу, а ветер вытирал и сушил их.

А серебряный самолёт, блестя как рыбка, падал всё ниже и ниже и только у самой земли вдруг взмыл носом вверх и стал кругами уходить за белое облако.

«Ну ясно, он все конфеты съел!.. – холодея от ужаса, подумал Петька. – Ещё бы немножко – и об землю...»

– Ай!

Прямо на них по длинной дорожке бежал огромный самолёт. Он бежал прямо на Тому и Петьку и становился всё больше и больше. И вдруг с грохотом и свистом он поднялся в воздух, на мгновение закрыв собой всё небо.

Петька схватил Тому за руку и рванул книзу. Они упали на бетонные плиты.

Тяжёлый грузный самолёт быстро уменьшался, становясь лёгким и серебристым.

– Вы что тут делаете? – закричал молодой лётчик, подбегая к ним.

Он был очень бледный. Глаза у него были холодные и злые.

Он крепко схватил Тому за руку, а Петьку за ухо и поднял их с земли.

– Нашли место, где играть! Да вы могли!.. Да вас он мог!.. Да от вас могло!..

И злой лётчик с таким шумом выдохнул воздух, как будто он не дышал уже целый час.

– Нам нужен самый главный начальник! – отчаянно заорал Петька, обеими руками цепляясь за лётчика.

– Вечно вы, мальчишки, что-нибудь придумаете! – ещё больше разозлился молодой лётчик, отдирая от себя Петькины руки.

– Нет, нам очень нужен главный начальник! Самый главный! Тут одни такие конфеты... Её папа съел конфеты!.. – попробовал объяснить Петька и замолчал. По лицу лётчика он увидел, что тот ещё больше рассердился.

– Конфеты?! Ах, конфеты?.. А может быть, он ещё и мороженое съел? А ну уходите отсюда сейчас же!

– Мой папа... – сказала Тома.

Она всё время стояла и смотрела на лётчика исподлобья, а тут она подняла голову и посмотрела ему в глаза. И всё, что Петька так безнадежно пытался объяснить ему словами, она каким-то образом объяснила ему глазами.

Лицо у лётчика стало очень серьезным. Он положил руку Томе на голову.

И Петька увидел, что рука у этого лётчика очень добрая. Она ласково погладила Томины спутанные волосы.

– А ну, ребята, за мной! – сказал лётчик и, повернувшись, быстро зашагал к невысокому зданию со стеклянной вышкой в конце лётного поля.

В комнате, куда лётчик привёл Тому и Петьку, все стены были стеклянные. Можно было смотреть направо и налево и куда хочешь, и всё было видно.

Никогда ещё Петька не видел такой чудесной комнаты.

За столом сидел человек в лётной форме.

У него были седые волосы и орлиный нос.

Этот человек был похож на смелого вождя какого-то индейского племени.

Если бы ему в волосы вставить длинные перья, надеть на шею бусы и раскрасить лицо... Нет, даже без этого он был похож на вождя индейского племени.

– Я – Тома Петрова! – закричала Тома, бросаясь к нему. – Мой папа...

И вот что произошло через полторы минуты.

Седой лётчик, похожий на индейского вождя, нажал какую-то кнопку и придвинул к себе микрофон.

– Я – Река! Я – Река! – сказал седой лётчик. Он немножко побледнел. А может быть, Петьке это просто показалось. – 403 – на приём! Вы меня слышите?

– Я – 403! Я – 403! Я вас слышу!

Голос был совершенно спокойный. Но Тома вздрогнула, потому что это был голос её отца.

– 403, отвечайте. Вы ели сегодня конфеты?

– Что?!

– Отвечайте на вопросы. Вы ели сегодня конфеты... в розовых бумажках?

– В розовых бумажках?!

– Да, да! Вас угощала сегодня ваша соседка конфетами в розовых бумажках?

– Что?.. Ах да, вспомнил. Совершенно верно. Но...

– 403, вы ели эти конфеты?

– Нет.

– Уф!.. – сказал седой лётчик. На мгновение он откинулся в кресле и закрыл глаза. Но это было только на одно мгновение.

– Я вам категорически запрещаю есть эти конфеты!

– А у меня их и нет!

– Нет?!

– Нет.

– А... где же они?

– Я... Ах, да... Я заезжал по дороге к своему приятелю и оставил их у него на столе.

– А кто ваш приятель?

– Он укротитель зверей.

– Ой! Дядя Федя... – тихо сказала Тома и прижала руки к груди.

– А он смелый? – шёпотом спросил Петька.

– У-у!.. Знаешь, какой он смелый... У него там львы... – тоже шёпотом ответила Тома.

– Тогда бежим! – закричал Петька.

Вообще-то Петьке очень понравилось в кабинете самого главного лётчика. Он бы даже охотно переехал жить в этот кабинет, если бы ему предложили.

Но сейчас надо было бежать.

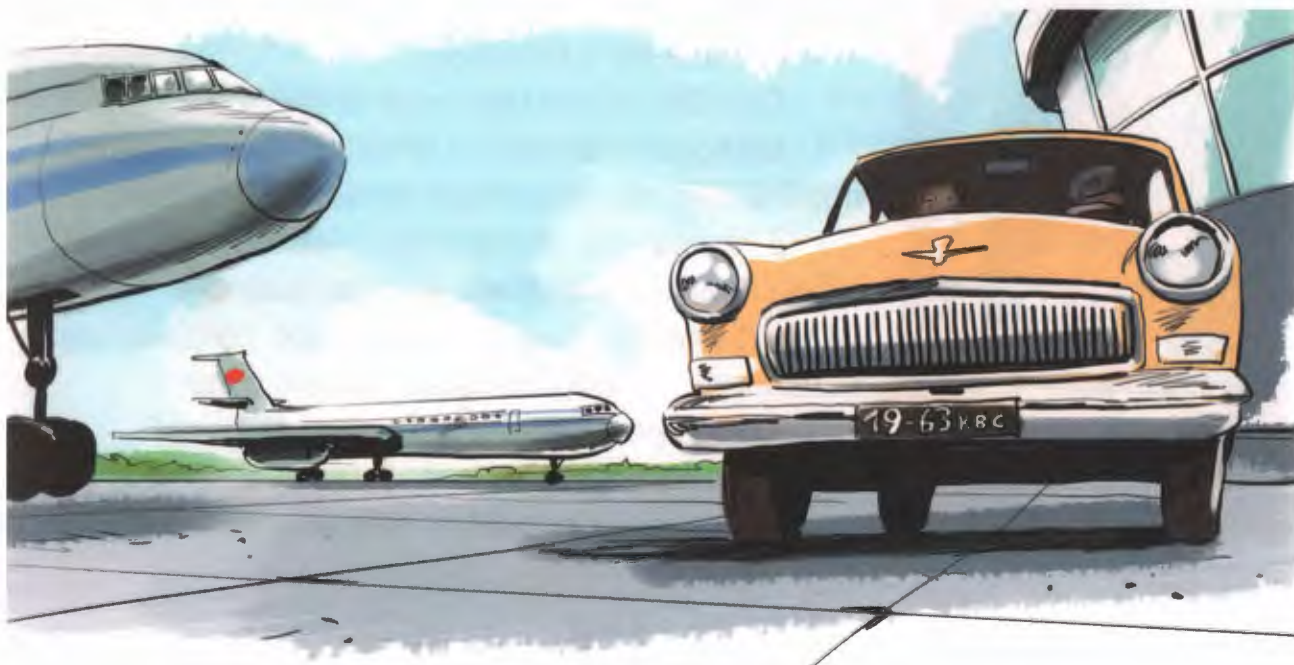
Петька схватил Тому за руку и потащил её из кабинета. Тома на бегу обернулась и крикнула: «Спасибо!» А Петька не оборачивался и только кричал: «Скорее!»

На лестнице их догнал молодой лётчик.

– Пойдите, пойдите, ребята. Я поеду вместе с вами, – сказал он. – Идите вот сюда. Полковник дал свою машину.

И в этот момент, когда серая «Волга» заворачивала за угол, в конце аэродрома показались две странные фигуры.

Это был пожилой человек и старушка в домашних тапочках.

Глава 10

В ЦИРКЕ

Серая «Волга», скрипнув тормозами, резко остановилась. Петька, Тома и молодой лётчик бросились вверх по плоским ступеням.

У Петьки закружилась голова от пёстрых афиш. На афишах кто-то кувыркался, кто-то на ком-то стоял, кто-то открывал зубастую пасть.

Молодой лётчик и Петька подбежали к окошечку, над которым выпуклыми буквами было написано «Администратор».

Два кулака сразу застучали в закрытое окошечко.

Петькин кулак был не очень большим и стучал не очень громко: тук-тук-тук!

А кулак молодого лётчика был большой и тяжёлый и стучал очень громко: трах-тах-тах!

Окошечко открылось.

Оно было ярко-жёлтым в тёмной стене.

Молодой лётчик и Петька сунули туда головы и что-то закричали дикими голосами.

В окошечке показалась женская голова с большими удивлёнными глазами.

– Билетов нет. Уже второе отделение началось!.. – сказала женщина.

– А укротитель уже выступал?

– Наверное, как раз сейчас выступает!

– Скорее, скорее! – закричала Тома.

Её голос в большом пустом помещении звучал как-то гулко и странно.

Толстая билетёрша, стоявшая в стеклянных дверях, замерла, и рот её тоже открылся, как окошечко.

Петька быстро проскочил мимо неё.

Он проскочил так быстро, как будто он был не мальчишка, а кусок ветра.

Нет, он всё-таки был мальчишкой, потому что сейчас же раздалось:

– Эй, мальчик, куда?..

И толстая тётя побежала за ним, громко шлёпая подошвами.

Петька выбежал в круглый коридор. Тут всюду были зеркала и красивые картины.

В длинном зеркале Петька увидел толстую тётю и её протянутую руку с растопыренными пальцами.

Петька быстро нырнул головой в какую-то бархатную занавеску. Но эта бархатная занавеска вдруг крепко схватила его за шиворот. То есть, конечно, это была не бархатная занавеска, а толстая тётя, которая его всё-таки догнала.

Петька вырвался от неё и полетел куда-то кувырком, стукаясь лбом и коленками.

– Тише! Тише! Не мешайте!

– Чего вы тут?

– Как самое интересное, так...

Петька поднял голову и увидел круглую, ярко освещённую арену. Над ней на высоком тёмном потолке сияли и горели сотни ламп и прожекторов.

А внизу на сверкающем жёлтом песке стояли три ящика. А на каждом ящике сидело по настоящему живому льву.

На самом большом ящике сидел самый большой лев, открыв свою большую пасть. А какой-то человек в ярко-голубом фраке засовывал свою несчастную голову прямо в его открытую пасть. А лев, как нарочно, был очень большой, и пасть у него была просто огромной.

А человек в голубом фраке всё глубже и глубже засовывал свою голову ему в пасть.

Петька увидел бледное ухо укротителя и кусок его шеи.

«Он! Дядя Федя!.. – как молния пронеслось в голове у Петьки. – Он все конфеты съел – и...»

– Держите его, остановите его!.. Он сейчас что-то сделает!.. – заорал Петька отчаянным голосом и бросился вперёд, протягивая к укротителю руки.

Но толстая тётя поймала его в воздухе и опять крепко ухватила за шиворот.

Петька забился у неё в руках, что-то крича и брыкаясь, как лошадь. Но эта опытная тётя, которая, наверное, тоже когда-то работала укротителем, не выпустила его из рук.

В этот момент человек в голубом фраке вынул голову из пасти льва. Громко заиграла музыка, а все зрители захлопали и закричали от восторга.

Укротитель стал улыбаться и кланяться, приглаживая волосы, которые немножко растрепались в пасти у льва.

Тут откуда-то появилась красивая тётя в необыкновенном платье. У Петькиной мамы не было ни одного такого платья. Оно всё блестело и сверкало. И тётя в нём была похожа на русалку без хвоста.

Она хлопнула в ладоши, и откуда-то выбежали пять маленьких собачонок. Они были очень маленькие и кудрявые.

На них были банты нежных цветов.

И все они шли на задних лапках.

Тут укротитель в голубом фраке пощёлкал тонким хлыстом, и два льва послушно слезли со своих ящиков.

Но самый большой лев, с самой большой пастью, только посмотрел на укротителя и зарычал неприятным голосом.

Может быть, он раскаивался, что не откусил голову укротителю, когда это было так просто сделать, а может быть, он вообще любил сидеть на больших ящиках.

Укротитель изо всех сил защёлкал своим тонким хлыстом, но большой лев только оскалил свои длинные зубы и зарычал ещё громче.

И тут случилось что-то совсем невероятное.

Пять крошечных собачонок бросились на огромного льва. Они были такие маленькие, что лев одним ударом своей большущей лапы мог убить сразу трёх таких собачонок, а двумя ударами их всех и ещё одну.

Но крошечные собачонки, громко пища своими кошачьими голосами, стали прыгать на огромного льва. Они кусали его, царапали, а одна собачка с розовым бантом повисла у него на хвосте.

Огромный лев прыгнул с ящика и, трусливо поджав хвост вместе с висящей на нём собачонкой, бросился бе-

жать вдоль арены. А собачонки визжали и бежали за ним, и вид у них был такой, как будто они сейчас разорвут его на крошечные кусочки.

Ох, что тут началось!

Зрители просто попадали со стульев от смеха.

– Ха-ха-ха!

– Нет, вы только поглядите на его морду!

– В жизни не видала таких собачонок! Ну какие же смелые! Просто ужас!

– Нет, вы посмотрите, посмотрите!

– Вот это дрессировка!

– Ха-ха! Никогда так не смеялся!

– Ой, за ухо его укусила! Ну и собачонка!

– Что это за порода такая? Храбрее овчарок!

Укротитель в голубом фраке уронил свой тонкий хлыст на песок и побледнел. Даже когда его голова была в пасти у льва, он и то был не такой бледный.

Он с растерянным видом посмотрел на блестящую тётю. Но та стояла, бессильно опустив руки, и, приоткрыв рот, глядела на своих собачонок.

И вдруг Петька услышал чей-то удивительный смех. Он был счастливый, и нежный, и какой-то неуверенный. Как будто человек, который смеялся, не умел смеяться.

Петька оглянулся и в двух шагах от себя увидел Тому.

Тома смотрела на собачонок и смеялась.

Глава 11

Всё объяснилось

Через полчаса все собрались в маленькой комнатке укротителя. В полуоткрытую дверь доносились рычание, хрюканье и ещё какие-то очень приятные звуки.

Народу собралось столько, что было просто негде повернуться.

В комнате были и Детский Доктор, и Анна Петровна, и молодой лётчик, и Петина мама, и даже лётчик средних лет – Томин папа.

Все стояли и гладили по голове сначала Тому, а потом Петьку, а потом опять Тому, а потом опять Петьку.

А на маленьком столике, где лежали запасной хлыст и красивый пистолет, весь в каких-то драгоценных камнях, лежала куча розовых бумажек. Это было всё, что осталось от конфет «Настоящей храбрости».

– Я до сих пор не могу прийти в себя! – сказала блестящая тётя, моргая глазами. – Вы понимаете, я репетировала со своими собачками новый номер. Они работали очень хорошо, и я дала каждой из них по две конфетки. Я же не знала... я же не думала...

Блестящая тётя с некоторым страхом покосилась на розовые бумажки.

– Всё получилось хорошо! Номер имел громадный успех! – сказал дядя Федя, потирая свои большие руки.

Тут все рассмеялись, а громче всех рассмеялась Тома.

– Какая у вас милая, весёлая девочка! – сказала Петина мама Томиному папе.

– А у вас такой чудесный, смелый сын! – сказал Томин папа Петинной маме.

И тут глаза у мамы просто засияли, как две звезды, и Петька увидел, что хотя у мамы нет такого замечательного платья, но зато она ещё красивее, чем блестящая тётя.

– Да, знаешь, папа, какой он храбрый! – сказала Тома. – Он, знаешь, как меня защищал! Он даже дрался с хулиганом Гришкой. А Гришка, знаешь, уже в пятом классе учится.

– Пороть их всех надо! – решительно сказала Анна Петровна и махнула рукой. – Тогда и драться не будут.

– Что вы! Что вы! – разволновался Детский Доктор. – Насчёт порки, Анна Петровна, я совершенно с вами не согласен. Я уже второй год работаю над книгой «Роль справедливой драки в нормальном развитии мальчишки»... Я собрал огромный материал... Мальчишки обязательно должны драться. Но если подходить с точки зрения строгой науки, то вы увидите, что драки бывают хорошие и плохие. Вот если большой мальчишка бьёт маленького... Это плохая драка. Такая драка очень вредна для характера и нервной системы ребёнка. Подробно я остановился на этом вопросе в пятой главе. А вот во второй главе описываю пять видов хорошей драки: первый вид – защита малышей, второй –

защита девочек, третий – борьба с хулиганами более старшего возраста, четвёртый...

– Да, я тоже в детстве любил драться! – улыбнулся То-мин папа. – Также не давал в обиду девчонок и малышей!

– Это хорошая драка второго и первого вида, – про-сиял Детский Доктор. – И ваш смелый внук, Анна Петровна, с которым я обменялся чемоданчиком... Кстати, где мой че-моданчик?

– Вот он. У меня, – сказал Петька.

Детский Доктор открыл жёлтый чемоданчик.

– Но он же пуст! – удивился он. – А где же?..

И тут Тома и Петька, перебивая друг друга, рассказали Детскому Доктору, что случилось с антиболтином и порошком смеха.

– Так вот почему этот болтун нам ничего не ответил! – воскликнула Анна Петровна.

– Да, да! Я сразу заметил, что смех этих мальчиков искусственного происхождения!.. – сказал Детский Доктор.

– А это не опасно? – заволновалась Анна Петровна. – Всё-таки дети... Неужели они навсегда?..

– Нет, нет! – успокоил её Детский Доктор. – Острое состояние скоро пройдёт. Но, вероятно, болтун перестанет быть болтуном, а эти мальчишки ещё месяца два будут смеяться по любому поводу.

– Можно вас на одну минуточку, доктор? – спросила Петина мама.

Прямо перед собой Детский Доктор увидел её большие, немного встревоженные глаза.

– Вы понимаете, Доктор... Всё-таки Петенька не съел ни одной вашей конфеты. А вдруг он опять?..

– Это исключено, – весело сказал Детский Доктор и хлопал Петину маму по руке. – Вы можете совершенно не волноваться. Ваш сын Петя теперь никогда ничего не будет бояться. Когда сама жизнь делает человека смелым... это действует гораздо сильнее, чем любые лекарства. И вообще, если можно обойтись без помощи медицины... Вот и Тома тоже... Она снова научилась смеяться!

Тут все попрощались с укротителем и блестящей тётей и вышли на улицу.

На улице уже стемнело. На высоких столбах зажигались круглые жёлтые фонари. Прохладный ветер приятно гладил разгорячённые лица.

– И всё-таки, голубчик, нечего вам радоваться! – сердито сказала Анна Петровна. – Вот смотрите, какую беду вы чуть не натворили с вашими конфетами... Всё-таки надо поосторожней...

– Да, да! – задумчиво проговорил Детский Доктор. – Теперь я буду осторожнее. Я, знаете ли, даже не думал, что я создал такой опасный препарат. Мне просто не пришло в голову, что... Но теперь я знаю. В нашей стране, где люди такие смелые...

– Вы правы... – сказал Томин папа и замолчал.

Он услышал, как Тома, которая шла впереди рядом с Петькой, чему-то радостно засмеялась.

На забытом

чердаке

Художник Елена Володькина

Глава 1

Сундучок

Дело дрянь! Надо решаться!

Но то, что Сашка задумал, почему-то нельзя было сделать дома. Нельзя, и всё. Сашка сам даже не знал почему.

И вот его словно каким-то ветром занесло в тёмный подъезд Катькиного дома. Это был, наверное, самый старый дом в их городе. Только церквушка на том берегу реки, напротив стадиона, была, наверное, ещё старинней.

Сашка попробовал пристроиться к высокому пыльному окну, где в паутине брыкалась и уныло жужжала муха.

Но по старой Катькиной лестнице всё время без толку ходили какие-то люди. Одни вверх, другие вниз. И уже две какие-то старушки подозрительно оглядели Сашку. Потом они с понимающим видом переглянулись и обе покачали головами.

Нет, здесь было неподходящее место. Сашка боялся: только он откроет портфель, тут же из-за его плеча вылезет какой-нибудь длинный нос: «А ты чем тут занимаешься, мальчик, а-а?»

Сашка стал подниматься вверх по лестнице. Но всюду за дверьми были люди.

Они смеялись, разговаривали, что-то заколачивали.

Невольно став на цыпочки, Сашка осторожно прошёл мимо двери, на которой висела табличка:

Зубной врач Петрова **Лечение и удаление зубов без боли**

По спине пробежал неприятный холодок.

Из-за двери, обитой толстой чёрной клеёнкой, до Сашки донёсся гнусный скрежет бормашины и чей-то стон.

– И нисколько не больно, – проскрипела доктор Петрова.

Никакая клеёнка не могла заглушить её голос.

Сашка поднялся на самый верх.

Здесь была только одна дверь, забитая грубыми, шершавыми досками. Сашка отодрал доску, державшуюся на ржавом гвозде, и боком пролез на чердак.

На чердаке царил темнота. Свет еле-еле проходил через полукруглое окно, похожее на кошачий глаз.

Из темноты отовсюду вылезал какой-то хлам. От пыли и паутины всё казалось косматым и лохматым.

Велосипед с одним колесом обнял рулём сломанный стул. Сбоку к нему пристроилось потухшее зеркало.

В глубине под досками что-то слабо блестело. Что-то круглое металлическое. Сашка изо всех сил вытянул шею. Не разберёшь: не то самовар, не то рыцарский шлем.

Сашка осторожно протянул в темноту руки и тронул пыльные доски. Неслышно рвалась под пальцами паутина. Кто-то маленький, у кого было очень много ног, побежал по Сашкиной руке прямо в рукав. Сашка яростно затряс рукавом.

Да... Этот чердак непростой! А чего удивляться? В Катином доме и чердак должен быть не такой, как у других.

Порыться бы тут неплохо. Но только не сейчас. Сейчас не до этого.

Сашка сел на ящик у окна. Вернее, это был не ящик, а какой-то старый, хлипкий сундучишко. Он пронзительно скрипнул, да весь так и заходил под Сашкой, как живой, когда тот на него уселся.

Со вздохом, похожим на стон, Сашка вытащил из портфеля дневник и раскрыл его.

Сердце тоскливо сжалось.

Вот она, проклятая. Двойка. Стоит себе как миленькая. Такая закорючка, а всю жизнь человеку портит.

А ведь до этого всё было просто прекрасно. До Сашкиного дня рождения оставались всего пятница и суббота. Надо было только их как-нибудь прожить, протерпеть, и всё. Ну, спать, что ли, побольше, чтобы время поскорей прошло.

А в воскресенье папа обещал покатать весь Сашкин пятый «А» на своём катере «Степан Разин». Папа был там капитаном.

И Сашка миллион раз представлял себе, как он стоит на носу катера рядом с Катей. Лёд сошёл совсем недавно. Ещё вполне может пойти дождь, а то и снег.

Он дожждётся, когда Катя как следует промёрзнет, задрожит, как овечий хвост, и её знаменитая чёлка намокнет.

Тогда он снимет с себя и отдаст ей всё: и шарф, и пальто, и шапку. И Катя поглядит на него своими светлыми взрослыми глазами.

А может быть, и спасти её удастся. Вдруг повезёт, и она свалится за борт. В крайнем случае дать ей как-нибудь пинка незаметно. Борька начнёт кричать, придумывать что-нибудь умное. А Сашка нет, он думать не будет. Он – раз за борт, и спасёт. А когда уж он её спасёт, всем будет наплевать, как она там очутилась.

Но теперь всё лопнуло. Потому что папа был просто какой-то ненормальный с этой математикой.

Нет, это не зря говорят, что понедельник – самый несчастный день. Контрольная была как раз в понедельник. И вот пожалуйста – двойка.

Сашка проглотил колючую слюну. Он решительно вытащил из пенала ластик, потёр грязный уголок о штанину и, задержав дыхание в груди, осторожно стал стирать двойку.

Стирать её надо было ой как осторожно. Бумага так и сходила плёнками.

Сашка поёрзал на сундуке, чтобы усесться поудобней. Но вдруг под ним что-то хрюкнуло, хрустнуло, подломилось,

и Сашка ухнул вниз, прямо в сундучок, так что коленки оказались выше головы. Острая щепка упёрлась в бок. А слева был ещё гвоздь. Он прошёл через штаны и немного уже вошёл в Сашку.

Сашка глянул на дневник и с шипением втянул в себя воздух. На месте двойки чернела дыра.

Он яростно и бестолково забарахтался, стараясь вылезти из сундучка.

Сам всё испортил! Такой дневник и вовсе папе не покажешь. По этой дырке кто хочешь сразу обо всём догадается.

Наконец Сашка с трудом встал на ноги. Не выдержав, со злостью изо всех сил ударил сундучок ногой. Сухие звонкие доски развалились, разлетелись в стороны.

Вот тут-то Сашка всё и увидел.

На дне сундука горкой, одна на другой, лежали какие-то удивительные книги.

Книги были непростые. Это Сашка сразу понял. Наверное, таких ни в одной библиотеке не сыщешь. Разве только в музее.

Книги были старинные, даже совсем древние. С застёжками из меди, а может, и из золота. А уж толстые! Одна книжечка – как папин портфель.

Двумя руками Сашка с трудом поднял верхнюю книгу. До чего ж тяжёлая! А пылищи на ней...

Сашка плюнул на обложку и растёр рукавом.

На старой тёмной коже блеснули глубокие золотые буквы. Сашка прочёл:

«Полная Волшебная Энциклопедия»

Внизу блестели золотенькие буквы поменьше.

В шести томах.

Том I.

Эти слова как-то не сразу дошли до Сашки, и вдруг словно взорвались в нём. Сашка покачнулся. Его руки судорожно вцепились в книгу, будто она могла вырваться от него, удрать или улететь, как птица.

Тихонько, остороженько, боясь дохнуть, Сашка открыл книгу. Буквы так и запрыгали у него перед глазами: тяжёлые, красивые, все в завитушках.

«Ведь-ма о-бык-но-вен-ная», – по складам прочёл Сашка. В голове было пусто и гулко. – Ух, ты! Ведьма! А в скобках вон ещё написано: «На помеле и без помела». «Волшеб-

ники добрые», «Волшебники злые». «Вруны и враньё». И ещё стихи какие-то.

Не веря своим глазам, Сашка прочёл:

Волки, войте на луну!
Раки, ползайте по дну!
В полночь каркнет вороньё,
И станет правдой всё враньё!
Окер-покер, Доминокер,
Спин-спан, Мускидан.

Этот «окер-покер» вдруг как-то остро огорчил Сашку. Он как-то всё испортил. Из-за него всё сразу стало каким-то дурацким, несерьёзным. Разве так должно быть, если всё настоящее, волшебное?

Сашка стал читать дальше:

«Примечание I. О, врун! Твоё враньё станет правдой, только если тебе поверят. Если тебе не поверят, твоё враньё останется просто враньём.

Примечание II. О, несчастный! Если ты, сгибаясь под тяжестью вранья, захочешь, чтобы всё было опять как прежде, то...»

Дальше почти ничего нельзя было разобрать. Низ страницы был весь в дырках и пятнах. Как будто книгу грызли мыши. Да ещё к тому же кто-то из волшебников читал её за обедом и переворачивал страницы жирными пальцами.

Сашка с трудом прочёл:

Мне свидетель звёздный Лев!
Свет Стрельца и Водолея!

Волшебства сломай печать!
Только жи... не жа...
И себя преодо...
Смо... сно... всё на...

Нет, ничего толком не разберёшь, особенно последние строчки.

Но Сашка не стал ломать голову, догадываться, что там написано. Подумаешь, звёздный Лев какой-то... Чепуха!

Главным было совсем другое. Волшебство! Неужели и вправду... оно существует?

Сашка задохнулся. Он шагнул к окошку, высунулся и жадно глотнул острого, холодноватого воздуха.

Он увидел пустой солнечный двор. Красный зонт переходил улицу. В доме напротив на балконе какая-то тётя с голыми руками, закутав голову тёплым платком, била палкой ватное одеяло. На карниз сел такой славный воробей. Потом прилетел раскормленный жирный голубь.

Всё было совсем простое, обыкновенное. Да нету никакого волшебства. И быть не может. Это ещё Анна Семёновна в школе объясняла. Откуда ему взяться?

Сашка оглянулся во тьму чердака. Может, и книг нет никаких, просто померещилось?

Но нет. Старые книги по-прежнему лежали среди груды досок, всё так же важно и слабо поблёскивая из темноты медью застёжек.

Так... А их, что ж, выходит, просто так писали? Для шуточки?..

Нет... Может, оно всё же есть, это волшебство. Ну, не на солнышке, не во дворе, а ночью или тут, на чердаке. А что? В этом доме прежде жил волшебник. Потом он умер, потому что волшебники ведь тоже умирают, и вещи его снесли на чердак. А может, он и просто так приходил сюда поколдовать, потому что при соседях неудобно. Похоже, что всё было именно так. Ну, а если это правда, то тогда, тогда...

Всё равно, как бы то ни было, а заклинание надо прочесть. Хотя бы на всякий случай...

Сашка не своим, каким-то охрипшим голосом прочёл:

Волки, войте на луну!
Раки, ползайте по дну!
В полночь каркнет вороньё,
И станет правдой всё враньё!
Окер-покер, Доминокер,
Спин-спан, Мускидан.

Никогда Сашка так не старался. Даже когда читал в школе на вечере «Белеет парус одинокий». Его голос звучал как-то очень странно на чёрном чердаке. Вспугнутая темнота шевелилась в углах.

Сашка бережно закрыл книгу, положил её к остальным и сверху завалил досками. Ему показалось, что доски снизу слабо светились красноватым светом. Нет, это просто луч солнца как-то продрался сквозь пыльное окошко и стрельнул в глубь чердака.

Сашка дрожащими руками сунул дневник в портфель, неуклюже пролез в щель и снова заложил её корявой доской.

Глава 2

ВЕЛИКОЕ РАЗОЧАРОВАНИЕ

Сашка с трудом спускался по ступенькам. В ногах была какая-то дрожь и слабость.

На третьем этаже Сашка нос к носу столкнулся с Лёлькой, Катиной сестрой.

Вообще-то он этих первоклашек просто сметал со своего пути.

Он двигался прямо на них, как танк, и это уже было их личное дело – разбежаться, отскочить в сторону или попасть под танк. Он никогда на них и не глядел даже. Они все казались ему одинаковыми, на одно лицо.

Но Лёлька как-никак приходилась Кате сестрой. Поэтому Сашка один раз всё-таки поглядел на неё и вдруг ужасно её пожалел.

Она была совсем маленькая, наверное, меньше всех в классе, задохлик какой-то. С острым носом и прозрачными глазами. Двух верхних зубов у неё не хватало, и Сашка от этого жалел её ещё больше. Она вечно ревела во дворе из-за всякой чепухи. Катя на это не обращала никакого внимания, даже головы не поворачивала, будто не слышала. Но у Сашки почему-то от её рева портилось настроение.

Сашка, конечно, стеснялся утешать её при Катке, иногда он даже думал, что неплохо бы и ему как-нибудь обзавестись такой сестрёнкой.

– Ты грязный, – робко сказала Лёлька.

Сашка ударил себя руками по бокам, и из него во все стороны полетела пыль. Но он только рассеянно посмотрел, как она тает в воздухе.

«На Лёльке испробую... – вдруг решил Сашка. – Она подходящая... Она чему хочешь поверит. Ведь тут главное, чтобы поверили...»

– Лёлька, – с трудом выговорил Сашка. У него словно язык распух. – Я сегодня пятёрку по математике получил. Пятёрку.

Сашка напряжённо вглядывался Лёльке в лицо. Ему хотелось вдолбить в неё это слово.

– Пя-тёр-ку! – повторил Сашка.

Лёлька посторонилась, чтобы пропустить его. В её лице мелькнул испуг. Чего это он с ней разговаривает? Поговорит, а потом как наподдаст...

– Ой, ты... – тихо сказала Лёлька и прижалась спиной к тёмной стене. – А я тройку по чистописанию...

Сашка бросился мимо неё вниз по лестнице.

«Поверила, поверила! – повторял он про себя, прыгая по ступенькам. – Она такая. Теперь всё. Теперь у меня в дневнике пятёрочка. Заполучил. Это уж точно!»

Портфель сразу показался ему тяжелее. Он словно увидел эту пятёрку, огромную, золотую, прямо во весь портфель.

Ручка портфеля так и жгла ему пальцы.

Сашка пулей вылетел во двор.

Во дворе было солнечно и тихо. Мимо уха сладко и сонно пропела пчела.

Сашка вломился в кусты, хрустя ветками, продрался к самому забору. Из-под куста, шипя, вылетела худая серая

кошка, держа что-то в зубах. Сашка так вздрогнул, что чуть не выронил портфель.

Голые, без листьев, ветки плохо загораживали его. Конечно, его могли увидеть и с улицы, и со двора. Но Сашка не стал искать места поукромней. Он упал на колени и дрожащими пальцами стал расстёгивать и дёргать портфель. Вытащил дневник. Пальцы были как варёные. Толстые, нескладные. От нетерпения рот у Сашки пересох, будто он съел промокашку.

Дневник перелистывался невыносимо медленно.

Неделя.

Ещё неделя. Ну же, ну! Вот!

Сашка вяло выпустил дневник из рук. Никакой пятёрки не было и в помине. В дневнике по-прежнему зияла треугольная рваная дырка. От разочарования и яркого солнца слёзы навернулись на глаза и потёк нос. Эх!.. Чему поверил! «Океру-покеру»! Вот Борька умный, он бы никогда не поверил... Если бы Катя узнала, во было бы смеху!

Познакомьтесь, пожалуйста, будьте любезны! Волшебник Саша Кукушкин из пятого «А»!

Весь класс бы под парты свалился.

Глава 3

ПЯТЕРКА ПО МАТЕМАТИКЕ

Дома никого не было. Сашка прошёл на кухню. Тронул пальцем окоченевшие макароны на сковородке. Есть совсем не хотелось.

Прямо в ботинках лёг на диван.

Как уговорить папу? Конечно, если на это дело мобилизовать маму... Но всё равно, папа такие слова знает... Лучше ежа проглотить, чем их слушать.

Сашка повернул голову и в тоске укусил подушку.

В папа-маминой комнате зазвонил телефон. Сашка еле сполз с дивана. Он весь разъезжался в разные стороны, как тесто.

– Саша? – спросил знакомый, немного железный голос.

– Я, Анна Семёновна, – убито сказал Сашка. Чего ещё ей надо? Поставила двойку – проходи!..

– Родители дома? – спросила Анна Семёновна.

«Нажаловаться хочет», – ужаснулся Сашка.

Сашка с ненавистью представил себе её бледное полное лицо. А ведь когда он получал пятёрку, лицо Анны Семёновны почему-то казалось ему самым милым, самым удивительным на свете.

– Никого нет, ушли, – сказал Сашка.

– А когда я смогу их застать?

– Не знаю. У папы... неприятности на работе... – соврал Сашка. – У мамы... тоже... Нет, у неё приятности... К ней приезжает... ну это... брат! Она его десять лет не видела. Нет... двадцать. Она, знаете, забегалась... Не знаю.

– Жаль, – уронила в трубку Анна Семёновна.

«Жалей себе на здоровье», – со злостью подумал Сашка.

– А я хотела рассказать Виктору Николаевичу о твоих успехах... Последнее время он всё волновался за математику. Ну, хорошо, ты сам расскажешь ему о сегодняшней пятёрке.

– О пятёрке?! – захлебнулся Сашка и сел на пол. Телефонная трубка рыбкой выскользнула у него из рук и теперь

покачивалась, вращалась на перекрученном шнуре перед самым его носом.

– Саша! Саша!.. – замирал в трубке голос Анны Семёновны. Потом слышались короткие гудки.

Значит, всё. Значит, так. Значит, если бы не дырка, то там была бы уже не двойка, а пятёрка. Получается, что волшебство всё-таки есть. Существует! Но если так... Тогда...

В дверях завозился ключ. Щёлкнула и скрипнула дверь.

– Я просто забежалась... С ног сбилась... – сказала мама в передней. Голос был весёлый.

Мама вошла в комнату. Папа втащил за ней две раздутые сумки.

– Встать с полу! – сказал папа.

Любит папка командовать. Никогда не скажет «встань с полу» – всегда «встать».

Сашка встал и тут же, как подкошенный, повалился на диван.

– Сашенька, телеграмму видел? – спросила мама.

Она взяла со стола какую-то бумажку и бросила Саше. Бумажка перепорхнула Сашке прямо в руки. Сашка развернул её и прочёл:

«Приезжаю пятого целую обнимаю Машу Виктора племянника Семён».

– Уж-жасно хочу видеть Семёна... – с наслаждением сказала мама. – Брат всё-таки, не кто-нибудь. Подумать только, десять лет не виделись, какое там, почти двадцать. Бродяга несчастный, по всему свету его носит. Наконец-то и мы дождались... удостоились... Мне, наверное, неделю надо, чтобы с ним наговориться.

Сашка в полном изумлении уставился на маму. Шутит она, что ли? Какой ещё брат? Она же всегда говорила: «Я одна дочка у мамочки».

Не может ведь волшебство на маму действовать, не должно. Это же ерундистика какая-то. Ну, ещё там на Анну Семёновну, на школу, на отметки. Это ещё туда-сюда. Но на маму? В этом было что-то неприятное для Сашки. Может, двоюродный какой?

– Интересно, сколько он здесь пробудет? – сказал папа. – А то мы его в воскресенье с собой утащим, а, Саш?

– Ты лучше за детьми смотри, – сказала мама. – Когда у нас на плотине экскурсия, мы прямо дрожим, чтобы дети куда-нибудь не попали.

– Уж как-нибудь, – засмеялся папа.

«И пусть попада́ют», – подумал Сашка.

Сашка вообще-то их очень любил. И папу, и маму. Одинаково, ну, может быть, на одну только капельку маму побольше. Но сейчас они оба были какие-то ненастоящие, полупрозрачные. Как куски воздуха.

– И как нарочно у меня сегодня выходной, – всё смеялась и радовалась мама. Она вынимала из сумки закорючки бананов, бутылки и консервы. – Виктор, и ты на работу не ходи. Отпросись раз в жизни. А Семён, чудище лесное, не пишет, во сколько часов приходит поезд.

– Не знаю, – сказал папа странным голосом. Он держал себя пальцами за нос и рассеянно потягивал его то в одну сторону, то в другую. – Как они там без меня справятся? На погрузке.

– А ты что молчишь, Саша? – вдруг спросила мама и посмотрела на Сашку.

Сашка почувствовал, как в него упёрлись два горячих луча. Сашка хотел сказать что-нибудь, хотя бы «да» или «нет», но изо рта только вылетел негромкий сдавленный хрип.

– Саша, что случилось? – слабым голосом сказала мама и села на стул.

Мама никогда не кричала, как папа. С угрожающим видом, тяжело дыша, не расстёгивала ремень. Но она каким-то образом ухитрялась видеть Сашку насквозь, будто Сашка был стеклянным и прозрачным, как стакан.

Она догадывалась обо всём, доводя Сашку до иступления и отчаяния. А потом начиналось! Мама могла огорчиться из-за любой ерунды, на которую всякий нормальный

человек попросту махнул бы рукой. Она могла даже назло Сашке взять и заплакать. Настоящими слезами. Достать носовой платок, всхлипывать и вытирать слёзы. Хотя прекрасно видела, что для Сашки это самая лютая пытка.

Сашка был живой человек. А ведь с живым человеком всякое случается. Те же двойки, наконец. Ну зачем, зачем вообще о двойках говорить маме? Огорчать только.

Двойка должна быть великой тайной, о которой знают только двое: кто поставил и кто получил. Да мало ли что ещё бывает...

– Мамочка, – покаянно начал Сашка. – Ты только не очень...

– Мороженое! – вдруг вскрикнула мама и, выхватив из сумки белые пачки, побежала на кухню к холодильнику. А мороженое капало на пол крупными пухлыми каплями.

«Пронесло», – с облегчением подумал Сашка.

– Ну, – сурово сказал папа и сложил руки за спиной. – Я жду. Опять что-нибудь в школе?

Ну, с отцом было куда легче.

– Чего это мама... Всегда она... – проворчал Сашка, – у меня пятёрка по математике. Тебе даже Анна Семёновна звонила. Только тебя не было.

– Пятёрка? – расцвёл папа. – Вот это по-нашему. Молодец, парень.

– Маша! – крикнул папа на кухню. – Слышишь? Александр по математике пятёрку принёс.

– Можно погулять? – крикнул Сашка.

На кухню он не пошёл, чтобы не рисковать. От маминых глаз лучше было держаться подальше.

– Пусть погуляет. Погода хорошая, – сказал папа.

– Ненадолго, – разрешила мама.

Глава 4

Надо ещё подумать, о чём врать

Сашка шёл по двору и ничего не видел вокруг себя. Он бы мог сейчас налететь на скамейку, на забор, свалиться в яму. Если бы с неба сейчас грянул гром, он бы его просто не услышал.

Вокруг Сашки плескалось бурное море возможностей.

«Первое дело – легковушку. “Волгу” или “Москвича” на крайний случай... – прикидывал Сашка. – Нет, это, пожалуй, не выйдет. Во-первых, никто не поверит, что она

у меня есть. А если поверят, всё равно народ приставучий и привяжутся: “Откуда?” Ну ладно, тогда деньги. Много. Мешок. Скажу – клад нашёл. Тут уж никто не подкопается. Само собой, шоколад и мороженое – это уж ящиками. У мамы день рождения. Узнаю, чего ей хочется, и навру. Папе тоже что-нибудь навру. Хорошее...»

Тут Сашка споткнулся обо что-то и как будто проснулся. Он стоял обеими ногами в луже.

Конечно, лучше всего рассказать обо всём маме и дальше уже врать всем вместе. Всей семьёй. Это бы было просто замечательно. Но ведь с мамой каши не сваришь. Она, конечно, огорчится, будет умолять не врать, Волшебную энциклопедию сдадут в районную библиотеку, и всё будет кончено.

Сашка снова задумчиво зашлёпал по лужам, что-то мучило его во всём этом, что-то получалось не так хорошо и складно, как бы ему хотелось. Наверное, потому, что теперь у него была тайна. И теперь придётся скрывать от мамы не какую-нибудь ерунду, разбитое там окно или драный локоть, а то, что стало отныне самым главным в его жизни, – Волшебство.

И поэтому выходило, что папа и мама теперь вроде как лишние в его жизни и даже мешают.

«Мало ли что враньё. Враньё – оно тоже разное. Буду врать только про хорошее... – утешал себя Сашка. – Буду как добрый волшебник...»

Конечно, можно наврать, что Борька поглупел. Пусть станет дурак дураком. Но Сашка этого не сделает. Он лучше наврёт кому-нибудь, что Катя обещала его поцеловать. Он подойдёт к ней, когда она будет совсем одна, и скажет

так небрежно: «Если не ошибаюсь, ты мне что-то обещала?» Тут уж Кате не отвертеться. Или вообще наврёт, что Катя его любит. Пускай любит, жалко, что ли.

Сашка не выдержал и захохотал. И тут же получил в ухо. Перед ним стоял Гришка.

Гришка был всего-то на каких-нибудь два обыкновенных года старше Сашки. Но это был Гришка, и его знали все на много кварталов кругом.

Про него ходили самые невероятные слухи: что он бредется, что он курит, что его лучший друг сидит в тюрьме за ограбление ларька с газировкой. Вокруг него было всегда мёртвое пространство на длину вытянутой руки – он мог двинуть кулаком каждого.

Отца и матери у Гришки что-то не было видно. Наверное, они удрали от него, как только он родился.

Гришку воспитывала тётка, та самая, которую боялся весь двор, – зубной врач Петрова. И на Гришке лежала отталкивающая и пугающая слава его тётки. Тётка его была как судьба. Она принимала и на дому, и в поликлинике, и поэтому рано или поздно всех приволакивали к ней на приём. Гришка вырос под скрежет бормашины, наверное, потому он и стал таким. Он на всё вокруг смотрел со злобой, тоской и отвращением.

Сашка согнулся и прикрыл рукой лицо. Но не успел. Он получил второй удар – прямо в зубы.

– Ты чего? Я к тебе лез, да? – с трудом выговорил Сашка эти вечные слова, которые всегда говорит в драке слабый.

Гришка повернулся и лениво зашагал к дому. Даже со спины было видно, что ему всё на свете противно.

Сашка попробовал губу языком и пальцами. Губа вздувалась всё больше и больше. Как будто под ней работал вулкан. Но Сашка тут же забыл о ней. Он вышел со двора, и ноги сами повели его знакомым путём – во двор к Кате.

Он ещё из-за забора увидел их обоих. Катю и Борьку. Они сидели на рябой, облезшей за зиму скамейке.

«На кой они нужны, эти скамейки? – вдруг со злобой подумал Сашка. – Свезти их со всего города куда-нибудь на свалку, и сжечь».

Катя и Борька сидели далеко друг от друга, на разных концах скамейки, но перед ними на сухом местечке стояли их портфели, рядышком, прислонившись друг к другу.

Это почему-то показалось Сашке отвратительным, и, подходя к ним, он отшвырнул ногой Борькин портфель.

– Ну ты, полегче... – сказал Борька, как всегда наклоняя голову набок. Это она у него, наверное, от ума набок свешивалась.

– Что это у тебя с губой? – спросила Катя.

Чёрная с блеском чёлка падала Кате на самые глаза, и она, чуть выпятив нижнюю губу, ловко сдувала её в сторону.

– За Гришку зацепился, – небрежно ответил Сашка и сплюнул.

Катя усмехнулась и посмотрела на Сашку своими светлыми взрослыми глазами. Она в упор смотрела на его разбитую губу. Рассматривала её. Будто в Сашке ничего другого интересного не было.

– Ха-ха-ха! – не засмеялся, а закричал Сашка. Ему совсем не было смешно. – А ты видела, что я с ним сделал?

Отбивную котлету, компот! Он так! А я ему так! Он так! А я ему в нос!

Сашка прыгал и размахивал кулаками. Насмешка в глазах у Катьки угасла. Теперь она смотрела на него по-другому, внимательно и даже с интересом.

– А правда, мальчики, чего он задирается? Пройти нельзя. Вчера мою Лёльку-дуру в лужу пихнул.

– Теперь не попихается, – пообещал Сашка.

– А не врёшь? – спросила Катя.

– Очень надо. Не веришь – спроси у его тётки. Она из окна всё видела. Как выскочит, даже пальто не надела, и прямо на меня. А я от неё. А она за мной. Думал, на куски разорвёт.

– Точно. Она такая, – убеждённо сказала Катя.

– Разбойник! – закричал Сашка тонким голосом, изображая Гришкину тётку. – Мальчику моему, Гришеньке, нос разбил! Всё равно изловлю!

Из-под скамейки на брюхе выполз Борькин пёс, чёрный пудель Рекс, и с отвращением посмотрел на Сашку мудрыми слезящимися глазами.

– Умный, – сказал Борька и погладил Рекса. – Поумней многих двуногих.

«Намекает, – обозлился Сашка. – Сам умный, так ему ещё умную собаку подавай».

– Катя, пошли на реку, – лениво сказал Борька, – говорят, церквушку на том берегу затопило.

Это было для него хоть бы что – позвать Катю на реку. Сашке, конечно, он и не подумал предложить пойти с ними.

Сашка представил себе, как Борька и Катя идут по набережной. Рядом. А набережная такая длинная. Они будут весь день ходить. А потом на набережной зажгутся фонари. Они зажгутся длинной-длинной светлой цепочкой, которой тоже не будет конца. Нет, он не мог этого допустить.

– Ничего там уже нет, – соврал Сашка. – Я был на реке сегодня. Сошла вода.

– Когда это ты успел? Ты же в школе был? – сощурилась Катя.

– Значит, успел, – загадочно сказал Сашка.

– Я же предлагал вчера, – сказал Борька. – Но у вас, мадам, не было настроения.

– Подумаешь, каждую весну половодье.

Катя нагнулась и стала гладить голову Рекса, пригибая её книзу.

– Умираю, собаку хочу, – сказала она. – Дома всем жизнь отравила. Когда я начинаю говорить о собаке, все просто уши затыкают. Мне нравится, когда идёт девчонка, а на поводке собака. Только не малявка какая-нибудь, а большая псина. Красиво.

– Дама с собачкой, – усмехнулся Борька.

– Но мама пока предлагает кошку, – вздохнула Катя.

– А ты попроси лошадь, – посоветовал Борька. – И тебе купят собаку.

Катя негромко рассмеялась, искоса посмотрела на Борьку.

Нет, у них была своя жизнь. Как будто невидимая стена стояла между ними и Сашкой. Они находились по одну сторону, а Сашка по другую. И он больно ощущал это.

– Подумаешь, кошки, собаки! – захохотал Сашка, стараясь разрушить эту стену словами, хохотом, развязными движениями. – А у меня дома медведи, обезьяны... попугаи! Вот!

– Врёшь, – не очень уверенно сказала Катя.

– А вот и нет, – Сашка шёл напролом. Назад пути уже не было. – У меня дядя – укротитель. Он по всему Союзу ездит. А сейчас к нам приехал.

– Со всеми зверями? И прямо к вам? – в притворном ужасе вытаращил глаза Борька.

– Много ты знаешь. В цирке места нет. Карантин какой-то. У всех зверей температура. Коклюш звериный, что ли. Ну, почём я знаю. Болезнь какая-то объявилась новая. Вот он и к нам.

Одного он добился. Катины глаза были прикованы к нему. Жадно, с интересом. И он не мог упустить эти глаза.

– А ещё он мне привёз в подарок двустволку настоящую! – захлёбывался Сашка. Он словно летел куда-то. – И патроны... И патронташ. Она у нас на стенке висит. Заряженная. Настреляемся теперь. Вволю... сколько хочешь... А ещё... А ещё у нас дома...

Сашка мучительно напрягся, но всё равно ничего не мог так быстро придумать.

– А ещё!.. Вот такой большой... С ушами... С мотором... Придётся, сама увидишь.

Перед глазами Сашки, застилая всё небо, пролетел дирижабль, похожий на огромный серебряный огурец. Высоко подпрыгивая, проскакал кенгуру, пронеслась пушка, изрыгая огонь.

– Миномёт... Самолёт... Кенгурёт... – задыхаясь, выкрикивал Сашка.

– Заврался, – вдруг трезво сказал Борька. – Так-таки миномёт? Признайся, что атомная пушка.

– И не заврался, – закричал Сашка. – Мой дядя... И тут он увидел своего папу.

Папа шёл по улице очень быстро, деловито, не глядя по сторонам.

– Я мигом... – сказал Сашка и побежал за папой. Вообще-то сейчас папа был ему совершенно ни к чему.

Просто он хотел выгадать время и придумать, что бы такое соврать поинтересней.

Сашка догнал папу и придержал его за рукав.

– Ты куда? – спросил Сашка. – А дядя Сёма?

– Неприятности... – рассеянно сказал папа. Он не замедлил шага.

Сашке пришлось почти бежать с ним рядом, чтобы не выпустить его рукав. При слове «неприятности» сердце Сашки странно и нехорошо ёкнуло.

Что-то знакомое было в этом слове, но что, Сашка сейчас не мог вспомнить.

– «Степан Разин» куда-то подевался. Вышел с базы и пропал. Чёрт-те знает, где его носит. Час назад должен был быть в порту на погрузке, – сказал папа как-то не Сашке, а самому себе.

Из-за угла, переваливаясь, выехало такси, обдавая тротуар плоскими веерами брызг.

Такси окатило старушку в длинном пальто и маленькую девочку в розовом капоре. Девочка обрадовалась и засмеялась. А старушка что-то сердито закричала шофёру, грозя маленьким кулачком, жёлтым, как лимон.

– Такси! Такси! – как сумасшедший закричал папа и бросился через улицу прямо по лужам, размахивая портфелем.

Старушка перестала сердиться и тоже засмеялась.

Сашке всё это ужасно не понравилось.

И что его папа бежит прямо по лужам и обрызгал сзади серые брюки грязными кляксами и что над ним все смеются.

Резко хлопнула дверца такси. Папа даже не оглянулся. Такси укатило.

Неприятности... У папы неприятности...

Ох! Да ведь это он сам наврал их папе. Когда ещё с Анной Семёновной говорил. Но ведь он же тогда не знал, что его враньё волшебное. Он просто так соврал. А может, ничего такого? Ну, опоздал немного «Степан Разин». Подумай. Река разлилась. Может, от этого путь удлинился?

Сашка медленно пошёл назад.

На скамейке никого не было. Это была самая пустая скамейка на свете. Просто необитаемая скамейка. Как будто на ней никто никогда не сидел, ни один человек.

Кати с Борькой и след простыл. Словно сквозь землю провалились вместе. Не было и портфелей. В грязи виднелись две пары следов, рядом – цепочкой – мелкие, собачьи. Следы доходили до сухой асфальтовой дорожки и там пропадали.

Сашка бегом пустился по дорожке, обогнул дом. Никого. Пустыня.

Добежал до Борькиного дома. И там никого.

Вернулся назад. Во дворе гуляла никому не нужная Лёлька. Увидев Сашку, для безопасности зашла на самую середину лужи, где поглубже, и застыла там на одной ноге.

«К Борьке уроки пошли учить. Нарочно. Назло... – с не-навистью подумал Сашка. – Ладно. Погоди. Навру тебе ещё что-нибудь. Попрыгаешь ещё у меня...»

Ему хотелось опять почувствовать себя счастливым и могущественным, как ещё совсем недавно, но он ощущал только пустоту и усталость.

«Поем, отдохну и тогда ещё навру...» – подумал Сашка и пошёл домой.

«Зря я это про папину работу придумал...» – подумал Сашка, поднимаясь в лифте. Лифт спокойно и равнодушно вёз его наверх.

«Да ничего не будет, – успокаивал себя Сашка. – Ну, куда денется целый катер? Что его, украдут, в карман сунут? И утонуть не утонет. Надо лучше подумать, о чём врать. Это только дураки думают, что врать просто...»

Лифт дрогнул и остановился. Сашка вышел из лифта и увидел, что дверь в его квартиру открыта.

Глава 5

Дядя Сёма

Правда, дверь в квартиру была открытой.

«Ага, папа какой... – подумал Сашка. – А если бы я так? Представляю, вот был бы концерт!»

Сашка шагнул в переднюю и почему-то не узнал её. Он даже подумал, что по ошибке зашёл в чужую квартиру. Сашка хотел уже незаметно уйти, пока его не приняли за жулика, как вдруг увидел в углу свои старые лыжи, а на вешалке пёстрый мамин передник.

А... вот в чём дело. В квартире пахло как-то остро и незнакомо. Не поймёшь чем. Этот запах его и сбил с толку. Никогда у них в квартире так не пахло.

Сашка несколько раз потянул носом. Прислушался, – в глубине квартиры что-то негромко шелестело, шуршало, двигалось, задевая за стены.

Дрожь прошла по спине у Сашки. Он невольно сделал несколько шагов назад к двери.

В это время в переднюю из тёмного коридора вышел удивительный человек.

Он шёл необычайно легко, на носках, покачивая руками, как будто плыл по воздуху. Увидев Сашку, он прижал одну руку к сердцу, другую откинул в сторону и вдруг низко и церемонно поклонился Сашке. Вместо его лица Сашка

увидел желтоватую круглую лысину. Лысина показалась Сашке чуть-чуть прозрачной.

Всё это было совершенно дико и фантастично.

Удивительный человек выпрямился. Сашка увидел его юные глаза и большой квадратный нос, который снизу, как две подставки, поддерживали чёрные усики.

Странный человек улыбнулся.

Сашка удивился ещё больше, потому что этот странный человек улыбался маминой улыбкой. И хотя он был совсем, ну просто нисколько не похож на маму, всё равно он улыбался совсем как мама.

– Племянничек, ага... – сказал странный человек, наклоня голову и внимательно разглядывая Сашку. – Вот ты какой. Мамино сокровище... Ну-ну... Что ж, давай знакомиться. Я твой дядя. Можешь звать меня просто дядя Сёма.

Тут дядя Сёма наклонился и поцеловал Сашку в щёку. Потом ласково потянул его за ухо.

– А у меня история, понимаешь, – дядя Сёма развёл руками. – Приехал сегодня – здрасте! В цирке карантин. Болезнь какая-то объявилась новая. Коклюш звериный, что ли. У слонов температура. Львы в бреду. Крокодил и директор цирка в обмороке. Нет, ты слышал что-нибудь подобное?! Такое и во сне не привидится. Не мог же я сидеть со своей компанией на улице. Вот и махнул прямо сюда, к сестре.

Смотрю, никто не открывает. Хорошо, соседка, такая милая женщина, ключи от квартиры дала.

И тут Сашка увидел, что на плече у дяди Сёмы, невесть откуда взявшись, появилась обезьяна. Не очень большая, но совсем настоящая, живая обезьяна. У обезьяны были руки, похожие на ноги, ноги, похожие на руки, и милая старушечья мордашка.

Обезьяна потёрлась носом о щёку дяди Сёмы, а тот, будто так и надо, рассеянно, не глядя, пощекотал ей живот и оглянулся.

– Телефон у вас где? – спросил он.

Сашка никак не мог прийти в себя от изумления. Он стал просто как деревянный. Он с трудом кивнул своей деревянной головой и указал негнущейся рукой в глубь коридора.

Дядя Сёма улыбнулся маминой улыбкой и сунул обезьяну прямо в руки Сашке. А сам повернулся и пошёл звонить по телефону.

Обезьяна посмотрела на Сашку глубокими, невесёлыми глазами и начала чесаться. Одной лапой она чесала живот, а другой спину. При этом она ещё шевелилась, ёрзала, ни минуты не сидела спокойно. Руки у Сашки сразу затекли от напряжения, он даже вспотел.

– Алло! – гудел в трубку дядя Сёма. – Товарищ администратор? Это я, Симеон Симеонович Зверо! Он самый. Здравствуйте. Вот положение! Ума не приложу! Какой-нибудь выход! Да, да! Нет, нет! Три медведя и четыре обезьяны. Что? Медведя не четыре, а три. А обезьяны не три, а четыре! Хорошо. Заранее благодарен. Жду у телефона.

Дядя Сёма громко сказал: «Уф!»

«А может, это “уф” и не он сказал...» – подумал Сашка, и ему стало немного жутко. Ему показалось, что кто-то копошится в конце коридора.

Тем временем обезьяна перебралась Сашке на плечо. Сашка с трудом разогнул затёкшие руки. Но тут обезьяна полезла выше, прямо к нему на голову. Устроилась там поудобней и, видимо, задумалась. Сашка стоял и покорно ждал, пока она кончит думать.

Вдруг обезьяна, сильно оттолкнувшись от его головы, скакнула на шкаф. Сашка весь покачнулся, как деревянная кегля.

– Блямс!.. – на кухне с полки полетела какая-то кастрюля.

– Плим-блим-блим!.. – задребезжала крышка, затихая на кафельном полу.

– Режим, голубчик мой, режим! – кричал дядя Сёма в трубку. – Для зверей главное – режим. Вы же знаете, какие сейчас звери пошли. Все как один нервные, избалованные. С ложечки кормлю, по часам...

Сашка, замирая, осторожно заглянул на кухню, и сейчас же что-то с хрустом шлёпнулось ему на плечо. Сашка затряс рукой, и яйцо липко шлёпнулось на пол. Посреди кухни он увидел ещё несколько таких же некрасивых яичниц.

Сашка услышал шорох, поднял голову: между кастрюлями на полке сидела ещё одна обезьяна. Она запустила свою длинную лапу в стеклянную банку и ловила там убежавшее от неё яйцо.

Схватив яйцо, она быстро нацелилась в Сашку. Сашка отпрыгнул назад.

В коридоре он чуть не налетел на дядю Сёму. Лицо у дяди Сёмы было красное, нос блестел.

– Племянничек, – позвал дядя Сёма, – фу, в суматохе забыл. Я ведь тебе подарочек привёз. Убьёт меня твоя мать. И будет права, кстати. Сам не знаю, зачем купил. Помрачение ума. Не иначе.

И тут Сашка увидел в руках дяди Сёмы прекрасную охотничью двустволку. Она чуть блестела двумя воронёными стволами. Сверкала серебряной насечкой.

– А тут ещё патронташ и патроны, – с тоской простонал дядя Сёма. – Зачем? Зачем купил?.. Скажи на милость?

– Это мне? – вне себя от счастья пролепетал Сашка. – Ой, спасибо, дядя Сёма!

Дядя Сёма резко прижал ружьё к своей груди.

– Осторожно! Оно заряжено! О, боже мой, зачем я его зарядил? Сам не понимаю... Старый идиот... Пока мы его на стену повесим, я тебя прошу, не трогай его, умоляю тебя, слышишь?

Дядя Сёма, крепко прижимая ружьё к груди, понёсся по коридору в папа-мамину комнату.

«Здорово я наврал про ружьё, – ликуя, подумал Сашка. – Папку разве уломаешь! А теперь всё. Намертво. Подарено, и всё тут. Мне какое дело...»

Но тут кто-то сзади налетел на Сашку. Какой-то большой и лохматый шар. Шар развернулся и превратился в медведя.

Сашка прижался к стене, но в это время его по лицу задел чей-то хвост. Сашка невольно ухватился за этот хвост, но, к его ужасу, хвост остался у него в руке. Сашка с отвращением отшвырнул его, но хвост повис на нём, зацепившись за пуговицу его куртки.

Но тут Сашка увидел, что это вовсе не хвост, а рукав маминой кофты. Синий, в белый горошек. А вся мамина кофта, размахивая другим рукавом, скачет мимо него по коридору. Сашка бросился вдогонку за маминой кофтой.

Мамина кофта влетела в комнату и прямо с пола скакнула на шкаф.

Испуганно заговорила люстра стеклянными голосами. На люстре верхом сидела ещё одна обезьяна и раскачивала её, отталкиваясь от потолка длинной босой ногой. В коридоре зазвенел телефон. Сашка схватил трубку.

«Может, мама?» – с надеждой подумал он. Но это был папа.

– Приехал? А? – нетерпеливо спросил папа.

– Приехал... – почему-то шёпотом ответил Сашка и оглянулся.

– Мм... – затосковал папа. – Ну, дай, дай мне его к телефону.

– А ты скоро домой?

– Не знаю, ничего не знаю. Сажу здесь, вот досада, и жду «Степана». Никто ничего не понимает. Ну давай, давай его...

Сашка передал трубку дяде Сёме. Дядя Сёма заорал в трубку: «Витька! Речной пират! Сколько лет, сколько зим...»

А Сашка пошёл в свою комнату, потому что он услышал из-за двери какое-то странное кряхтение и ворчание. И, предчувствуя что-то недоброе, Сашка открыл дверь.

Глава 6

Конец «НОВОЙ ГВИНЕИ» и ГИБЕЛЬ ЗЕРКАЛА

Сашка замер. Посреди комнаты сидел большой, очень коричневый медведь.

Он сидел, точь-в-точь как сидят игрушечные мишки на полке в магазине, – растопылив все четыре лапы.

Медведь наклонил тяжёлую голову набок и что-то жевал. Маленькие глазки житро поглядели на Сашку.

Медведь глубоко вздохнул, но с удовольствием. Видно, то, что он жевал, казалось ему очень вкусным.

Сашка пригляделся и ахнул. Большое круглое пузо медведя было сплошь усеяно цветами. Из густой шерсти наивно торчали ромашки и колокольчики.

– Мой гербарий!.. – прошипел Сашка. – Я для тебя его собирал, да?

Сашка сделал шаг вперёд и сразу же шаг назад. Кто его знает? Может, он ещё не очень-то дрессированный, этот медведь, может, ещё полудикий.

И тут на полу между расставленными лапами медведя Сашка увидел свой альбом с марками. Вернее, это был уже бывший альбом. Он был весь изуродован и изжёван, смят, изодран в клочья. А тут ещё эта зверюга лохматая, несколько не стесняясь, опустила когтистую лапу, выдрала ещё одну страницу и преспокойненько запихала её в свою пасть. Зажмурилась и начала лениво жевать.

– Дядя Сёма! Дядя Сёма! – отчаянно завопил Сашка.

Дядя Сёма, потирая красное ухо, заглянул в дверь.

Сашка руками, головой, всем телом показал на медведя.

Лицо Симеона Симеоновича страдальчески сморщилось.

– А... – виновато протянул он. – Недоглядел я... Замутился со всеми делами...

Симеон Симеонович, тихо приговаривая: «Ах, ах, надо ж такому случиться», – поднял с полу альбом с марками. Сгрёб цветы с медвежьего живота. Получился жалкий, печальный букетик.

В коридоре снова зазвонил телефон.

– Это меня! – выкрикнул дядя Сёма и выскочил из комнаты.

Сашка с ненавистью посмотрел на медведя: «Ему-то что. А "Новая Гвинея"? Она, наверное, у него в животе уже переваривается...»

– Это вас, молодой человек, – церемонно сказал дядя Сёма, появляясь в дверях, и поклонился Сашке, – если не ошибаюсь, какая-то барышня.

Сашка взял в руки тёплую телефонную трубку. Она просто здорово нагрелась от уха Симеона Симеоновича. Сердце его сильно забилося.

– Саша, – сказала Катя низким чужим голосом. Но Сашка всё равно её сразу узнал. Катя не выдержала и приснула. – Отстань, – шёпотом попросила она кого-то.

Наверное, рядом стоял Борька. Конечно, это был Борька, кто же ещё? Они звонили, наверное, из автомата. И стояли рядышком в тесной телефонной будке.

– А, это ты, – ответил Сашка, стараясь говорить холодно и обыкновенно.

– Это кто подходил? – спросила Катя.
– Так, дядя, – с торжеством сказал Сашка.
– Нет, правда? – уже настоящим, своим голосом сказала Катя. – А... звери?

– И звери тут. Где же им быть ещё? – Сашка с трудом сдерживал ликование. – Заходи, Катя, сама увидишь.

– Нет, правда?

Катя замолчала. Сашка услышал её дыхание.

– Мы сейчас на футбол собираемся, – с сожалением сказала Катя и добавила просительно: – А после футбола можно?

– Мне какое дело. Когда хочешь, тогда и заходи.

– А ты на футбол не идёшь?

– Билета нет, – растерялся Сашка.

– А у меня лишний! Хочешь? – вдруг предложила Катя. – Не твоё дело, отвяжись, – свирепым шёпотом мимо трубки сказала она кому-то.

Вот это да! Катя сама приглашала его на футбол. И даже билет предлагала. И это всё при Борьке. Он стоял рядом, конечно, и всё слышал.

– Отчего же, – сдерживая дрожь, тихо сказал Сашка.

– Через полчаса на моём дворе. Идёт?

– Идёт.

Сашка услышал в трубке короткие гудки. Сашка стоял и слушал их. Они, как цепочка, ещё соединяли его с Катей, и ему было жаль класть трубку...

– Ба-ба-бах! Бум! – что-то дико грохнуло и загремело в папа-маминой комнате. Там случилось что-то ужасное. Наверное, там сразу рухнули стены и потолок.

В коридор из кухни, что-то жуя, выбежал Симеон Симеонович. Лицо у него было совсем белое. Чёрные усы на этом белом лице как-то выскочили вперёд. Он, топая, пробежал мимо Сашки. Сашка со всех ног бросился за ним. В дверях они столкнулись и застряли.

Потом их сверху накрыла рычащая, дрожащая тяжёлая шуба.

И так они все втроём – Сашка, Симеон Симеонович и медведь – ввалились в комнату.

В комнате стоял не то туман, не то дым.

С потолка сыпалась извёстка. Острыми кусками, вздрагивая и страшно звеня, падало зеркало.

Посреди комнаты, держа в трясущихся лапах ружьё, стояла обезьяна. В углу с жалобным визгом обнялись медвежата.

Над головой у Сашки, громко хлопая крыльями, закружились жёлтые и зелёные попугаи. Казалось, они вылетают прямо из Симеона Симеоновича.

Попугаи, как слепые, сильно, с размаху, бились о стёкла. В воздухе завертелись жёлтые и зелёные перья.

Обезьяна выронила ружьё, обняла ногу Симеона Симеоновича и, прижавшись к ней всем телом, заскулила, задржав голову кверху.

Дым рассеивался. Белая пыль оседала на пол. С потолка ещё срывались куски штукатурки. Около люстры чернела дыра.

– Нечего сказать, навестил сестру... Двадцать лет не был... – простонал Симеон Симеонович. – Да лучше бы ещё пятьдесят не приезжал... Старый балбес.

Симеон Симеонович яростно постучал себя кулаком по лбу.

«Дурак я, про этих зверей наплёл, – обозлился на себя Сашка. Он не мог смотреть на виноватое и огорчённое лицо Симеона Симеоновича. – И без этого ружья тоже обошёлся бы как-нибудь. Не помер».

– Дядя Сёма, – не зная, чем его утешить, сказал Сашка. – Ничего... Папка всё равно хотел летом ремонт делать. А зеркало...

Сашка запнулся. Он знал, что мама огорчится. Мама считала, что зеркала бьются не к добру, и переживала, даже когда треснуло маленькое круглое зеркальце. А тут такое зеркалище во весь шкаф.

Дядя Сёма всё сопел и вздыхал и даже замахнулся на ни в чём не повинного медвежонка. Медвежонок обиделся и закатился под стол. Ох, до чего же всё нескладно вышло! Хорошо ещё, что Борька про миномёт не поверил.

– Два часа, – вздохнул дядя Сёма. – Кормить их пора. Кашу сварю, что ли.

Дядя Сёма, какой-то постаревший, устало волоча ноги, пошёл на кухню.

А Сашка, так ничего ему не сказав, на цыпочках прошёл в переднюю и вышел на лестницу. Он плотно прикрыл за собой дверь. Не хватало ещё, чтобы эти твари по всему дому разбежались... И бегом бросился вниз.

Глава 7

БИЛЕТ НА ФУТБОЛ

Катя ждала его, нетерпеливо посматривая на ворота.

Она стояла посреди двора на сухом местечке, и солнце освещало её всю. На ней были голубые чулки, а на голове вязаная шапочка, тоже голубая. Рядом, конечно, Борька. Он со скучающим видом смотрел на голое дерево, разглядывал пустой скворечник.

В сторонке на сырой, раскисшей дорожке стояла никому не нужная Лёлька.

На ней была старая лыжная куртка, ещё Катина, только Катя из неё уже давно выросла, а Лёлька ещё не доросла. Куртка была слишком длинной. Из-под неё торчали Лёлькины ноги, не толще верёвки, с коленками, похожими на узелки, завязанные на этой верёвке.

– Пошли. Только-только успеем, – сказала Катя, и все двинулись к воротам.

Лёлька, шлёпая ботинками, облепленными грязью, и держась на расстоянии, пошла за ними.

Но у ворот Катя обернулась и грозно сказала ей:

– Кому говорят – домой! Не смей за нами!

– Мне кажется, ты её путаешь со своей будущей собачкой, – усмехнулся Борька.

Катя засмеялась:

– Знаю я их, с ними чем строже, тем лучше. А то на шею сядут... Ну, как дядя? – спросила она Сашку и посмотрела на него удивительно светлым глазом из-под чёрной челки.

– Нормально, – сказал Сашка, не зная, что ответить.

Оглянувшись, он увидел, что Лёлька всё-таки идёт за ними, робко, но упрямо. Они сели в троллейбус. Троллейбус был совсем пустой.

Лёлька тоже вскарабкалась с передней площадки.

Через весь пустой троллейбус Лёлька с укором посмотрела на Сашку. И по её оскорблённому и печальному лицу Сашка вдруг точно и ясно понял, что Катя отдала ему Лёлькин билет на футбол. Этот билет вовсе не был лишним. Это был Лёлькин билет. Сашкино сердце сжалось, словно ему на сердце надели защипку, какими мама на балконе прицепляла бельё к верёвке, чтобы ветер его не унёс.

«Растяпа, – обругал себя Сашка. – Наврал бы Катьке, что у меня уже есть билет. Вот где надо – не вру. А где не надо, само врётся».

Чем ближе к стадиону, тем теснее набивался троллейбус людьми. Наконец толстая тётя скрыла Лёльку.

У стадиона все пассажиры сразу вышли. Троллейбус пустой, прозрачный, дребезжа, сделал круг и покати́л назад.

Все побежали к стадиону, на ходу доставая из карманов и сумочек билеты. Катя побежала, замелькав голубыми чулками.

Сашка оглянулся. Лёлька стояла у серой стены, маленькая, никому не нужная.

«Я ей марки подарю, гербарий отдам... – страдая, подумал Сашка и тут же вспомнил, что этого уже ничего нет. – Всё равно, я ей что-нибудь хорошее...»

Раздумывать было некогда. Сзади наседали и подталкивали. Контролёрша с досадой сама выхватила билет из его нерешительных рук. Всё получилось само собой. Сашка стал пробираться вдоль длинных скамеек вслед за Борькой и Катей.

А над полем уже гремел марш и выбегали футболисты: «Водники» в полосатых майках, а «Электросталь» – в красных.

– Ты за кого болеешь? – спросил Сашка у Кати, когда они уже уселись. Борька-то, конечно, болел за «Электросталь». Его отец работал на этом заводе инженером.

– Я болею за победителей, – уверенно сказала Катя. – Противно, когда проигрывают. Но вообще я бокс люблю лучше.

– Смерть побеждённому! – пробормотал Борька.

Сашка сидел рядом с Катей. Он и не надеялся, что когда-нибудь так может случиться в жизни.

Он старался не думать ни о чём плохом. Ни о Лёльке, ни о том, как мама войдёт в квартиру и всплеснёт руками.

«Потом, потом... – думал Сашка. – Это всё после...» Скосив глаза, он видел круглую Катину голову, облитую голубой шапочкой, и чёрную чёлку. Он хотел сейчас от жизни только одного, чтобы «Водники» выиграли. И «Водники», наверное, это знали и потому играли как боги и уже за десять первых минут забили два гола в ворота «Электростали».

Катка ахала, вскрикивала. Щеки её горели, и Сашке казалось, что он чувствует на своём лице их жар. Она даже стучала кулаком по круглой спине какого-то дяди, сидящего впереди. С места вскочил высокий парень. Синяя куртка съехала с его плеч. Сашка увидел полосатую тельняшку.

– Давай, давай, братцы! – заорал он. Широкие плечи в полоску, затылок и ухо показались Сашке ужасно знакомыми.

«Неужели Серёжа-машинист с папиного “Степана Разина”? Папа ждёт в порту. А он, что же, футбол смотрит? Нет, быть того не может».

Парня потянули за рукав, и он сел. «Ошибся», – успокоился Сашка.

В перерыве Сашка кинулся купить себе и Кате мороженое. Тут он опять вспомнил про Лёльку и подумал, что неплохо бы и ей снести туда хотя бы эскимо. Он словно увидел её у стены. Куртку на тонких ножках.

«Да нет, она домой ушла, – подумал Сашка. – Не будет она столько дожидаться».

Дальше стало ещё лучше. Катя даже локтем его пихнула два раза.

Матч шёл к концу, и счёт стал уже 4:0. Борька скис, сидел как убитый и уже ничего не говорил умного. И тут случилось что-то странное.

Сашка увидел, что какой-то человек упрямо пробирается между рядами.

Он нагнулся к кому-то, и тут снова вскочил всё тот же длинный в тельняшке. Тогда уж Сашка точно разглядел, что это Серёжа-машинист со «Степана».

Серёжа, подхватывая падающую с плеч куртку, стал стремительно пробираться к выходу. Он перелезал прямо через лавки, раздвигая людей. А какого-то короткого человечка Серёжа пригнул книзу и перешагнул через него.

Почему-то началась суматоха. Какие-то люди вставали и уходили. Они пробирались между рядами, застилая свет,

мешая глядеть. Тут Сашка увидел среди них ещё и Семёныча с папкиного катера.

«И Семёныч тут! – удивился Сашка. – Интересно, а катер куда же они подевали?»

– Наша взяла, – сказала Катя Борьке. Она так и сказала: «Наша».

– О, безусловно, – ответил Борька. – Кто спорит? Но учтите, герцогиня, футбол – игра для тех, кому ноги важнее головы.

– Ну и глупо, – обиделась Катя.

В толпе их стиснули, сжали. Сашка сразу почувствовал себя маленьким. Сидел как человек, смотрел с Катей футбол. А тут он кому-то еле доставал до плеча. Носом его ткнули в чей-то рукав. Вон и Катин помпон торчит у локтя здорovenного дяди.

Вместе с толпой их вынесло на площадь. Сашка незаметно скосил глаза вправо, где они оставили Лёльку.

Лёльки не было. У стены стояла толстая девчонка в красном пальто и лизала мороженое острым треугольным языком.

«Не дождалась...» – сжалось что-то в Сашке.

На остановке один за другим стояли сразу три пустых троллейбуса.

Обычно у троллейбусов тут же начиналась толкотня, вырастала очередь.

Водители надрывались, прося «остаться на следующий».

И на этот раз кто-то бегом бросился к остановке.

Но таких было только несколько. И они тоже постепенно замедлили бег и растерянно остановились. И все они тоже почему-то смотрели в сторону реки.

– Там! – возбуждённо сказал высокий дядя, протянув руку с портфелем.

– Интересно, – сказала Катька. – Может, задавило кого? Только, если кровь, я смотреть не могу, – добавила она и зажмурилась.

– Хлеба и зрелищ, – пробормотал Борька.

Глава 8

НА ОБРЫВЕ

Народ валил вниз с холма. Те, кто постарше, чинно шли по узким тропинкам. Но большинство спускались напрямик, как-нибудь, прямо по бесцветной прошлогодней траве. Мальчишки перепрыгивали ямы, где ещё лежал грязный снег с чёрными корочками.

Сверху была видна голубая крыша и столики кафе.

Кафе стояло на обрыве, над самой рекой. Оно так и называлось красиво: «Волна». Круглые жёлтые столики сверху были похожи на блюдечки.

Но никто ничего не пил и не ел. Все толпились на краю обрыва. И те, кто сбегал с холма, старались тоже пробраться к самому краю, и толпа на обрыве всё росла.

– Ну скорей, скорей, – торопила Катя. – Опоздаем к самому интересному. Мальчишки, давайте за руки и бегом. Только держите меня, а то я упаду.

Сашка сжал Катину мягкую руку. И они побежали вниз с холма.

Катя визжала. Холодный ветер пел в ушах. Сашка споткнулся, и они чуть не полетели кувырком все трое. Солнце нестерпимо блестело посреди реки. Кружилась голова от неба и облаков, которые бежали кверху...

Это было замечательно, только быстро кончилось. Сашка бы согласился бежать с этой горы целый год. Но Катя уже зашевелила пальцами, высвобождая свою руку из Сашкиной руки.

Все толкались, стараясь пробраться поближе к обрыву. Счастливики, стоявшие на самом краю, переговаривались, вскрикивали, ахали.

- Смотрите-ка, смотрите-ка, лежит на боку!
- Ну, голубчики! Ну, распотешили!
- Доигрались!
- За такое по головке не погладят!
- Ай! Ай! Ноги едут! Падаю!
- С ума сошли, граждане, не напирайте!
- Здесь же глина, глина! Мы все попадаем!
- Половодье – вещь очень непростая, – рассуждал хитрый седенький старичок, стоявший перед Сашкой. – За час вода сойти может. А что молодёжь сейчас? Думают, всё сами знают.
- У вас всегда молодёжь виновата!
- А как же, а как же, – оживился, даже обрадовался хитренький старичок. – Посудите сами. Видите, канатом к дереву привязали, а сами куда? Известно куда! В кафе. На футбол. А ответственность где? Вон она!

Старичок с трудом высвободил одну руку и грозно протянул её в сторону обрыва.

– Там что-то интересное, – выходила из себя Катя и пи-халась остренькими кулачками.

– Ох, господи, страсть какая... – печально сказала старушка в тёмном платке и подалась назад от края.

Сашка и Катя тут же протиснулись на её место. Сашка вытянул шею, глянул вниз и обмер.

Никогда ещё ему не было так страшно и нехорошо.

Внизу, прямо под обрывом, на узком пляжике лежал на боку «Степан Разин».

Он выглядел жалким и нелепым, лёжа на боку на песке. Голубые буквы так и лезли в глаза, и каждый, каждый мог прочесть: «Степан Разин». Он казался каким-то беспомощным, наверное, оттого, что был виден весь, до самого киля. Торчал гребной винт с прилипшим пучком водорослей. Дверь в каюту была распахнута.

Все вещи лежали кучей, привалившись к одной стене. В темноте белели подушки, на них опрокинутый графин. Книги, сковородка, всё вместе.

Кто-то засмеялся совсем рядом, обдавая теплом Сашкино ухо. Сашка повернул голову, тупо глянул.

Это смеялась Катя. Сашка увидел её сощуренные светлые глаза.

– Ха-ха-ха! – негромко смеялась Катька. Сашка чувствовал, как трясётся её плечо. И каждый звук её голоса с мучительной болью входил прямо в Сашкино сердце.

– Кажется, это транспорт твоего отца, – сказал Борька.

– Надо же! – ахнула Катя и полезла ещё ближе к краю, так что комья сырой глины зашлёпали вниз.

Какой-то парень с гитарой спрыгнул с обрыва и стал танцевать вокруг катера, увязая в мокром песке. Ноги у него были всё время согнуты в коленях. Он так и не разгибал их и от этого здорово походил на обезьяну.

Вслед за ним стали спрыгивать вниз и другие, тоже здоровые, ногастые.

Обезьяний парень перекинул гитару на спину и неуклюже полез на катер. Он лез грубо, будто это была куча металлолома. Цеплялся руками за что попало. Его ноги чертили серые полосы на краске палубы, такой белой, такой свежей.

Он вскарабкался на борт, потопал ногами, прочно ли.

Приложил руки к груди и, кривляясь, закричал глупым голосом:

– Кто-то потерял парходик! Потерявшего прошу обращаться ко мне. В противном случае находочку считаю своей!

И затопал ногами, заплясал какой-то дурацкий танец. Как он так может? Ведь беда. А они ещё смеются...

– Вон твой отец, – безжалостно сказал Борька.

Сашка стал искать папу глазами. Сашка выглядывал его в толпе, а сердце у Сашки замирало. Его мучил страх, а вдруг папа плачет или рвёт на себе волосы, или стоит, схватившись за голову.

Папа стоял в сторонке. Лицо его было спокойным. И только фуражка лежала около него на земле, и он её не поднимал. Позади него, сбившись в кучу, стояла вся команда катера «Степан Разин».

Серёжа-машинист низко опустил кудрявую голову. Всё было виноватым в его сильной фигуре. И вислые плечи, и опущенные руки, и даже полоски на тельняшке.

Сашка подбежал к папе.

– И ты тут, – рассеянно сказал папа и погладил Сашку по голове, чего не случалось уже много лет. Папа считал, что Сашка уже мужчина и отношения у них должны быть строгие, мужские.

– Виктор Николаевич, – дрожащим голосом сказал Серёжа-машинист, подходя сзади. Лицо у него было багровым. Даже глаза были красными. – Мы что, знали, что вода спадёт? Ну, думали, пришвартуемся тут, футбол посмотрим. Ну, на часок запоздаем. Мы что же, знали, что такое получится? Что ж, под суд, значит, за это?

Визгнув тормозами, около кафе остановилась «Волга». Из «Волги» вышли сразу четверо. Двое военных, строгая женщина в больших очках с толстым портфелем в руке и ещё

совсем седенький старичок. У него было доброе лицо и довольно длинная белая борода. Ветер тут же занялся его бородой, и старичок сжал её в кулаке, будто боялся, что она оторвётся и улетит.

Все засуетились, давая им дорогу к обрыву.

Сашка с болью смотрел на их спины, заранее переживая: сейчас они увидят... Сейчас они увидят...

И правда, они подошли к краю да так и замерли. Только седенький старичок не подошёл близко, а, прижимая бороду к пальто, вытянул шею и издали посмотрел на «Степана».

Сашка как-то сразу понадеялся, что этот старичок что-то придумает и поможет.

– Н-да... неприятности... – сказал старичок тонким голосом.

Сашка стиснул зубы. «Неприятности»... Проклятье!

Папа шагнул было к ним, хотел что-то сказать, но высокий военный остановил его холодным жестом.

– Ваше мнение? – обратился он к остальным.

– Крайне сложное положение, – сказал военный пониже.

– Дикость какая-то, – сказала строгая женщина, сняла очки, посмотрела вниз на «Степана Разина» и снова их надела.

– Распущенность. Разгильдяйство.

– Может, применить катки? Смазать салом доски и спускать на воду.

– А как вы его поставите на катки, интересно?

– А домкраты?

– Вы посмотрите, каков грунт! Мокрый, можно сказать, жидкий песок.

– В том-то и дело.

Старичок наклонил голову набок, сунул клочок бороды в рот и пожевал его. При этом лицо его сморщилось, как будто борода была кислой.

– Я скажу вот что. Проще всего оставить катер здесь до следующего года. Весной половодье само снимет его с мели.

– До следующего года?!

– Нечего сказать! Хорошенькое дело!

Папа что-то невнятно пробормотал сквозь стиснутые зубы.

– Ну тогда вот что. Уж вы поверьте моему опыту. Это вам влетит в копеечку – спускать его на воду.

– Может, прорыть канаву?

– Н-да... Вот если бы здесь была железная дорога...

– Да, да. Очень мило. Очаровательно. Я восхищён. Проведите сюда железную дорогу, сделайте тут станцию. Только этого не хватало, – снова сказал старичок. – Я вам говорю: ждать до будущего сезона.

– Папочка... – сказал Сашка, замирая от тоски.

– Иди, иди, – сказал папа.

Сашка не мог этого вынести. Папино лицо просто убивало Сашку.

Он попятился в толпу, продолжая всё глядеть на папу, и налетел спиной на Лёльку. Лёлька всхлипнула. Глаза у неё были заплаканные, маленький острый нос посинел от резкого ветра, дующего с реки.

«А если... – как молния, вдруг мелькнуло в голове у Сашки, – а если ещё раз наврать? Ну, ещё один разок. Ну, самый распоследний... И правда, чего он теряется? До будущего го-

да, говорите? Ладно. Сейчас увидим будущий год...»

Сашка быстро оглянулся по сторонам, схватил Лёлькину руку и сжал её изо всех сил, как-то невольно удивившись, до чего же она худая и тонкая, её рука. Но Лёлька была спасение, упустить её было никак нельзя.

Сашка поволок её за собой. Лёлька сначала немного упиралась, а потом молча и покорно побежала за ним.

Сашка утащил её за голубой павильон. Там один на другом стояли ящики с пустыми бутылками. Сашка припёр Лёльку спиной к ящикам.

– Чего редела? – быстро спросил Сашка.

– Пароход жалко... – тихо всхлинула Лёлька. Лёлька стояла перед ним ровненько, как перед учителем, опустив руки, подняв голову, и только мигала. Ресницы от слёз слиплись кустиками.

– Тоже мне! Ревёшь, а сама не знаешь чего, – почему-то шёпотом, наклоняясь к ней, сказал Сашка. – Сейчас прибудет вода. И поплывёт катер... пароход.

– Правда?! – Лёлька попробовала улыбнуться озябшими, посиневшими губами, но уголки рта поползли книзу. – Тебе твой папа сказал, да?

Гул толпы заглушил робкий Лёлькин голос. По-шмелиному гудели мужские голоса. Вскрикивали женщины.

– Ноги заливают! – орал кто-то.

- Люди без мозгов! Скорей, скорей!
- Руку дайте, руку! Чего смотрите? Тащите меня!
- Тону, братцы!

Сейчас было уже не до Лёльки. Сашка обогнул угол павильона, прямо по лужам, шлёпая по густой грязи, бросился к берегу.

Узкий пляжик с шипением заливала вода.

Все, кто там был, подпрыгивали, вскидывали ноги, торопливо карабкались на обрыв, срывались. А волны настигали их, обдавая мутной пеной.

Обезьяний парень, переступая ногами по голубому борту, в растерянности глядел на поднимающуюся воду. Наконец он решился и спрыгнул, жалобно тренькнув гитарой.

Вода пришлась ему уже выше колен. Отчаянно вскрикивая при каждом шаге, парень бросился к обрыву и полез вверх, измазав глиной мокрые брюки.

«Так тебе и надо», – подумал Сашка.

А вода всё прибывала. Мутные волны бурлили, поднимаясь всё выше. Катер ожил, шевельнулся, как живой.

Сашка отыскал глазами папу. Тот стоял над самым обрывом да так и впился глазами в катер. Сзади, разинув рот от восхищения, на него навалился Серёжа-машинист.

– Фантастика! – прошептал высокий военный.

– Однако предвижу неприятности, – прошамкал маленький старикашка и закашлялся, подавившись своей бородой. – Откуда вода? Впрочем, в любом случае это ничуть не снимает ответственности с тех...

«Противный...» – подумал Сашка.

«Степан Разин», голубой с белым, красивый, как всегда, покачивался на воде. Волнение сжало Сашкино горло, что-то зашевелилось в носу, защипало глаза.

Вся команда по одному перебралась на катер. И папа прыгнул тоже, так и не приняв протянутую ему руку Серёжи. Сердится на него, значит.

Но Сашке хотелось только одного, чтобы они поскорее уехали, убрались подальше от этой глазающей толпы.

«Уплывайте! Уплывайте!» – приказывал им про себя Сашка.

Так и случилось. Мотор затарахтел, запыхтел, и катер отвалил от берега.

У Сашки внутри всё ещё дрожало. Он глядел, как «Степан Разин» уплывает, уменьшается и из голубого с белым превращается в серую точку на серой воде.

Глава 9

По пустым улицам

Когда Сашка немного пришёл в себя и оглянулся, на обрыве уже никого не было. Только несколько человек с красными озябшими носами сидели за столиками в кафе и глотали горячие сосиски. Они обнимали стаканы с кофе двумя руками и грели об них пальцы.

Серая туча прикрыла солнце, и с реки дул пронзительный сырой ветер.

Сашка медленно пополз в гору.

Ветер налетал злыми порывами, подгонял его, продувал насквозь, будто Сашка был весь в дырочках. Сейчас бы

поест и нырнуть в постель, под одеяло. И ещё, чтобы мама посидела рядышком...

Сашка вскарабкался наверх. Небо стало совсем серое и навалилось на площадь.

У остановки стояла очередь длиной в километр. Где-то впереди он увидел Катьку в голубой шапочке. Катька вертела головой: может, его высматривала?

Сашка спрятался за высокого дядю в мохнатом пальто. Ехать домой с Катькой ему почему-то не хотелось. Ему даже смотреть на неё не хотелось.

Ждать пришлось долго. Очередь сжималась, растягивалась, как резиновая, но народу не убывало. Потому что ни один троллейбус так и не подъехал к остановке.

Стоявшие впереди зашумели, заволновались. Вдоль очереди бежала женщина в расстёгнутом пальто, обмахивая разгорячённое лицо сдёрнутым с головы платком.

– Не будет вам троллейбусов, не будет! – с трудом переводя дух, кричала она.

– Как не будет? – крикнул кто-то из очереди и засмеялся. – А что будет?

Женщина остановилась.

– А ничего не будет! Авария на электростанции, ясно? Нету вам электричества. Добирайтесь теперь как желаете.

– А-а... – протяжно вздохнул кто-то позади Сашки. – Вот она откуда, водичка. Чудес-то на свете не бывает. Верно, плотину прорвало. Ну, конечно, не иначе.

Сашка замер. Он стоял и не шевелился, только сердце глухо стучало в груди.

Вдруг Сашка вырвался из очереди и бросился бежать. Он расталкивал людей, на кого-то налетал, как слепой.

– Видали ненормального! – сказал знакомый насмешливый голос. Похоже, что Борька. Теперь всё равно...

Сашка наискосок пересёк площадь. Он бежал изо всех сил, напрягая ноги, с отчаянием отталкиваясь от земли.

Вот оно! Вот оно какое, враньё! Прилипло к нему. И что не соврётся, всё хуже и хуже. К маме! К маме скорей! А что мама? Всё равно, скорей домой.

– А-а... – простонал Сашка. Он вдруг понял. Мамы дома нет. Она же на электростанции, ясное дело. Раз там авария, её туда вызвали.

Сашка бежал по длинной улице.

Троллейбусы стояли пустые, мёртвые, в них было темно.

По рукам и по лицу полоснул ледяной дождь. Асфальт вокруг почернел. Но дождь сразу кончился. Только громоздкие тучи ползли быстро и низко, цепляясь лиловыми лохмотьями за крыши.

Дома стояли тёмные, неживые. Они смотрели на Сашку глубокими, чёрными окнами. Ни в одном доме не горел свет.

Сашке стало страшно. Шаги его звучали как-то слишком громко и гулко в тишине. Ему показалось, что за ним кто-то бежит. Оглянулся. Никого не было.

«Это моё враньё за мной бежит, – вдруг подумал Сашка. – Гонится за мной».

Дальше бежать не было сил. Он прислонился к столбу.

Сухие рыдания с болью вырывались из груди. Сашка затрясся, обняв руками столб. Спинай почувствовал – кто-то стоит позади. Оглянулся. Позади стояла Лёлька и молча смотрела на него.

Сашка даже не удивился, будто так и должно быть. Даже не вытер мокрых щёк. А, пусть смотрит... Он тут же забыл о ней и бросился бежать.

Но когда, задохнувшись, остановился на углу, то опять увидел её рядом с собой.

– Оставь меня. Брось. Всё равно отстанешь, – еле дыша от усталости и отчаяния, сказал Сашка.

– Не... – прерывисто прошептала Лёлька, глядя на него, – я привыкла... Я всё время бегаю... От Гришки... От мальчишек... От Катьки... Привыкла...

Они побежали рядом. Сашка бежал изо всех сил. В горле пересохло, жгло и остро кололо в боку.

Сашка остановился около голубого киоска. Стеклое окошко киоска было закрыто. В киоске слабо просвечивала тётя в белой наковке. Сироп в банках казался чёрным.

– Воды... газировки... Два стакана, – хрипло попросил Сашка.

Тётя приблизила лицо к стеклу. Её нос расплющился о стекло, побелел.

– Тоже мне. Чего захотел. Воды ему! Нету воды! – сердито сказала она. Она посмо-

трела на Сашку, потом на Лёльку. Её лицо вдруг смягчилось, и она открыла окошечко. – Чистого сиропу налью, что ли, – устало предложила она.

– Как нету воды? Почему нету воды? – даже как-то жалобно спросил Сашка.

– Плотину прорвало, говорят. Во всём городе водопровод не работает.

Продавщица пригорюнилась и вдруг пожаловалась, не то Сашке, не то банкам с сиропом.

– А у меня дома стирка не стирается и обеда нет.

Сашка отскочил от киоска.

Уже и воды нет! Докатались. Ещё разок соврать, и всё полетит вверх тормашками! Весь город! Да что там город! Всё! Нет, не домой... Надо к Волшебной энциклопедии прогнаться! Во что бы то ни стало. Как он сразу не додумался? Там же сказано: «О, несчастный...» Это я несчастный! «Если ты, сгибаясь под тяжестью вранья...» Это я, я сгибаюсь! Ну да, там сказано: «Если ты захочешь, чтобы всё было как прежде...» Хочу! Хочу!

Сашка снова бросился бежать. Он бежал, забывая о Лёльке. Но когда силы оставляли его и он, задыхаясь, переходил на шаг, он опять видел её около себя. Лёлька не отставала, бежала, как будто была сделана из одних ног.

Они бежали по тёмным, опустевшим улицам. Ноги у Сашки подгибались, подошвы горели.

Около тротуара стоял грузовик. Сашка последним усилием добежал до него, остановился, привалившись к нему грудью. Капот машины был поднят, шофёр стоял согнувшись, что-то подкручивал там и вздыхал.

– Дяденька, подвезите меня, – измученно попросил Сашка. – Вам в какую сторону? Мне вон в ту... Мне очень надо...

Шофёр поднял голову. Он был весь рыжий. Глаза тоже были рыжие. И губы тоже. Губы невесело улыбались.

– Воды в радиаторе нет. Всё, парень. Теперь загорать тут будем.

– Бежим, бежим! – подскакивала рядом Лёлька. – Ещё немножечко.

Лёлька, конечно, ничего не знала. Откуда ей. Но каким-то чутьём понимала – надо бежать. Догадывалась, что беда.

Они пробежали ещё несколько длинных улиц. Улицы удлинялись, дома вытягивались, не хотели кончаться. Как Сашка ни старался, он останавливался всё чаще. Ноги у него просто отваливались. Один раз, пошатнувшись, он даже ухватился за Лёльку и почувствовал под рукой хрупкие косточки плеча. Ещё совсем цыплячьи.

Наконец выбежали на площадь. Отсюда до Катькиного дома, до её злополучного чердака было уже рукой подать.

Из-под низкой тёмной тучи вдруг выбились тяжёлые красные лучи заходящего солнца. В доме напротив слепым огнём зажглись окна.

– Немножко, ещё немножко... – лепетала рядом Лёлька. – Ещё немножечко...

Сашка побежал напрямик через площадь, Лёлька несмело, холодными пальцами ухватила его за руку. Сашка влетел в поток машин.

Зашипев шинами, резко остановилась голубая «Волга». Пассажиров качнуло вперёд. Кто-то приглушённо вскрикнул.

Справа что-то громко загудело. Слева с треском и щёлканьем вильнул в сторону мотоцикл.

Откуда-то посыпались яблоки, запрыгали по мостовой. Строго, требовательно засвистел милиционер. Но Сашка был уже на середине площади.

«Не догонишь...» – подумал Сашка. Вдруг Сашка увидел, что навстречу ему кто-то бежит. Да ещё тащит за собой кого-то.

Солнце ослепляло Сашку. Он не мог разобрать, кто это. Он вильнул влево, потом вправо. Тут он разглядел по юбке, по каблукам, что навстречу ему бежит женщина. Он попробовал обежать её. Но женщина сделала прыжок и, застияя солнце, надвинулась на него. В Сашино плечо железной хваткой вцепилась её рука.

Сашка поднял голову и обомлел. Это была она, Гришкина тётка, зубной врач.

– Наконец-то изловила тебя! – задыхаясь, проговорила она. – Разбойник! Мальчику моему, Гришеньке, нос разбил. Думал, убежишь? Я из дома выскочила, так даже пальто не надела...

Глава 10

ГРИШКИНА ТЁТКА ЗУБНОЙ ВРАЧ

Это были знакомые, знакомые слова... Сашка мгновенно всё вспомнил.

Да, Катя и Борька сидели на скамейке. Он вспомнил Катин взгляд из-под чёрной чёлки. Как нестерпимо хотелось ему тогда казаться ей сильным и неустрашимым! И вот как всё это теперь обернулось...

Гришкина тётка была в лиловом платье и в фиолетовой шляпе. На шее у неё болтались белые бусы, и каждая бусина была похожа на выдранный зуб.

Она мучительно, со свистом дышала, тяжело отдуваясь, её хищные глаза сверкали.

Она тащила за руку своего племянника Гришку. Гришка упирался, и от этого его рука казалась очень длинной. А другой рукой он закрывал свой нос.

Сашка даже не сразу узнал его. И вовсе не потому, что Гришка закрывал нос. Он бы узнал его и сзади, и сбоку, и как угодно. По его знаменитой походке. По его самой длинной чёлке во всём районе. Ну, просто потому, что это был Гришка. Воинственный и неуязвимый, которого нельзя было не узнать или с кем-нибудь спутать.

Но теперь это был как будто и не Гришка. Он весь съёжился, поник. Стал обыкновенный, такой же, как все другие.

– Изловила тебя, – с трудом выговорила Гришкина тётка. В голосе её было торжество и изнеможение. – Попался-таки, голубчик.

На её задыхающийся голос какие-то люди обернулись. Кто-то остановился, глядя на них.

– Ты меня, милый, сегодня на десять лет состарил. Себя не пожалела, но изловила!

Вокруг них стала собираться толпа. Но Гришкиной тётке только того и надо было.

– Видите! Видите! – возбуждённо говорила Гришкина тётка, оглядываясь по сторонам и яростно тряся за плечо Сашку.

– Вы только посмотрите, что он сделал с Гришей?! – она подтянула Гришку к себе поближе. – Мальчик мой! Ходил себе тихо по двору. Никому ничего худого не делал. Никого не трогал. А этот хулиган ни с того ни с сего подскочил и... Я сама из окна видела. Григорий, покажи нос!

Но Гришка не хотел показывать нос.

– А-а... – прорычала Гришкина тётка. Она не знала, как быть. Она боялась хоть на минуту выпустить Сашку. Но выпустить своего племянничка она тоже не решалась. Ей явно не хватало третьей руки. – Григорий, покажи нос, кому говорю!

Но Гришка только, как черепаха, втянул голову. Тут Гришкина тётка ловко перехватила Гришку за другую руку и стала пригибать её книзу. Гришка сдался. Он закрыл глаза и покорно выставил нос вперёд.

Нос был как нос. Ну, красный. Ну, распухший. Подумаешь. Сашка и не такие носы видел на своём веку. Но Гришкина тётка просто из себя выходила, глядя на этот нос.

Властно раздвинув толпу, к ним подошёл милиционер.

– Ты что правила нарушаешь? – строго спросил милиционер и положил руку на другое Сашкино плечо.

– Так этот хулиган ещё и нарушитель! – с наслаждением воскликнула Гришкина тётка. – Я предчувствовала это... да...

«Сцапали...» – безнадёжно подумал Сашка. Рука милиционера тяжело лежала на его плече. Рука Гришкиной тётки была полегче, но твёрдые её пальцы так и впились в Сашкино плечо. Они, как корни, прорастали в него всё глубже и глубже.

«Это всё из-за вранья проклятого... Из-за него. А может быть, можно всё... назад наврать? Так, как будто ничего и не было?»

– А зато плотину не прорвало! И моя мама дома! – вдруг ни с того ни с сего отчаянно заорал Сашка.

– Твоя мама на работе, – сказал неизвестно откуда появившийся мамин сослуживец Михаил Петрович. Он устало вздохнул. – Там такое творится... Просто водопад. Так что твоя мама специально просила меня забежать к вам и передать, что останется до утра. Так-то. Иду я и как раз вижу – ты...

– Врун! Врун! Врун! – в восторге закричала Гришкина тётка, встряхивая Сашку. – Он ещё и врун!

– А у меня зато дома зверей нет! И зеркало не разбито! – ещё отчаянней закричал Сашка.

Все посмотрели на него как на сумасшедшего.

– Комик, – сказал какой-то добродушный парень и покрутил головой. – Во даёт!

– Как тебе не стыдно, Кукушкин! – с укоризной сказала учительница Анна Семёновна, появляясь из-за плеча милиционера. – Я только что была у тебя дома. Познакомилась с твоим дядей. Боже, в каком состоянии ты держишь свою комнату. Но это отдельный разговор. Мы навели хоть какой-то порядок, накормили зверей и убрали осколки зеркала...

Сашка затравленно оглянулся. Вокруг него стояли люди и смотрели на него. И как будто держали его своими взглядами.

– Пустите меня! – взмолился Сашка. – У меня беда! Пустите же!..

– Беда? – переспросил милиционер. – А именно? Точнее!

– Нет у него никакой беды! Что вы его слушаете? У него опять какое-нибудь хулиганство на уме! – зашипела Гришкина тётка. Она и второй рукой вцепилась в Сашку. Теперь она уже совсем завладела им.

– Мне к энциклопедии надо! К Волшебной! А то вы все пропадёте! Пустите меня... – в отчаянии закричал Сашка, уже плохо соображая, что он кричит.

Сашка увидел Лёльку. Она изо всех сил вцепилась в железную лапу Гришкиной тётки и по одному отгибала её пальцы. Он увидел Лёлькины глаза, стиснутые зубы и пустоту в том месте, где не хватало двух верхних зубов. Гришкина тётка локтем отшвырнула Лёльку.

«От милиционера я ещё вырвусь, а от этой – нет, никогда... – мелькнуло в голове Сашки. – Её не упросишь».

Сашка втянул в себя воздух.

– Пожар! – вдруг заорал Сашка что было силы. Он даже присел немного. – Тётьенька! Ваш дом горит!

Всё застыло на мгновение. Люди, машины, ветер. Потом все головы разом повернулись в одну сторону.

– Батюшки! – низким голосом завопила Гришкина тётка. – Горим! Горим!

Руки Гришкиной тётки медленно разжались. Сашка шевельнул плечами, почувствовал: свободен!

– Милые, горим! – закричал ещё кто-то.

– Тётя! – заорал Гришка.

Теперь никто не глядел на Сашку. Всем было не до него.

Сашка бросился бежать прямо к Катиному дому. Он бежал в толпе людей. Перед ним мелькали подошвы, двигались спины, работали локти. Сашка обогнал учительницу Анну Семёновну. Поднажал и обогнал маминогo сослуживца Михаила Петровича.

Теперь впереди были только Гришкина тётка и милиционер. Они бежали рядышком. Впереди всех неслась легконогая Лёлька.

Вдруг Сашка остановился. Кто-то налетел на него, охнул и пробежал мимо. Люди обегали его с двух сторон. Толкали, поворачивали. Сашка остался один посреди улицы. Топот, испуганные крики, вопли удалялись.

А он всё стоял как вкопанный и в ужасе смотрел на Катин дом. Над его островерхой крышей поднимались, медленно разрастаясь, страшные, чёрные клубы дыма.

Что он натворил! Он совсем забыл, что Гришкина тётка жила в Катинoм доме. И теперь горел Катин дом. Горел Катин чердак, где под досками среди пыли и хлама лежала Волшебная энциклопедия. Что он наделал?

Мимо Сашки с тревожным воем пролетели четыре красные пожарные машины.

Сашка застонал и снова бросился бежать.

Глава 11

Горим!

Вдоль всего забора плотно стояла толпа людей. Спины красные, серые, коричневые и в полоску громоздились одна на другую.

Сашка попробовал втиснуться между ними. Куда там! Спины, плечи, локти – всё это отпихивало его, отталкивало, не пропускало. Тогда в полном отчаянии Сашка встал на четвереньки, нырнул между чьими-то ногами и пополз по земле.

Здесь было темно и сумеречно, как в лесу.

Над ним качались и гудели голоса.

– Сгорит!

– Весь сгорит!

– Да ну?!

– Что там пожарные еле шевелятся? Как сонные мухи!

– Сам попробуй! Без воды. Языком-то каждый горазд!

– Хорошо, если один сгорит! Не перекинулось бы!

– А сзади-то дом деревянный!

– А сараи?

– Батюшки, ветер-то какой! Так и дует, проклятый!

На наш дом несёт!

– Как бы всё не сгорело!

Сашка пополз быстрее. Он судорожно продирался через этот лес разных ног. Отдавил ногу какой-то тётке. Что-то холодное шлёпнуло его по щеке. Это была сетка, в которой лежала ощипанная курица с закрытыми глазами.

Сашка рванулся в сторону. Попробовал пролезть между двумя толстыми тётями, но оказалось, что там стоит ещё какой-то совсем сплюснутый малыш. Малыш улыбнулся ему и погладил по спине лопаткой.

Сашка уже не понимал, в какую сторону ему надо ползти. Ноги в брюках. Ноги в чулках. Коробка с тортом. Сапоги. Что-то вонзилось ему между лопаток. Зонтик! Нет, конца этому не будет!

Сашка в отчаянии боднул головой чей-то портфель и вдруг вырвался прямо к забору.

Сашка прижался к нему грудью. Схватился за него руками, прильнул глазом к щели.

Что творилось на тихом Катином дворе! Там стояло, наверное, штук десять машин, если не больше. Бегали пожарные с огнетушителями в руках. С красных машин, дрожа, поднимались серебряные лестницы.

Двери дома поминутно распахивались, и оттуда выбегали люди, держа в руках разные вещи.

Из дома выбежала старушка, прижимая к себе клетку, в которой трепыхалась какая-то птичка. За ней выбежала другая старушка, обнимая руками фикус.

«Может, ещё не поздно? – в тоске подумал Сашка. – Всё дым, огня-то не видно. Может, я успею, схвачу книгу – и назад».

Сашка, расталкивая людей, стал протискиваться к калитке. Но там, беспощадно перегородив вход длинной рукой, стоял милиционер и никого не пускал во двор. А около него Сашка увидел ещё несколько милиционеров.

Тут Сашка вспомнил про дыру в заборе. Он вообще-то редко ходил в калитку, он чаще пользовался этой дырой. Вряд ли её тоже охраняли милиционеры.

Сашка бросился назад, опять расталкивая людей, пихаясь локтями.

– А, посмотреть не даст!.. – с досадой сказал толстый дядя с портфелем. – То ползает, то бегают...

Сашка побежал вдоль забора. Вот она дыра. Двух досок не хватает.

Сашка сунул туда голову и увидел синие брюки. Дыру тоже охраняли. Милиционер был высокий-высокий, как башня, и безнадёжно строгий.

– Дяденька милиционер, – измученно зашептал Сашка. – Пустите меня, а? Мне очень надо. Дяденька милиционер... что вам, жалко?

Слёзы закипели у Сашки на глазах и потекли по щекам. Он так и замер, глядя снизу вверх на милиционера.

– Что ты, что ты... будет тебе... – даже как-то испуганно сказал милиционер и присел на корточки рядом с Сашкой.

Сашка тупо удивился. Он никогда не видел, чтобы милиционеры сидели на корточках.

– Ты что, тут живёшь?

– Ага... – вне себя проговорил Сашка. – Ага...

– Маму ищешь? – с сочувствием спросил милиционер. Сашка быстро закивал головой.

– Иди, поищи, – сказал милиционер. – Да не дрожи так... Никуда твоя мама не денется, тут где-нибудь. Только, слышь, к дому не подходи.

Милиционер снизу подхватил Сашку одной рукой и помог ему пролезть через дыру. Сашка встал. Его качало. Он пошёл к дому, но нарочно повернул голову в сторону, незаметно убыстряя шаги. Милиционер стоял и неподвижно глядел на него. Сашка проскочил между двумя машинами и вильнул к дому.

– Куда? – закричали сзади.

В подъезде горько и страшно пахло дымом. Мимо Сашки вниз по лестнице бежали люди. Сашка услышал над головой топот маленьких башмаков по ступенькам. Навстречу Сашке, не видя его, бежала Лёлька.

Лёлька прижимала к груди большую лысую куклу. Одна рука у куклы болталась на нитке. А глаза всё время со стуком закрывались и открывались.

Лёлька пробежала мимо, совсем слепая от слёз. Жалость, тоска сдавили Сашке грудь.

– Лёлька... я так не хочу... – зашептали его губы бессмысленные слова. – Не надо эту куклу... Я не знал... я не буду...

Сашка, напрягая последние силы, бросился вверх по лестнице.

Вдруг Сашка остановился, и нога его повисла над ступенькой. Потом медленно, потрясённый, он стал пятиться назад.

Сверху, под бормотание, рычание, повизгивание, как под звуки какого-то дикого, нестройного оркестра, спускался Симеон Симеонович со всеми своими зверями.

«Как его занесло сюда? – мелькнуло в голове у Сашки. – В гости ходил, что ли? И зверей взял?»

Вокруг Симеона Симеоновича пышно колыхался густой дым. Все четыре обезьяны обняли его за шею, и казалось, что у Симеона Симеоновича пять голов. В руках он нёс медвежонка, да ещё подпихивал ногой большую медведицу, которая, переваливаясь, неуклюже спускалась по ступенькам.

И тут Сашка просто обомлел. Позади Симеона Симеоновича шла Сашкина мама. Она неловко прижимала к себе коричневого медвежонка. А медвежонок испуганно вырывался и отпихивался короткими, толстыми лапами.

Губы у мамы дрожали, она была бледна.

– Ничего... – немного задыхаясь, проговорила мама. – Вещи – дело наживное... Как-нибудь проживём...

– Как-нибудь, Маша... – с натугой сказал Симеон Симеонович, покачиваясь под тяжестью обезьян. – Потушат, авось всё не сгорит...

У мамы от дыма слезились глаза. Она старалась вытереть мокрую щёку о плечо и не заметила Сашку. К тому же в это время между ней и Сашкой оказалась большая медведица да ещё нога Симеона Симеоновича, подталкивающая медведицу.

«Почему у нас всё сгорит? – подумал Сашка. – Ведь не наш дом горит...»

– Ой! – Сашка повернулся и упёрся лбом в холодную пыльную батарею. – Это я тому дяденьке милиционеру наврал,

что тут живу. И теперь мы и вправду тут живём. Я же ему только «ага» сказал. От одного «ага» такое вышло. Значит, даже кивнуть головой нельзя. Да что же это? Всё хуже и хуже!..

Навстречу ему бежали какие-то люди, что-то крича и кашляя. То чья-то рука, то голова, то круглая каска пожарного высывались из дыма.

Все люди бежали только вниз, вниз, вниз, и только один Сашка бежал вверх. И от этого ему стало совсем страшно.

А дым становился всё гуще. Он выедал глаза. Жёг в груди.

– Эй, Степанов, людей больше нет? – закричал снизу чей-то голос. – Проверить по всем квартирам!

Сашка зажал нос и рот. Зажмурился. Хватаясь за перила, он подтягивал себя кверху, с трудом преодолевая каждую ступеньку, расталкивая плотный и горячий дым.

– Немножко, ещё немножко... – вспомнил Сашка, и перед ним проплыло Лёлькино лицо с испуганными и сострадающими глазами.

Перила кончились. Не открывая глаз, он, как слепой, стал шарить вокруг себя, стараясь нащупать дверь на чердак.

Вот она! Доска качается – значит, она. Раскалённый тяжёлый дым ударил в лицо.

На чердаке творилось что-то невероятное. Там в глубине что-то трещало и ухало. Даже сквозь зажмуренные веки Сашка почувствовал что-то красное, движущееся, огненное.

– Книжки, книжечки! – беспомощно позвал Сашка, будто эти книжки были щенятами и могли сами подбежать к нему.

Сашка протиснулся в дверь, уже ничего не чувствуя, кроме невыносимого, палящего жара. Сноп искр ослепил его. Он задыхался.

Он не мог не дышать. Но дышать было нечем. Он открыл глаза на мгновение и увидел охваченный огнём сундучок. Увидел остро, чётко, ясно освещённую огнём каждую щель. С гудением из него било пламя.

Сашка глотнул жгучий, набитый искрами дым. Голова закружилась. Больше нельзя было ни дышать, ни жить...

И Сашка, протянув руки, плашмя упал на горящий сундучок.

Глава 12

ЗДРАВСТВУЙ, ДВОЙКА!

Сашка открыл глаза. Он сидел на чердаке около окна, и острый свежий воздух овеивал его лицо.

Сашка ещё плохо понимал, где он. Он только с жадностью смотрел на окошко «кошачий глаз», на косо повисшую раму, на солнечный луч, наполненный цветными пылинками.

Сашка осторожно повернул голову. Он ещё боялся испугнуть всё это, боялся, что всё исчезнет: и чердак, и куча старого хлама, и тишина. Он чуть наклонил голову и скосил глаз. Сундучок. Он сидел на сундучке.

На коленях у него что-то слабо шевельнулось.

На коленях у него лежал раскрытый дневник. Сквознячок пролез между листами и перебирал их. Сашка с трудом разжал затёкший, судорожно сжатый кулак. С ладони спрыгнул ластик, упал на пол и упруго скакнул в темноту.

Сашка глянул в дневник. Двойка! Двойка! Милая! Живая и здоровая! Стоит себе как ни в чём не бывало, будто её никто и не стирал резинкой.

Безумная радость охватила Сашку. Значит, всё! Значит, ничего и не было! Ни пожара, ни аварии, ни «Степана Разина», лежащего на боку. Ничего, ничего!..

Сашка вскочил на ноги. Ура! Он затанцевал по чердаку, и луч солнца замутился от клубов пыли. Какое счастье! Ну и пусть папа посердится. Пускай даже ремнём... Переживёт он это. Пусть он не поедет с классом на катере. Не поедет с Катей...

Сашка вспомнил светлые сощуренные глаза Кати. Как она засмеялась там, на обрыве, когда со «Степаном Разиным» случилась беда.

И вдруг Сашка понял, что хотя этого теперь как будто и не было вовсе, он никогда не забудет этот смех.

Тяжёлая туча стала наползать на солнце. На чердаке сразу же потемнело. Чернота надвинулась на солнце. И вся куча старья опять показалась таинственной и странной.

«Почему же кончилось волшебство? – подумал Сашка. – Я тогда не разобрал до конца, что там было...»

Ему не хотелось даже прикоснуться к Волшебной энциклопедии. Он наморщил лоб, вспоминая:

Мне свидетель звёздный Лев!

Свет Стрельца и Водолея!

Волшебства сломай печать!

Только жи... не жа...

И себя преодо...

Смо... сно... всё... на...

И вдруг буквы сами собой подставились, и Сашка как-то легко и просто понял, что там было написано.

Мне свидетель звёздный Лев!
Свет Стрельца и Водолея!
Волшебства сломай печать!
Только жизни не жалея
И себя преодолев,
Сможешь снова всё начать!..

Сашка разгрёб пыльный хлам и сунул сундучок в самую глубину. Завалил досками, припёр сломанным велосипедом, а сверху ещё положил стул.

Тут уж её никто не найдёт. Эта Волшебная энциклопедия – опасная штука. Ещё попадёт в руки какому-нибудь Гришке. Он чёрт-те что натворит.

– Пусти! Я тебя трогала, да? – раздался со двора тонкий плачущий голос.

Сашка выглянул в слуховое окошко. Ну, так и есть: Гришка сцапал Лёльку. Он обмотал вокруг кулака её косичку – крысиный хвост – и медленно, безжалостно подтягивал её к себе. Лёлька старалась вытянуть косу из его кулака, и лицо её сморщилось от боли.

И тут Сашка понял, что он ударит Гришку. Сейчас сбежит вниз и ударит его. Изо всей силы. Что бы потом Гришка с ним ни сделал. Всё равно. Он будет драться с Гришкой до последнего.

– Ты что делаешь? – яростно заорал Сашка, наполовину высываясь

из окна. – А ну, пусти её! Зубы тебе мешают? Так я их тебе сейчас пересчитаю!

Гришка в изумлении поднял голову и застыл. И Лёлька подняла кверху бледное маленькое лицо. И на лице её был только испуг, никакой радости.

– Вот ненормальный, – сказал Гришка, сплюнул, выпустил Лёлькину косичку и пошёл к калитке. Вид у него был такой, что ему просто лень связываться с Сашкой, что у него есть дела поважнее.

Но Сашка видел, что Гришка идёт чуть-чуть быстрее. Совсем чуть-чуть. Самую малость. Но всё же торопится.

Сашка был мальчишка. И он прекрасно понимал, что это значит.

Его так и обожгло изнутри жаром от гордости.

Сашка выкарабкался на лестницу, приладил доску на место и побежал вниз.

Он думал о том, что, когда он уже исправит эту двойку и дома все забудут о ней, он очень попросит маму, чтобы она забрала к ним Лёльку.

Похоже на то, что она там никому не нужна. А если даже они не отдадут им Лёльку, то всё равно: пусть только попробует кто-нибудь её тронуть, пусть только попробует.

Клад

под старым дубом

Художник Сергей Гонков

Глава первая

КТО ТАКАЯ БЫЛА ГОСПОЖА ЖАДНОСТЬ И КТО ТАКОЙ БЫЛ МАЛЬЧИК АЛЁШКА

Я хочу рассказать вам одну удивительную историю.

Жил в одном городе мальчик Алёша.

Нет, я лучше начну не с этого.

Жила-была на свете госпожа Жадность. Ну да, самая обыкновенная Жадность. И жилось ей очень плохо.

На её беду, люди всё ей попадались добрые и щедрые. Они делились друг с другом всем, что у них было. Если было холодно, то они делились одеждой. Если было голодно, то они делились хлебом. А если было весело, то они делились радостью.

Глядя на них, госпожа Жадность просто таяла от злобы и огорчения. И наконец стала совсем маленькой, ну просто совсем маленькой, как мышонок.

Целыми днями бродила она по городу, но нигде не могла найти ни одного жадного человека.

И вот однажды зашла она в какой-то двор, забралась под скамейку и задумалась: «Неужели во всём городе нет ни одного жадного человека? Не может быть. Уж, наверное, в каком-нибудь доме живёт жадная старушка. Или девчонка, которая никому не даёт своих кукол. Или мальчишка, который никому не даёт покататься на своём велосипеде. Не понимаю, о чём думают мои тайные глиняные шпионы? Бегают, наверное, где-нибудь, задрав хвосты!..»

– Кис-кис-кис! – позвала госпожа Жадность.

И в ту же секунду перед ней появился целый десяток кошек.

Вы, конечно, думаете, что это были живые кошки, такие тёплые и пушистые, которые катают по полу клубок серых ниток или уютно спят, пригревшись на солнышке?

Нет, нет! Ничего подобного.

Это были глиняные кошки-копилки с круглыми мордами и глупыми глазами. У каждой на шее был бант, а на затылке узкая чёрная щель.

– Ну как, нашли вы наконец жадного человека? – нетерпеливо спросила госпожа Жадность.

– Не-ет... – жалобно замяукали кошки-копилки. – Искали-искали... Уж как искали... С глиняных ног сбились... Никого не нашли. Жадный человек нас бы сразу взял. А мы к кому ни подходили – никто нас не берёт. Знаете, как обидно...

И кошки-копилки с оскорблённым видом заморгали глупыми глазами. Наверное, они думали, что госпожа Жадность их пожалеет, но госпожа Жадность в ярости затопала ногами:

– Глиняные лентяйки! Пустые животы! Расколоть бы вас на кусочки! Вы во все школы заходили?

– А как же!.. – горестно вздохнули кошки-копилки. – Целый день под партами бегали. Никто нас не берёт. Ребята друг другу помогают, подсказывают. А первоклашки так ногами болтают – просто ужас. Вон у кошки Мурки ухо отбили.

– Ну, а ещё где вы были?

– А я на рынок забежала. Думала, уж там-то найду жадного человека. Искала-искала и никого не нашла.

– А я – по улицам...

Но тут все кошки-копилки наострили глиняные уши и повернули круглые головы в одну сторону.

Из-за угла дома вышла маленькая девочка. Она шла, опустив голову, и горько плакала. Круглые слёзы бежали по щекам и капали с покрасневшего носа, похожего на маленькую редиску.

– И-и-и!.. – плакала девочка. – А-а-а!..

Через забор перескочил какой-то мальчишка. На коленке у него был жёлтый синяк, на локте зелёный, а под глазом не то лиловый, не то фиолетовый. Откуда-то появился ещё один мальчишка, держа в руке на поводке мохнатую собаку. Распахнулась дверь подъезда. Оттуда выбежали две девочки.

– Ну Люся, Люся!

– Ну чего ты ревёшь?

– Опять что-нибудь потеряла?

– Эх ты, растяпа!

– Да помолчи ты, Синяк. Что ты потеряла, Люська?

– А-а-а!.. И-и-и!.. – плакала маленькая девочка. – Панаму потеряла... Я позавчера берет потеряла. Красный... А сегодня мне бабушка панаму купила. Белую такую. А я и её... А ба-

бушка сказала: «Если ты ещё чего потеряешь, я тебя отшлë... отшлë...»

Нет, Люська никак не могла договорить до конца это ужасное слово!

Ребята окружили Люську и стали её утешать. Они что-то все вместе говорили и по очереди гладили её по голове. Потом все они разбрелись по двору и стали искать панаму.

– Нашёл! Нашёл! – вдруг закричал один из мальчишек.

Госпожа Жадность выглянула из-под скамейки и посмотрела на него.

Мальчишка был рыжий. На носу и на щеках у него были яркие веснушки. Они были весёлые и тоже рыжие.казалось, что от каждой веснушки идёт золотой лучик. И уши у мальчишки были смешные и торчали в разные стороны.

Все ребята бросились к нему. Люська тоже подбежала и доверчиво ухватила его за рукав. Круглые слёзы, которые катились у неё по щекам, мгновенно исчезли. Можно было подумать, что они закатились обратно в глаза.

Рыжий мальчишка протянул руку.

На ладони блеснула серебряная монета.

– А панама? – тихо спросила Люська.

– Панама? – повторил рыжий мальчишка и засмеялся. – Я не панаму, я монету нашёл.

Люська снова заревела.

– «Нашёл! Нашёл»!.. – передразнил Синяк. – Эх ты, Алёшка! А ты, Люська, не плачь. Подумаешь, панама! Найдём мы твою панаму.

– Может, её ветром унесло?

– Да нет, её, наверное, Дружок утащил. Вот у меня собака однажды ботинок утащила. Унесла – и неизвестно куда.

– А может, ты её на улице потеряла?

– Ребята, побежали к воротам!

– Нет, сперва к старому дубу за домом!

– Точно! К старому дубу! Я вчера под ним свои тетрадки нашёл и географию...

Алёшка остался один. Он стоял и смотрел на монету, которая блестела у него на ладони.

Госпожа Жадность выглянула из-под скамейки.

– Эй, кошки-копилки! А вот к этому мальчишке вы подходили? – спросила Жадность, и голос у неё дрогнул.

Кошки-копилки заволновались и заморгали глупыми глазами.

– Нет, нет, я не подходила. А ты, глиняная Мурка?

– И я не подходила.

– Может, глиняная Дашка?

– Да вы что? Я же на рынок бегала...

– Замолчите вы! – прикрикнула на них госпожа Жадность. – А ну, глиняная Мурка, беги скорее к этому мальчишке! Может быть, он возьмёт тебя. Приласкайся к нему, помурлыкай послаще.

Глиняная кошка, быстро перебирая толстыми лапами, подбежала к Алёшке и прижалась к его ногам.

Алёшка посмотрел на неё с большим удивлением. Да и кто бы не удивился, если бы к нему вдруг подбежала глиняная кошка-копилка!

Алёшка нагнулся и поднял её с земли.

– Он взял её! Он взял её! – вне себя от волнения прошептала Жадность.

Алёшка повертел в пальцах монету, подумал немного и сунул монету в чёрную щель на затылке глиняной кошки. Монета весело запрыгала в её пустом животе, как будто тоже чему-то обрадовалась. Алёшка улыбнулся и прижался ухом к животу кошки-копилки.

Тут госпожа Жадность бегом бросилась к Алёшке.

Она чуть не потонула в большой луже, оставшейся от вчерашнего дождя. Да ещё по дороге заехала локтем в бок какому-то воробью.

Она подбежала к Алёшке и дрожащими руками ухватила его за шнурок ботинка.

– Алёшенька! – закричала госпожа Жадность. – Миленький! Да какой ты славный! До чего веснушки у тебя симпатичные! Ну наконец-то!.. А я уж думала... Ты только возьми меня к себе! Вот увидишь, дорогой! Я тебе пригожусь! Уж так пригожусь!..

Алёшка ужасно удивился. Глаза у него стали в четыре раза больше, а рот сам собой открылся.

Он попятился назад. А госпожа Жадность потащила за ним по мокрой земле, не выпуская из рук шнурка его ботинка.

– Вот это да!.. – пробормотал Алёшка. – Маленькая совсем, а разговаривать умеет.

Он нагнулся, осторожно взял госпожу Жадность двумя пальцами и поставил себе на ладонь.

Госпожа Жадность была похожа на крошечную тощую старушонку. У неё было серое сморщенное личико. Платье тоже серое, точно посыпанное пылью, старое, кое-где залатанное. На ногах стоптанные башмаки.

Смотрела она жалобно, в глазах дрожали мутные слёзы.

Госпожа Жадность с мольбой протянула к Алёшке дрожащие руки со скрюченными пальцами.

– Смешная какая! – прошептал Алёшка. – Надо бабушке показать.

– Нет-нет! – запищала госпожа Жадность. – Не надо показывать меня бабушке. Я скромная! Не люблю, когда на меня смотрят! Я к этому не привыкла. Я стесняюсь!

Алёшка засмеялся, и госпожа Жадность чуть не свалилась с его ладошки. Хорошо ещё, что она успела ухватиться за его мизинец.

– Алёшенька, не бросай меня! – закричала она плачущим голосом. – Лапочка! Возьми меня к себе! Вот ты увидишь! Ты не пожалеешь!

– Ладно, – согласился Алёшка. – Только ненадолго.

– Почему ненадолго? Там видно будет! Чего загадывать?! – торопливо воскликнула госпожа Жадность. – Вообще-то меня зовут госпожа... Ну, не важно как. Ты зови меня... тётя! А ещё лучше – тётя Жадинка, или тётя Жаднуска. Вот будет славно!

– Какая ещё тётя? – удивился Алёшка и сунул госпожу Жадность к себе в карман.

В Алёшкином кармане было темно и душно. Там лежали какие-то гайки, винтики, тюбик с клеем, бумажки от конфет, пёстрые камешки. Юбка госпожи Жадности тут же измазалась клеем, ботинок свалился с её ноги.

«Это всё пустяки! – с восторгом подумала госпожа Жадность. – Главное, главное, мальчишка взял меня! Вот удача! Наконец-то повезло. Уверена: теперь вся моя жизнь пойдёт по-другому!»

Глава вторая

О ДВУХ КОРОБКАХ ИЗ-ПОД КОНФЕТ, КОТОРЫЕ ПЕРЕСТАЛИ БЫТЬ ПУСТЫМИ

Если бы Алёшкина бабушка была дома, всё, вероятно, получилось бы иначе. Бабушка, конечно, сразу же догадалась бы, что это госпожа Жадность, и, наверное, сказала бы Алёшке: «Зачем ты её принёс? Это же госпожа Жадность! Выброси её сейчас же».

Но бабушки дома не было. И поэтому случилось вот что. Алёшка вытащил госпожу Жадность из кармана и поставил её на стол. Кошку-копилку он тоже поставил на стол.

Потом все они молча уставились друг на друга.

Алёшка молчал от удивления и оттого, что не знал, о чём говорить.

Госпожа Жадность молчала от волнения и оттого, что не знала, как начать разговор.

А кошка-копилка молчала потому, что при Алёшке она вообще делала вид, что не умеет разговаривать.

– Ну вот... – сказал наконец Алёшка, который, по правде говоря, не любил долго молчать. – Мне уже в школу пора. Уже скоро два часа. А тебя я пока посажу в коробку из-под конфет. Сиди в ней и жди, когда я вернусь.

Алёшка выдвинул ящик своего стола. Ящик был набит разными пустыми коробками. Он их просто так собирал, картинки красивые. Алёшка посмотрел на госпожу Жадность и взял самую маленькую круглую коробочку из-под леден-

цов. Жадность бросилась к Алёшке и чуть не упала, споткнувшись о чайную ложку.

– Пстой, пстой, Алёшенька! – закричала она. – Мы с тобой ещё даже не поговорили как следует, не познакомились. Не надо меня в эту коробку... Ты ещё не знаешь, что я умею...

Госпожа Жадность щёлкнула своими кривыми пальцами – и пустая коробка мгновенно наполнилась леденцами. Красными, синими, зелёными.

Они лежали в коробке, и солнечные лучи прыгали с одного леденца на другой, как будто хотели узнать, какой из них самый сладкий.

– Вот это да... – пробормотал потрясённый Алёшка.

Он осторожно взял из коробки леденец и лизнул его языком.

– Настоящий! – ахнул Алёшка. – А ещё ты можешь? Вот в эту коробку, а?

– Да я для тебя, мой дорогой... – госпожа Жадность снова щёлкнула пальцами.

Алёшка с волнением приподнял крышку – в коробке рядами лежали шоколадные конфеты в серебряных бумажках.

– Ух ты, сколько! – закричал Алёшка, хватая конфеты горстями и запихивая их себе в карманы. – А то мама всегда даст штучки две, и всё.

Госпожа Жадность присела на кусок сахара.

– Я ещё тебе дам, моё сокровище! Только с уговором. С маленьким таким уговорчиком... Сам ешь сколько хочешь, но другим не давай. А то тебе самому ничего не останется. Понял? Тогда пожалеешь, да поздно будет.

– Понял, – сказал Алёшка, хотя в этот момент он почти ничего не мог понять.

«А вдруг это мне только снится? – с тревогой подумал он. – Уж очень на сон похоже. Вот проснусь – и ничего нет...» Дон-дон! – пробили стенные часы. Алёшка вздрогнул.

– Ой, я в школу опаздываю!

Он схватил коробку из-под мармелада и сунул туда госпожу Жадность. Госпожа Жадность высунулась из коробки, пыталась что-то крикнуть, но Алёшка быстро задвинул ко-

робку под кровать. Потом он схватил портфель и выскочил в коридор.

Щёлк! – повернулся ключ в замочной скважине.

А госпожа Жадность осталась лежать в коробке из-под мармелада.

Там было темно, тихо и очень приятно пахло.

Госпожа Жадность не знала, сколько прошло времени. Наконец она услышала чьи-то шаги в соседней комнате.

«Это, наверное, Алёшкина бабушка! – догадалась госпожа Жадность и съёжилась от страха. – Очень мягкие туфли и очень медленные шаги».

Бабушка несколько раз дёрнула за ручку двери, но дверь не открылась.

– Странно, – сама себе сказала бабушка. – Никогда Алёшенька дверь не запирает. И чего это он?..

Бабушка ещё раз дёрнула за ручку и ушла. Ведь у неё, конечно, были более важные дела, чем стоять около запертой двери и дёргать её за ручку. Но если бы она только знала, что в этот момент произошло у Алёшки под кроватью!

Голова госпожи Жадности и её ногти упёрлись в стенки коробки. Коробка затрещала.

Госпожа Жадность сбросила с себя картонную крышку и встала. Голова её упёрлась в пружины матраца.

Дрожа от радости и волнения, она ощупала себя руками.

– Я расту! Я расту! – прошептала госпожа Жадность. – Какое счастье! Наконец-то!.. Неужели мой мальчишка и впрямь становится жадным?

Глава третья

О том, как Алёшка получил двойку

Вам, конечно, интересно узнать, что случилось с госпожой Жадностью. Почему она выросла? Ну ничего, потерпите немного, вы узнаете об этом очень скоро.

Алёшка сидел в классе и всё время думал о конфетах.

Перед его глазами, как стаи разноцветных рыбок, покачиваясь, проплывали конфеты в ярких бумажках.

– Что с тобой, Алёша? – спросила учительница Анна Петровна и указала пальцем на Алёшкину тетрадку. – Ничего не понимаю! Посмотри, что ты написал. Надо было написать: «По волнам плыл кашалот», – а ты написал: «По волнам плыл шоколад». Надо было написать: «По небу тянулись тучки», – а ты написал: «По небу тянулись тянучки». Что с тобой? Я вынуждена поставить тебе двойку.

Лицо у Анны Петровны стало очень грустным. Как будто она поставила двойку не Алёшке, а самой себе.

Но Алёшка только махнул под партой рукой. Подумаешь, какая-то двойка! Не до того сейчас.

На перемене он вынул из кармана все конфеты и начал их есть одну за другой.

– Сколько у тебя конфет! – сказала девочка Женя и подбросила на ладони большое яблоко. – Нам бабушка из деревни целый ящик прислала. Хочешь, поменяемся? Я тебе яблоко, а ты мне конфету?

Яблоко на вид было удивительно вкусным. Алёшка посмотрел на него, и во рту стало как-то сладко и прохладно.

Женя подбрасывала яблоко в воздух, и оно поворачивалось к Алёшке то красным боком, то жёлтым. Можно было подумать, что яблоко то улыбается Алёшке, то нет.

«Что же мне делать? Я ведь обещал этой старушонке никому конфеты не давать, – с досадой подумал Алёшка. – Но ведь я же их и не отдаю. Я же их меняю. Это совсем другое дело. Совсем другое».

– За такую конфету одного яблока мало, – сказал Алёшка каким-то не своим, чужим, хриплым голосом. – Давай ещё денег сколько есть!

Денег у Жени оказалось немного. Всего две монеты. Алёшка схватил их так быстро, что Женя не успела даже ахнуть.

Как вы можете догадаться, именно в этот момент госпожа Жадность, которая лежала в коробке под кроватью, выросла сразу в несколько раз.

Когда кончились уроки, Алёшка первым выскочил из класса.

Он бежал по улице, а сам всё думал и думал о конфетах.

Ему даже показалось, что в светофор вставлены три больших леденца – красный, жёлтый и зелёный. Да и сам светофор похож на большую конфету, зачем-то привязанную к проводам. Навстречу Алёшке шла румяная девчонка в розовом пальто. Она вела на верёвочке коричневую мохнатую собаку.

«Какая девчонка смешная! – подумал Алёшка. – На прыжок похожа. А собака совсем как шоколадная. Вот бы такую большую шоколадную собаку! Чтоб уши шоколадные и хвостик... Или лучше шоколадную лошадь. С одной ногой можно целый месяц чай пить...»

Алёшка так размялся о шоколадной лошади, что чуть не налетел на ребят, стоявших около булочной.

Ребята окружили маленькую Люську.

На голове у Люськи была панама. Панама была новая и очень белая.

Люська стояла, низко опустив голову, и плакала. Лица её не было видно. Можно было подумать, что плачет белая панама.

– Опять что-нибудь потеряла? – спросил Алёшка. – Эх, ты!

– А-а-а... – всхлипнула панاما. – Меня бабушка за хлебом послала... Велела батон купить. Деньги дала. Я их в кармане держала... Кулак вот... А деньги я потеряла. А бабушка сказала: «Если ты ещё чего потеряешь, я тебя отшлём...»

Из-под белой панамы ещё быстрее закапали удивительно крупные прозрачные слёзы.

– Ребята, у меня есть немного, – сказала девочка Женя. Лицо у неё на секунду стало грустным, но она сейчас же улыбнулась. – Я хотела эскимо купить, да уж ладно... Возьми их себе, Люська.

И она положила деньги на мокрую от слёз маленькую ладошку.

– И у меня есть... На, держи!

– И у меня...

– И у меня монетка. Новенькая, смотри, как блестит!

Люська подняла голову. Глаза ещё плакали, но губы уже улыбались и тихо шевелились. Это Люська шёпотом говорила «спасибо».

– Ну вот, – сказал Синяк. Он протянул поцарапанный палец и пересчитал монеты. – Почти набралось. Ещё немного не хватает. У кого ещё есть, ребята?

У ребят вытянулись лица. Больше ни у кого денег не было. Даже круглое Женино лицо стало каким-то не таким круглым.

Маленький Васька вывернул карманы и сказал виноватым голосом:

– А мне мамка не даёт... Говорит, я сама тебе всё, что надо, покупаю.

– Ребята! – сказал Синяк. – У Алёшки ещё деньги есть. Ему Женька дала. Я сам видел. Эй, Алёшка, давай их сюда. А то бабушка Люську наслёпает.

Алёшка посмотрел на Люськины покрасневшие глаза, на слипшиеся от слёз ресницы, и его рука как-то сама собой потянулась в карман.

И вдруг вспомнил, как весело звенела монета в пустом животе глиняной кошки: дзынь, дзынь! – как будто хотела сказать: «Ещё, ещё!»

– Не дам! Ничего не дам, – тихо сказал Алёшка. – Мне деньги самому нужны.

Как вы понимаете, друзья мои, Жадность в этот момент выросла ещё в несколько раз.

– Ну и вредина же ты! – сказал Синяк. – Ладно. Припомним тебе это. Ребята, пошли к Катьке. Она дома сидит, у неё уши болят. Катька даст. Она всегда всё даёт.

Ребята пёстрой стайкой побежали к дому, а белая панاما весело запрыгала впереди.

Глава четвёртая

О ГИБЕЛИ ЛЮСТРЫ И О МНОГОМ ДРУГОМ

Бабушки не было дома.

«Вот здорово! – подумал Алёшка. – Бабушки, они всегда только мешают. Настроение портят и вообще. Увидит конфеты, начнёт приставать: кто дал да зачем взял?»

Алёшка открыл дверь и ахнул: посреди комнаты стояла госпожа Жадность.

Ох, какая она стала большая! Ростом почти как Алёшкин папа, а то и ещё повыше. Алёшка узнал её, только поглядев на длинные-предлинные руки со скрюченными пальцами. Нет, она стала совсем другая, даже как-то помолодела. И платье уже не казалось таким старым, обтрёпанным. Тяжёлые тёмные складки падали до самого пола, а на шее поблёскивали бусы из разноцветных камушков.

«Наверное, драгоценные», – подумал Алёшка.

Госпожа Жадность посмотрела на Алёшку огромными чёрными глазами. В их глубине вспыхивали и мерцали красные огоньки, похожие на раскалённые угли.

Алёшка испуганно попятился. Он разжал пальцы. Монеты жалобно звякнули и покатались по полу.

– Ну-ну, не бойся, моё сокровище! – сладким голосом сказала госпожа Жадность. – Ну я немного выросла, ну и что? В этом же нет ничего плохого. Это очень даже хорошо!

И госпожа Жадность улыбнулась.

Алёшка думал, что от улыбок всегда всем становится тепло и весело. Но от этой улыбки ему стало как-то неуютно и зябко. Холодная дрожь пробежала по спине.

– Я... я пойду... – хрипло сказал Алёшка. – Мне уйти надо...

Он повернулся у двери, но госпожа Жадность своей длинной рукой загородила ему дорогу.

– Монетки, монетки... – прошептала она. – Так вот почему я так выросла! Деньги. О, это могучая, великая сила...

– Я в кино, – с тоской пробормотал Алёшка, – пойду билет куплю...

– В кино?! – воскликнула госпожа Жадность. Алёшке показалось, что она даже обрадовалась. – Лапочка моя, хочешь, я дам тебе денег на билет? Вот смотри...

Госпожа Жадность взмахнула руками, и что-то обрушилось на Алёшку. Что-то заблестело и зазвенело. По полу в разные стороны покатались монеты. Они катились, кружились на месте и ложились на пол.

– Деньги! – закричал Алёшка, ловя монеты в воздухе. – Это всё мне? Правда мне? Ой, да я на эти деньги сто билетов куплю!

– Тебе, моё сокровище, всё тебе, – прошептала госпожа Жадность, наклоняясь над ним. – Только с уговором. Сам ходи в кино сколько хочешь, но никого с собой не бери. Эти деньги только для тебя. Понял?

– Понял, – задыхаясь, сказал Алёшка. – А ещё можно? Я ещё на фотоаппарат коплю.

В воздухе снова заблестели, заискрились монеты. Алёшка готов был разорваться на четыре части – так ему хотелось залезть сразу во все четыре угла и собрать сразу все монеты.

– Ещё! Ещё! – закричал Алёшка не своим голосом и на коленках уполз под кровать.

Алёшка уполз под кровать и поэтому ничего не видел. Он не видел, что стоило ему только произнести слово «ещё», как Жадность сразу же вырастала и становилась всё больше и больше.

Вдруг что-то оглушительно грохнуло и зазвенело.

Алёшка выскочил из-под кровати и увидел люстру. Только она была уже не на потолке, где полагается быть люстре, а на полу.

Жёлтые стеклянные колпачки были разбиты. Без них люстра была похожа на большого паука.

Алёшка поднял голову и вдруг замер, схватившись руками за щёки. Он забыл обо всём на свете, даже о погибшей люстре.

Он увидел госпожу Жадность. Госпожа Жадность стояла, упираясь головой в потолок. Она даже немного согнулась, потому что ей уже было тесно в этой комнате. Наверное, она задела люстру головой и люстра упала на пол.

– Ой!.. – бледнея, прошептал Алёшка.

– Ещё подросла? – радостно сказала госпожа Жадность. – Трудно поверить, что ещё утром ты хотел посадить меня в коробку из-под леденцов.

Да, она стала совсем другой. Глаза смотрели властно и повелительно. На голове сверкнул золотой обруч с багровым камнем. Теперь пальцы её были унижены кольцами, на руках бренчали браслеты, украшенные лучистыми камнями.

Она наклонилась и осторожно пальцем погладила Алёшку по плечу.

– Ну-ну, моё сокровище, успокойся, – сказала она. – Отведи-ка ты меня лучше на чердак. У меня сегодня что-то нет настроения знакомиться с твоей бабушкой. Как-нибудь в другой раз. С превеликим удовольствием. Только, знаешь, не сегодня... А деньги и конфеты, если хочешь, я тоже унесу на чердак. Уж там они будут в целости. Уж там до них никто не доберётся.

«Это, пожалуй, верно, – подумал Алёшка. – Только надо побыстрее, пока бабушки нет».

Госпожа Жадность нагнулась и своими длиннющими руками стала быстро сгребать в кучу деньги. Она высыпала их в старую бабушкину сумку, потом стащила с Алёшкиной подушки наволочку и сунула туда коробки с конфетами.

– Пошли, моя радость, моя жизнь, моё сокровище!..

Алёшка выглянул на лестницу. Там было пусто и тихо.

«Никого нет... Хорошо, – подумал Алёшка, выходя на площадку. – Только вот пролезет ли она в дверь?»

Но госпожа Жадность, кряхтя, уже протиснулась боком в дверь и стала подниматься по ступенькам.

Где-то далеко внизу слышались шаги.

– Скорее! – прошептал Алёшка. – Это, наверное, бабушка! Она всегда, когда не надо, тут как тут...

Госпожа Жадность трусливо оглянулась и зашагала сразу через пять ступенек.

«Ещё увидит меня с ней, – подумал Алёшка. – Сразу начнёт спрашивать: «С кем это ты идёшь? Куда? Зачем? Да откуда у тебя конфеты?..»

На четвёртом этаже кто-то громко зашипел.

Алёшка, дрожа всем телом, шарахнулся в сторону.

Но это была всего-навсего тощая бездомная кошка. Вытаращив глаза и выгнув спину дугой, она смотрела на госпожу Жадность.

На пятом этаже открылась дверь, и на площадку вышел старичок в чёрных очках. Он стал спускаться по ступенькам, громко стуча по ним палкой, как будто за что-то на них рассердился.

Госпожа Жадность прижалась к стене и замерла. У Алёшки ещё сильнее заколотилось сердце. Старичок поправил очки, посмотрел на госпожу Жадность и потыкал в неё палкой.

– И зачем это на лестнице ставят такие громоздкие предметы? – пробормотал он. – И так лестница узкая. Надо пожаловаться, пусть уберут. Просто возмутительно!

Старичок, сердито стуча палкой по каждой ступеньке, стал спускаться.

На шестом этаже Алёшка услышал голоса. За дверью разговаривали девочка Катя и её мама.

– Катенька, я пойду в аптеку за лекарством, – сказала мама Кате.

– Хорошо, мамочка, – ответила Катя маме и негромко вздохнула.

– Скорее, скорее! – заторопил Алёшка и даже подтолкнул госпожу Жадность сзади. – Не хватало ещё, чтобы Катька меня увидела. Она такая...

Наконец они добрались до чердака.

На чердаке было темно и пусто. С потолка свисала маленькая пыльная лампочка. Она светила совсем слабо и тускло. Можно было подумать, что под лампочкой ещё вечер, а во всех углах уже наступила ночь.

– Как здесь хорошо, уютно! – прошептала Жадность, оглядываясь по сторонам. Вид у неё был очень довольный. – Ох, и устала же я сегодня!

Жадность высыпала конфеты и деньги на перевёрнутый ящик.

Во всех углах что-то зашевелилось, зашуршало.словно осенний ветер взвихрил сухие листья.

Алёшка увидел, как из темноты высунулись треугольные мышиные морды. Заблестели маленькие злобные глазки.

– Ой! – вскрикнул Алёшка и невольно пододвинулся к госпоже Жадности. – Сколько их! И все на мои конфеты глядят... Смотри, они всё ближе! Я боюсь...

– Успокойся, моё сокровище! – усмехнулась госпожа Жадность. – Сейчас мы их прогоним. Кис-кис-кис! – позвала она.

В ту же секунду перед ней появился целый десяток глиняных кошек. Но вместо того чтобы прогнать мышей, они вытянули глиняные шеи и уставились голодными глазами на рассыпанные монеты.

– Мы есть хотим! – заныли они. – Брось в нас хоть по монетке, хоть по копеечке.

– Ах вы, глиняные лентяйки! – прикрикнула на них госпожа Жадность. – Вы сначала мышей прогоните! Никому ничего не дам. Ни одной монетки, ни одной конфетки! Это всё ему, ему, моему Алёшеньке. Вот садись сюда, на ящик, моё сокровище. Теперь скучать не будешь. Хочешь – конфеты ешь, хочешь – деньги считай!

Глава пятая

О ДЕВОЧКЕ КАТЕ И О ТОМ, КАК ГЛИНЯНАЯ МУРКА ПОЛУЧИЛА ОТВЕТСТВЕННОЕ ПОРУЧЕНИЕ

Алёшка плотно закрыл дверь чердака и стал спускаться по лестнице. Но на площадке шестого этажа он на минутку присел на ступеньку. Голова у него кружилась, ноги были какие-то слабые, словно набитые ватой.

Тут он увидел Катину маму. Она открывала дверь ключом.

– Ты что тут сидишь? – спросила она. – А Катя тебе только недавно по телефону звонила. Зайди к ней, скажи, какие вам сегодня уроки заданы.

И она распахнула перед Алёшкой дверь.

Алёшке было не до Кати, не до Катиной мамы и не до Катиных уроков. Но делать было нечего. Он поплёлся за Катиной мамой, уныло глядя ей в спину.

Катя сидела на диване. Уши у неё были завязаны, на макушке торчали концы платка. Она была похожа на зайца с двумя длинными ушами. Только этот заяц был грустный и бледный, с очень большими прозрачными глазами.

И вдруг Алёшка замер на месте.

Он увидел на столе стеклянную вазочку с конфетами. Он смотрел и смотрел на неё, как будто в ней лежали не обыкновенные конфеты, а магниты в конфетных бумажках, а Алёшка был весь железный, и они притягивали его к себе.

«Вот если бы мне эти конфеты! – подумал Алёшка. – Таких у меня ещё нет».

– Ну, чего тебе? – спросил Алёшка, боком подбираясь к вазочке.

– Болят, – тихонько сказала Катя и потрогала уши, завязанные платком.

– А я что, доктор, что ли?

– Ты торопишься? А я думала, что ты со мной посидишь, – грустно сказала Катя. – Ну ладно, скажи, что задано, и иди.

– Ишь ты чего захотела! – усмехнулся Алёшка. – «Скажи, что задано!» А что ты за это дашь? Вот давай эти конфеты, тогда скажу. А то вон какая хитренькая нашлась! Знаю я вас, девчонок!

– Ох, я и не догадалась тебя угостить! – спохватилась Катя и покачала заячьими ушами. – Бери, пожалуйста. Хочешь – все бери. Мне всё равно ничего есть не хочется.

Катя свернула из бумаги кулёк и высыпала туда все конфеты.

Но Алёшка не взял кулёк.

Он стоял и смотрел на Катю. В её ясные прозрачные глаза. Он смотрел на неё, как будто увидел её в первый раз в жизни.

– А тебе не жалко? – с удивлением спросил он.

Катя рассмеялась и тут же схватилась за уши.

– Ой, когда смеюсь, больно!

Только теперь Алёшка заметил, какая Катя стала худая и бледная. И даже голос у неё какой-то слабенький, тихий.

– Нет! – закричал Алёшка. – Ты сама ешь! Тебе полезно. Я тебе ещё шоколадных конфет принесу. Много! И заставлю все при мне съесть. Ну, записывай, что нам задано.

И в это время госпожа Жадность, которая спала в самом тёмном и пыльном углу чердака, проснулась. Она отбросила в сторону подушку, скатанную из паутины, и заскрипела зубами от злости.

– Я уменьшаюсь! Я худею! Что случилось с моим мальчишкой? Что он там натворил! Эй, глиняная Мурка, сюда, ко мне!

Глиняная Мурка, вся в паутине, вытаращив глаза, выскочила из тёмного угла.

– У тебя хоть на одно ухо меньше, а ума всё-таки побольше, чем у других, – прошипела госпожа Жадность, наклоняясь к ней. – Пойди разузнай, что случилось? Мне кажется, мой Алёшка сейчас сделал что-то хорошее. А это очень плохо. Иди. Да поживее. Одна лапа здесь, другая там...

Глава шестая,

В КОНЦЕ КОТОРОЙ КАТЯ НИКАК НЕ МОЖЕТ ПОНЯТЬ,
КУДА ЖЕ ИСЧЕЗ АЛЁШКА

В это утро погода была просто чудесная. Даже ветер был какой-то вкусный. Он пах травой, мокрой землёй и цветами. Ночью прошёл дождь, и сейчас повсюду блестели голубые лужи. Девчонки выбрали место посуше и прыгали через верёвочку.

Маленькая Люська прыгала, моргая глазами всякий раз, когда верёвка пролетала мимо её носа. Лицо у неё было очень счастливое, а белая панاما подпрыгивала на голове.

Женя сегодня первый раз надела носки. Белые носки с голубой полоской так и мелькали в воздухе. А все девчонки, которым мамы ещё не разрешали снять чулки, смотрели на неё и вздыхали.

Солнце сверкало в голубых лужах. Ветер пробежал по ним, и тогда казалось, что солнце тоже прыгает через верёвочку.

Из подъезда вышел Алёшка. Лицо его было очень бледным. От этого веснушки казались совсем тёмными.

Никто из ребят даже не посмотрел на него. Только Синяк немного повернул голову и сказал:

– А, жадина... Чего сюда пришёл? Вали отсюда!

– Это моя верёвка, – тихо сказал Алёшка. Он подошёл поближе и вырвал верёвку из рук Жени.

– Нет, не твоя! – закричал Синяк. – Это твоей бабушки. Она бельё сушила на балконе, а потом верёвку нам отдала, попрыгать.

– Моя бабушка, значит, и верёвка моя! – со злостью огрызнулся Алёшка. – Идите к своим бабушкам, у них и берите.

Он повернулся и пошёл к своему подъезду. А верёвка волочилась за ним, как длинная тощая змея.

На минуту Алёшка остановился. На земле лежал большой кривой гвоздь. Алёшка нагнулся, поднял его и крепко зажал в кулаке.

– Ржавый, – сказал он с досадой. – Ну ничего, и такой пригодится. Никому не отдам.

И тут он увидел Катю.

Катя шла по двору и вела за руль свой зелёный велосипед. Велосипед был не очень новый. Но Катя всё равно его любила. И все ребята во дворе его тоже любили, потому что Катя давала на нём кататься всем, кто захочет.

Теперь Катя уже не была похожа на зайца. Щёки у неё опять стали розовыми, а губы красными. Только на голове была надета шерстяная шапочка, которую Катя носила зимой.

Она шла прямо к Алёшке и смотрела прямо на него своими ясными глазами.

– Я-то его ищу, а он вон где! – радостно воскликнула Катя.

Алёшка отвёл глаза в сторону.

– Чего меня искать? – проворчал он. – Что я, белый гриб?

Катя засмеялась.

– Нет, правда! Ты всё шутишь. А ты мне очень нужен. Слушай, мы всем классом хотим пойти в театр. На «Аленький цветочек». Пойдёшь?

– Да ну, скука зелёная.

– И нисколько не зелёная. Ну, пожалуйста, – умоляюще сказала Катя. Её ясные глаза стали грустными. – Все пойдут, а ты... Пойдём, это очень хорошая сказка. Мы собираем деньги на билеты.

– Вот оно что! – закричал Алёшка. – До денег моих добираешься? Нет у меня денег! Понятно? Ни копейки у меня нет и не будет!

– Так бы сразу и сказал, – Катя прислонила велосипед к дереву. – А то раскричался. Ну хочешь, я за тебя заплачу?

– Ты?.. – задохнулся Алёшка.

Он стоял и молча глядел на Катю, на её прозрачные грустные глаза. И было видно, что её глаза такие грустные не потому, что ей жалко денег, а потому, что она боится, что Алёшка не пойдёт с ними в театр.

– Катька! – сказал Алёшка и опять замолчал.

– Значит, пойдёшь! – обрадовалась Катя. – Только, чур, не передумывать!

– Ай-яй-яй! – пробормотала глиняная кошка Мурка. Она выглянула из-под скамейки и покачала своей глиняной головой. – Не понравятся госпоже Жадности эти театры, ох не понравятся!..

– Как это ты педаль сломала? – спросил Алёшка и присел на корточки около велосипеда. – Вечно вы, девчонки, всё ломаете, а починить не умеете. Ну-ка дай я посмотрю.

– Ох, кошки-подружки, ещё хуже! – прошептала кошка Мурка и почесала глиняной лапой за глиняным ухом. – Не понравятся госпоже Жадности эти велосипеды, ох не понравятся...

Кошка Мурка шмыгнула в подъезд и быстро запрыгала по ступенькам.

Госпожа Жадность сладко спала на чердаке, положив толстую щёку на ладонь.

– Эй, госпожа повелительница моя, проснись! – замаякала Мурка. – Да проснись же ты! Беда!

Но госпожа Жадность только улыбнулась во сне.

– У, спит... Ничего не слышит, – проворчала кошка Мурка. – Вон уши какие большие. Мне до них не дотянуться.

Кошка Мурка вскарабкалась на старую бабушкину сумку. Монеты, лежавшие в сумке, звякнули сонно и слабо.

Но этого оказалось достаточно, чтобы разбудить госпожу Жадность. Она вскочила, спросонок испуганно моргая глазами, и стукнулась головой о потолок. Крыша затрещала.

Кошка Мурка со скромным видом отошла от бабушкиной сумки и молча указала лапой на чердачное окно.

Госпожа Жадность смахнула со стекла паутину, похожую на серые кружева. Посреди двора она увидела Алёшку и Катю.

Они сидели на корточках около велосипеда. Алёшкины рыжие волосы так и горели на солнце. А ветер играл белым бантом в волосах у Кати. Тёплую шапочку она держала в руках.

– Ну, спасибо тебе, моя любимая копилка! – прошипела госпожа Жадность. – Так вот кто портит моего мальчика! Теперь я знаю. Эта маленькая девчонка. У неё слишком доброе сердце. Это, наверное, оно так громко стучало сегодня ночью и мешало мне спать. Тук-тук-тук! Я слышала его сквозь пол.

– Подожди, Катька, – услышала госпожа Жадность весёлый Алёшкин голос. – Видишь, я пока сюда гвоздь вставил. Только он плохо держит. Я сейчас принесу из дома проволоку и гайки.

– Вот здорово! – счастливым голосом сказала Катя. – И будем кататься по очереди, да?

– Ой, я ещё уменьшаюсь! – простонала госпожа Жадность. – Ой, туфли свалились с ног! Мне уже велик мой двести сорок второй размер. А ведь ещё сегодня утром туфли еле налезали на меня. Проклятая девчонка! Мои браслеты, ожерелье! Драгоценные камни, они гаснут, тускнеют, исчезают!..

Госпожа Жадность подползла к окну и просунула в него свою длинную руку.

И в тот самый момент, когда Алёшка встал, чтобы идти домой за гайками и проволокой, Жадность крепко схватила его рукой.

Алёшка почувствовал, что его ноги отрываются от земли. У него захватило дух.

Он поднимался всё выше и выше, а Катя становилась всё меньше и меньше. Белый бант у неё на голове стал похож на маленькую белую бабочку.

Мимо Алёшки, как зелёное облако, проплыла круглая липа.

Он не успел даже вскрикнуть, как уже очутился на чердаке.

Катя долго с удивлением вертела головой, смотрела по сторонам и моргала глазами, но так и не поняла, куда же это девался Алёшка.

Глава седьмая

О том, как Алёшка получил новый велосипед

– Ну зачем, зачем ты меня утщила? – сердито закричал Алёшка, когда госпожа Жадность разжала пальцы и поставила его на пол.

– Подожди, подожди, моё сокровище, ну не волнуйся, – растерянно бормотала госпожа Жадность, глядя на Алёшку и не зная, как его успокоить.

Но Алёшка затопал ногами:

– Я к Кате хочу! Я ей обещал велосипед починить! Мне с ней интересно, а с тобой...

Госпожа Жадность улыбнулась и пододвинулась поближе к Алёшке. Пол затрещал. Наверное, в комнатах под ними с потолка сыпалась штукатурка.

– Не смей улыбаться! – закричал Алёшка.

– Я твой единственный друг, – проговорила госпожа Жадность. Голос у неё был сладкий и тягучий. – Я тебя люблю. Я всё для тебя сделаю. А ребята тебя терпеть не могут. Дружить с тобой не хотят. А Катька с тобой из хитрости дружит. Ты ей не верь!

– Нет, верю! Нет, верю! – с обидой закричал Алёшка.

– А тогда зачем она попросила тебя велосипед починить? Отдала бы его в мастерскую. Всё деньги жалеет. И глаза у неё нарочно такие светлые, чтобы обманывать легче. Уж ты мне поверь. Слишком ты простодушный, Алёшенька, доверчивый.

Но Алёшка снова затопал ногами.

– Нет, неправда, она не хитрая, не хитрая! Она сказала: «Починишь – и будем по очереди кататься». Вот!

Алёшка с торжеством посмотрел на госпожу Жадность.

Под его взглядом госпожа Жадность как-то сразу побледнела и съёжилась. Кольца с тусклыми камнями посыпались с её пальцев.

– Эх!.. – скрипнула она зубами. – Ну раз так...

Госпожа Жадность сунула свою огромную руку в карман, похожий на небольшую пещеру, и вытащила оттуда велосипед. Новенький голубой велосипед. С блестящим рулём, с чёрными шинами и жёлтым седлом.

Алёшка, сбив с ног какую-то кошку-копилку, бросился к велосипеду.

Он нажал на звонок, и звонок весело сказал ему «дзынь», как будто был его старым другом.

– У Катки плохой велосипед, старый, – забормотала госпожа Жадность. – Ребята его поломали, исцарапали. Чужое-то никто не бережёт. А у тебя велосипед новенький. Ты его никому не давай.

– А я и не дам. Что я, дурак, что ли? – сказал Алёшка, протянув дрожащие руки к велосипеду.

Госпожа Жадность засмеялась сытым, довольным смехом.

– Ах ты, моё сокровище! Ах ты, моя радость! А если бабушка спросит, откуда у тебя велосипед?

– А... совру что-нибудь.

Глаза госпожи Жадности блеснули.

– Это хорошо, это хорошо, – прошептала она. – Жадный человек всегда врёт, обманывает, выкручивается, старается обхитрить...

Алёшка присел на корточки, приладил насос и стал накачивать шину. Он тяжело дышал, капли пота повисли на ресницах и жгли глаза.

Кошки-копилки столпились вокруг него, вытаращив глаза. Госпожа Жадность наклонилась над Алёшкой. От её дыхания зашевелились Алёшкины рыжие волосы.

– Никому ничего не давай, – прошептала она, – и никому не верь, не верь... И бабушке своей тоже не верь. Ты для неё и в булочную ходишь, и двери открываешь. А на той неделе, я знаю, даже пол веником подмёл. Ну и что? Она тебе за это заплатила? Видишь, обманывает она тебя. Ты думаешь, она тебя любит?

– Любит... – ещё тяжело дыша, пробормотал Алёшка.

– Если бы любила, так заплатила бы!

Небо за чердачным окном стало нежно-розовым, а затем потемнело.

Голоса девчонок и мальчишек во дворе в сумерках зазвучали ещё громче. Они боялись, что не успеют закончить игру.

На балконы вышли мамы, папы и бабушки. Они стали звать ребят ужинать.

– Маша, Наташа, Петя, Женя, Люська, Алёша, Катя, Надя, Вера! – кричали папы, мамы и бабушки.

Наконец все они замолчали. И только Алёшкина бабушка продолжала кричать с балкона:

– Алёша! Алёшенька!

– Ну, я пошёл. У меня ещё уроки, – Алёшка с нежностью погладил жёлтое седло. – А велосипед я пока тут оставляю. Ты смотри стереги его. И деньги стереги. А то я всё боюсь, как бы ребята с нашего двора не пронюхали про мои деньги.

Алёшка даже зубами скрипнул, а госпожа Жадность прошептала про себя:

– Это хорошо. Это хорошо. Жадный человек всегда всех боится и ненавидит, всего опасается...

Глава восьмая

О том, как бабушка ждала Алёшку и заплатила двадцать рублей за двадцать капель валерьянки

Бабушка стояла в передней и смотрела то на дверь, то на телефон. Губы у неё дрожали, и она всё время куталась в платок. Ей было холодно, сердце тоскливо замирало. Рядом с ней стояла Катина мама.

Сначала бабушка решила позвонить в больницу. Пока она набирала номер больницы, она передумала и решила позвонить в милицию. Но пока набирала номер милиции, она опять передумала и решила сначала позвонить в больницу.

– Не нужно куда-то звонить, Наталья Ивановна, – сказала Катина мама и взяла из её рук телефонную трубку. – Я уверена, что с вашим Алёшей ничего не случилось.

– Нет, с ним что-то случилось, – сказала бабушка и беспомощно посмотрела на Катину маму. – Вы знаете, с того дня, как у нас с потолка свалилась люстра, Алёшенька ужасно изменился. Стал такой бледный, неулыбчивый. За обедом ничего не ест. Смотрит на суп, но я вижу, что думает он о чём-то другом. Ночью ворочается, что-то считает. С арифметикой у него не ладится, что ли? Что он считает, не пойму.

– Мурр, – глухо сказала кошка Мурка, сидевшая под вешалкой. Она сидела за бабушкиными сапогами и была совсем незаметна. Бабушка всплеснула руками.

– Да ещё эта кошка с отбитым ухом! Просто можно с ума сойти! Сегодня пошла в булочную, только взяла батон, оглянулась – и она там.

– Странно, – пробормотала Катина мама. – А я сегодня именно эту одноухую кошку видела у Кати под кроватью. И как только она туда пробралась?

Катина мама нахмурилась и о чём-то задумалась.

Алёшина бабушка нагнулась, схватила кошку Мурку за единственное ухо и выкинула её на лестницу.

– Ну, мне пора идти, Наталья Ивановна, – сказала Катина мама. – Пойду Катю ужином кормить. А если Алёша у нас, я его сразу же пришлю.

– Ах, я так хотела бы, чтобы Алёша был у вас! – вздохнула бабушка. – Он приходит от Кати совсем другой.

– Не огорчайтесь, Наталья Ивановна, всё наладится, – сказала Катина мама.

Она толкнула дверь и стукнула кошку Мурку прямо по носу. Катина мама снова озабоченно нахмурилась.

– Вы только посмотрите на эту противную кошку, – сказала она. – Можно подумать, что она нас подслушивает своим единственным ухом. Да вот и ваш Алёша. Я же вам говорила...

Действительно, по лестнице спускался Алёшка.

Он шёл, подозрительно оглядываясь по сторонам. Глаза у него горели, а лицо было очень бледным.

Алёшка захлопнул дверь, но кошка Мурка успела проскочить у него под ногами. Она прошмыгнула в комнату,

прыгнула в бабушкину хозяйственную сумку с продуктами и высунула голову, прячась за банкой со сметаной.

Бабушка прижала Алёшку к себе, поцеловала его и на минутку закрыла глаза. Она была так рада, что ребёнок жив и здоров и что с ним ничего не случилось.

– Телячьи нежности, – недовольно проворчал Алёшка.

– Алёшенька, – робко сказала бабушка, – я хочу с тобой поговорить по душам. Ну скажи, что тебя мучает? Поделись со мной, со старухой.

– Поделиться? – завизжал Алёшка. – Не буду я ни с кем делиться! Это моё!

Бабушка побледнела и без сил упала в кресло. Пружины кресла застонали, как будто им тоже было ужасно горько и тяжело.

– Что с тобой, Алёшенька? – прошептала бабушка и приложила руки к груди. – Ох, пожалуйста, накапай мне двадцать капель валерьянки.

– Двадцать капель? – засмеялся Алёшка. Глаза его холодно блеснули. – Какая хитрая! Вот плати денежки, по рублю за каплю, тогда накапаю.

– Что ты, что ты, Алёшенька? Опомнись!

– Плати!

– Ну возьми, – простонала бабушка. – Вон кошелёк на тумбочке.

Алёшка схватил кошелёк и потряс его над столом.

Из кошелька посыпались монеты. Алёшка стал бить ладонями по столу, стараясь поймать сразу все монеты. Одна монета упала со стола и покатилась по полу, делая большой круг.

Кошка Мурка выскочила из бабушкиной хозяйственной сумки. Хвост у неё был в сметане, а нос украшала жёлтая роза из сливочного масла. Она бросилась на монету, как ни одна настоящая кошка не бросается на настоящую мышь.

Но Алёшка отпихнул глиняную кошку ногой.

В это время на чердаке госпожа Жадность зашевелилась и стала ощупывать себя руками.

– Я расту, расту! – захихикала она. – О-о-о... как быстро я расту! Как сверкают мои кольца и браслеты!

Её голова упёрлась в крышу. Крыша затрещала, ноги госпожи Жадности вылезли наружу.

На чердак, стуча лапами, вбежала кошка Мурка.

– Он у бабушки все деньги из кошелька взял! – замяукала она. – Сама видела! Дай мне за это хоть одну монетку!

Из тёмного угла выскочили ещё две кошки-копилки.

– И нам тоже! И нам тоже! – закричали они. – Мы голодные! Пустые! У нас ни копейки нету! Ты нам уже два месяца жалованья не платишь. Небось для своего Алёшеньки ты ничего не жалеешь. И конфеты ему даёшь, и деньги, и велосипед. А ещё Жадностью называешься!

– Ха-ха-ха! – захохотала госпожа Жадность.

От её громового смеха кошки-копилки бросились врассыпную, а мыши с писком разбежались по углам.

– Ах вы, глиняные мозги, ничего вы не понимаете! Что я ему даю, всё ко мне же и возвращается. Вот он, мой велосипед. Тут стоит. Вот они, мои денежки. Да он ещё бабушкины деньги сюда принесёт. Вот! – госпожа Жадность с трудом перевела дух. – А потом, глядя на него, все ребята тоже начнут жадничать. Ведь жадность – это как болезнь, она заразная. Вот так понемногу, помаленьку все люди на земле станут жадными. А я буду всё расти, расти. Я стану больше этого города. Буду лежать огромная, как гора. Все люди станут моими рабами! Тогда вы уже не будете безработными копилками!

– Ничего у тебя не выйдет! – фыркнула кошка Мурка. – У твоего Алёшки есть девчонка Катя. Он как с ней поговорит, так ты сразу меньше становишься, а в кольцах уже не бриллианты, а стекляшки.

Глаза госпожи Жадности злобно блеснули.

– Это хорошо, глиняная Мурка, что ты напомнила мне о девчонке! Пора, давно пора с ней разделаться. Сегодня днём я слышала, как она пела песенку. У неё переливчатый звонкий голосок. Но я доберусь до неё и до её песенок!

Глава девятая

О том, как в Катиной комнате протёк потолок

Был вечер. На улице шёл дождь.

А на кухне плакала бабушка.

Она сидела за столом, положив голову на руки, и плакала. Вокруг на столе с грустным видом стояли немытые чашки и тарелки.

«Вот возьму и пошлю телеграмму, – думала бабушка. – На то они и родители. Пускай приезжают. Напишу так: “Выезжайте немедленно. Алёшенька тяжело заболел”. Нет, так нехорошо получится. Они испугаются, разволнуются. Лучше напишу так: “Выезжайте немедленно. Алёшенька здоров”. Нет, и так нехорошо... Да и денег у меня на телеграмму, кажется, уже не осталось. Алёша всё забрал».

А Алёша между тем ходил по комнате и не находил себе места.

Ему было тоскливо и холодно. Он натянул на себя свитер, а сверху надел куртку, но всё равно не согрелся. Как будто острый кусочек льда неведомо как попал ему в грудь и теперь совсем заморозил его сердце.

За мокрым окном было темно и уныло. Только под фонарём было видно, как круглые пустые пузыри скачут по лужам.

– Надо к Катьке зайти. Пускай отдаёт мой гвоздь, – решил Алёшка. – А потом можно и на чердак сходить. Деньги посчитать.

Алёшка заглянул на кухню. Бабушка всхлипывала, её плечи вздрагивали.

Алёшке стало её жаль. Захотелось подойти к ней, сказать что-нибудь такое, отчего она перестала бы плакать и улыбнулась.

Он постоял немного в дверях, но так ничего и не придумал. Почему-то ему стало ещё холоднее и тоскливее.

Алёшка вышел на лестницу и поднялся на шестой этаж. Катя сама открыла ему дверь.

– Как хорошо, что ты пришёл! – обрадовалась Катя. – Понимаешь, мама на работе, а у нас беда: потолок протекает. Наверное, в крыше дыра. Прямо не знаю, что делать.

Она схватила Алёшку за руку холодной мокрой рукой и потащила за собой.

– Вот, – сказала Катя и показала на потолок.

По потолку растеклось большое зелёное пятно, похожее на толстую лягушку. И как будто эта лягушка только что вылезла из пруда, потому что с неё всё время капала вода. Стол был сдвинут с места. А на столе стоял таз.

Кап! Кап! – звонко стучали капли, падая в таз. Словно они были стеклянные и разбивались.

– Отдай гвоздь, – тихо сказал Алёшка.

– Чего? – переспросила Катя, ползая по полу и собирая тряпкой воду. – Тебе гвоздь нужен? Выдвини вон тот ящик. Там большие и маленькие. Бери, какие тебе нужно. А я сейчас на чердак схожу. Посмотрю, откуда это льёт.

Алёшка открыл ящик и схватил полную горсть гвоздей, сколько мог удержать. Но вдруг он разжал руку, и гвозди с грохотом упали обратно в ящик.

– Нет, нет, не ходи на чердак! – поспешно сказал он. – Тебе туда нельзя. Чего там хорошего?

– А ты посмотри, как льёт, – с огорчением сказала Катя. – Я схожу на чердак, а потом позвоню... Пусть починят. Только куда звонить? Уже поздно, наверное, никого нигде нет.

– Постой, погоди! Я сам схожу.

– Вот спасибо! – обрадовалась Катя. – А то там темно. Я боюсь. Я, знаешь, какая трусиха! Посмотри, таз уже почти полный.

Катя обеими руками взяла таз с водой и осторожно, чтоб не расплескать, понесла его из комнаты.

Вдруг кто-то тихонько постучал по стеклу.
Алёшка выглянул в окно и увидал госпожу Жадность.
Она стояла на пожарной лестнице, уцепившись за крышу своей длинной рукой. Капли дождя стекали с её лица.
Алёшка испуганно оглянулся и приоткрыл форточку.
– Сокровище моё, лапочка! – прошептала госпожа Жадность. – Я хочу открыть тебе тайну!

– Тайну? – заинтересовался Алёшка. – Это какую ещё тайну?

– Великую тайну! – госпожа Жадность посмотрела в сторону, будто боялась, что кто-то их подслушает.

– Ну!

– Знаешь старый дуб за домом? Такой высокий, а в нём дупло. Ему, наверное, лет триста, а то и больше.

– Кто же его не знает! Ну!

– Так вот, радость моя! Только тсс!.. Никому ни словечка. Под этим дубом разбойники закопали клад.

– Клад?! – обомлел Алёшка. – Настоящий?

– А то какой же! – быстро заговорила госпожа Жадность, острым языком облизывая губы. – Это давно было, даже и не помню когда. Все разбойники уже состарились, поумирали. А сундучок так и остался под дубом.

– А не врешь?! – задохнулся Алёшка.

– Да разве я тебя когда-нибудь обманывала? – обиделась госпожа Жадность и с упрёком посмотрела на Алёшку своими страшными, чёрными, как дыры, глазищами. – Клад самый что ни на есть настоящий. Будь здоров какой клад! Сундучок обит медью, как и полагается. А в нём золотые монеты: дублионы, дукаты, пиастры. Так они в старину назывались. Я тебе даже лопату под дубом оставила. Колай себе на здоровье. Ты же мне как внучок, правда? Сундучишко заперт, само собой. Держи ключ, радость моя, птичка моя, солнышко!

Госпожа Жадность кинула в форточку ключ. Алёшка не смог поймать его, так дрожали руки. Он наклонился, схватил ключ, зажал в кулаке.

– Только Катке не говори, – прошипела госпожа Жадность, прикивая к форточке. – А то она у тебя все монеты выманит. Накупит себе всяких платьев, туфелек, серёжек. Ну, лучше с ней вообще не говори. А то скажешь нечаянно: клад, или сундучок, или монеты... Она и догадается. Девчонки, они хитрые.

– Да я ей ничего не скажу. Ни словечка. Молчать буду для верности, – задыхаясь проговорил Алёшка.

– Поторопись, миленький, – прошептала госпожа Жадность. – Пока дождь идёт. Во дворе пусто, никто тебя не увидит.

Алёшка, забыв обо всём на свете, бросился из комнаты.

Он пробежал мимо Кати, которая с пустым тазом шла из ванной. Глаза у Кати стали очень большие и очень грустные. Но Алёшка не обратил на это внимания. Он выскочил на лестницу, его каблуки быстро-быстро застучали по ступенькам.

– Всё равно клад мне достанется! – захихикала госпожа Жадность, с трудом взбираясь на чердак по пожарной лестнице. – Куда он с золотыми дублонами да пиастрами сунется? С ними даже в булочную не пойдёшь. Пакета молока не купишь...

Глава десятая

О том, что случилось с КАТЕЙ НА ЧЕРДАКЕ

Катя, держа в одной руке ведро, а в другой тряпку, поднялась на чердак.

Там было темно. Слабо светила лампочка, затянутая паутиной.

Катя поставила ведро, положила в него тряпку и стала оглядываться. Сбоку на потолке она увидела большую дыру.

Тук-тук-дзынь!.. – стучали капли дождя и мелкими брызгами разлетались по чердаку.

И вдруг Катя испуганно вскрикнула и попятилась. Да и кто бы на её месте не испугался! Она увидела лежащую поперёк чердака огромную госпожу Жадность. Катя прижала дрожащую ладошку к губам.

Госпожа Жадность с улыбкой посмотрела на Катю. От её улыбки Катя побледнела и сжалась в комочек.

– Не бойся меня, милая девочка, – услышала Катя сладкий, притворно-ласковый голос. – Ну, подойди ко мне поближе! Ближе, ещё ближе... Нам давно пора познакомиться. Я – госпожа Жадность!

Катя повернула назад и бегом бросилась к двери. Но госпожа Жадность протянула свою длинную-предлинную руку, захлопнула дверь и прижала её пальцем.

– Послушай меня, девочка. Я не сделаю тебе ничего плохого. Наоборот, я сделаю для тебя много хорошего, – сказала госпожа Жадность и улыбнулась. Она изо всех сил старалась казаться ласковой и доброй. – Но только ты не должна смотреть на меня своими светлыми глазами. Это мне очень неприятно. Я могу даже заболеть от этого. И не надо меня бояться.

– А я вас не боюсь, – тихо сказала Катя, хотя на самом деле ей было ужас как страшно.

– Алёшка – мой! Он мне самой нужен, понимаешь? – продолжала госпожа Жадность. – А тебе он совсем ни к чему.

Посмотри, сколько хороших ребят у вас в классе. Они все благородные, добрые. Да что там в классе – на каждом заборе всегда найдётся пара хороших, смелых мальчишек. Зачем тебе Алёшка? Он плохой, жадный.

– Он не плохой. Его бабушка забаловала, – еле слышно прошептала Катя.

– Нет, плохой. Я его лучше знаю, – ухмыльнулась госпожа Жадность, тяжело подползая поближе к Кате. – Только

не смотри на меня своими ясными глазами. Слышишь? У меня от этого заболит голова.

Катя послушно опустила глаза и стала смотреть на пыльный пол чердака.

– Дай честное слово, что больше не будешь дружить с моим Алёшкой! Поклянись, что ты больше не будешь с ним разговаривать и вместе учить уроки!

Катя попятилась и заморгала глазами.

– За это я награжу тебя! – проговорила госпожа Жадность. – Ты будешь самой богатой девочкой на свете. У тебя будут самые красивые платья. И банты всех цветов радуги. Все твои подружки лопнут от зависти.

– А я не хочу, чтобы они лопнули, – прошептала Катя.

– Я ничего для тебя не пожалею!

Госпожа Жадность щёлкнула пальцами.

В ту же минуту в воздухе вокруг Кати что-то заблестело. Она почувствовала, как что-то холодное и тяжёлое пригибает её голову книзу.

Катя посмотрела в тусклое расколотое зеркало – на голове у неё была корона.

Катя сняла корону. Она была вся золотая, а прозрачные камни на ней блестели так, что глазам больно. Катя повертела корону в руках, не зная, куда её девать.

– Теперь надень это ожерелье! – с торжеством прошипела госпожа Жадность. Она протянула свою длинную руку. На её кривом пальце болталось сверкающее ожерелье. – Только обещай, что ты никогда ни слова не скажешь моему Алёшке!

– Нет, скажу! И дружить с ним буду! – голос Кати неожиданно зазвенел. – А когда мы подрастём, мы, может, ещё поженимся. Вот! Забирайте вашу корону, она мне не нужна нисколечко! Её лучше в музей отнести. И бусы ваши возьмите. А я с Алёшей...

– Ах ты, маленькая негодяйка! Тогда ты погибнешь! – завизжала госпожа Жадность, хватая Катю своей огромной рукой. – Я не отдам тебе мальчишку. Он мой, мой!

– Помогите! – отчаянно закричала Катя, изо всех сил стараясь вырваться.

Но рука госпожи Жадности была холодной и твёрдой, как камень.

– Алёша! Алёша!.. Ой!..

Глава одиннадцатая, и последняя

В НЕЙ ТЫ УЗНАЕШЬ, ЧЕМ КОНЧИЛАСЬ ВСЯ ЭТА УДИВИТЕЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

На улице всюду хлестал дождь.

Алёшка, перескакивая через лужи, полные пузырей, добежал до старого дуба. Под ним был кружок сухой земли, а на скамейке всего несколько тёмных мокрых пятнышек. Алёша перевёл дух.

А может, и хорошо, что такой ливень. Во дворе пусто, ни души. Самое милое дело копать клад в такую погоду.

Небо разорвала яркая молния, похожая на серебряное дерево. Сразу вслед за ней обрушился гром, похожий

на грохот камней. Всё вокруг потемнело. В некоторых окнах зажглись разноцветные люстры.

Алёшка прижался к дубу. Дуб был сухой, корявый и, как показалось Алёшке, – добрый.

Так, интересно, а чем копать? Не руками же! В тот же миг Алёшка увидел большую лопату с гладкой, словно отполированной, длинной ручкой. Она стояла под дубом: просто удивительно, как он её сразу не заметил! Алёшка вонзил лопату в землю между корнями. Надо быстрее, пока никто

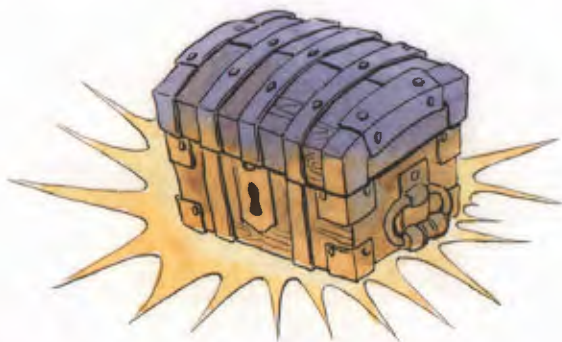

не видит! Во все стороны полетели комья земли и кучки тощей городской травы.

«Буду копать, пока не найду, – подумал Алёшка, изо всех сил налегая на лопату. – Пусть всё тут перекопаю».

И вдруг лопата звякнула, наткнувшись на что-то твёрдое. Алёшка опустился на колени, стал дрожащими руками выкидывать землю из ямы.

Показалась деревянная крышка, обитая по углам медью. Алёшка поднатужился и вытащил из ямы старинный сундук.

Подгнил, конечно, но так и должно быть. Он, может, сто лет пролежал в земле, а то и тысячу. Это уже вряд ли, но всё равно, сразу видно – старинный сундучок, настоящий разбойничий. Того и гляди, развалится на мелкие дощечки, до того старинный!

Алёшка попробовал открыть сундучок – заперт. Сердце Алёшки билось так, будто хотело вдребезги разнести рёбра. Он сунул ключ в замочную скважину. Крышка откинулась с неожиданным музыкальным звоном.

Алёшка заглянул в сундучок – оттуда брызнул золотистый свет. Сундучок был полон старинных монет, больших и маленьких.

Неожиданно по небу полоснула молния. Алёшке показалось, что она целится прямо в него. Он испуганно сжался.

«Чего я, честное слово, я не вор какой-нибудь, своё копаю. Мне тётка Жадность подсказала, где клад зарыт. Она – добрая... для меня», – подумал Алёшка и почему-то вспомнил Катю. А, не до неё сейчас.

Главное сундучок на чердак перетащить. Пусть его там госпожа Жадность стережёт. Она к нему никого не подпустит.

Алёшка попробовал приподнять сундучок, и тут же из щелей посыпались монеты, мешаясь с мокрой землёй.

Алёшка торопливо сгрёб монеты, прямо вместе с комьями земли и травой, сунул в карман.

Где-то грохнула входная дверь. Алёшка испуганно оглянулся, навалился животом на сундучок, закрывая его.

Мимо прошёл сердитый старикашка. В одной руке палка, в другой – раскрытый зонт. На носу тёмные очки. И зачем ему очки в такой дождь?

Старичок ткнул палкой в яму и сказал недовольным голосом:

– Не понимаю, зачем это роют во дворе такие глубокие ямы? Надо пожаловаться...

Старичок, разбрызгивая палкой воду, прошёл мимо, обходя лужи.

«Куда же спрятать сундук? – в растерянности подумал Алёшка. – Если я его на чердак понесу, развалится по дороге – это уж точно! Что же придумать? Делать нечего, придётся, видно, мой сундучок до поры до времени опять под дубом закопать. А что? Потом приду как-нибудь ночью, когда луны не будет. С мешком, с фонариком...»

Алёшка с нежностью погладил крышку сундучка. Потом тяжело вздохнул и опустил его обратно, на дно ямы. Кинул первую лопату земли, вторую. Нет, надо закопать как следует. Разровнял над ним землю. Потом лопатой поддел кусок дёрна, положил сверху. Теперь никто не догадается, какое тут богатство спрятано.

Сполоснул в луже лопату и снова прислонил её к дубу, как стояла.

Дождь лил не переставая. Алёшка стоял под дубом, и на него падали тяжёлые редкие капли с листьев.

Ему стало вдруг тоскливо и холодно. Куртка на плечах промокла насквозь. Как-то пусто на душе, будто ничего и не случилось и вовсе он не откопал клад. И вообще...

Тут Алёшка вспомнил о госпоже Жадности и помрачнел ещё больше.

– Надо было мне всё-таки с Катькой пойти, – пробормотал он. – Зря я её одну отпустил. Девчонка всё-таки. Испугается ещё с непривычки...

Алёшка стал неохотно подниматься по лестнице, волоча ноги.

На третьем этаже, около батареи, сидела глиняная кошка Мурка. Она пристально посмотрела на Алёшку круглыми пустыми глазами.

Алёшка прошёл мимо неё и услышал, как она тяжело затопала по ступенькам вслед за ним.

На пятом этаже сидели три кошки-копилки. Они проводили Алёшку подозрительными взглядами и тоже запрыгали вслед за ним по ступенькам.

На шестом этаже восемь кошек-копилок преградили ему путь. Алёшка перешагнул через них и подошёл к лестнице, ведущей на чердак.

И тут он увидел, что на каждой ступеньке сидит не меньше десяти кошек. Они сидели рядами и угрюмо, недобро смотрели на Алёшку.

Алёшка потоптался на месте, не зная, куда ему поставить ногу.

– Да что вы, с ума посходили, что ли? – сказал он. – А ну пропустите!

– А Катя уже домой пошла... Она уже чай пьёт... Она уже спать легла... – наперебой замяукали кошки-копилки.

– Ну и ладно, – пробормотал Алёшка. – И я пойду полежу. Устал что-то. Не привык я ещё клады откапывать.

Он махнул рукой и стал спускаться. Кошки-копилки с довольным мурлыканьем запрыгали вслед за ним.

И вдруг Алёшке показалось, что кто-то его зовёт. Так тихо-тихо, еле слышно, совсем слабо.

Алёшка снова повернулся к лестнице. У кошек-копилок злобно блеснули глаза. Они загородили ему дорогу и громко застучали глиняными хвостами по ступенькам.

«Что их, бешеная собака перекусила, что ли?» – подумал Алёшка и остановился.

– Алёша! – услышал он опять чей-то тоненький голос.

– Да это же Катька! – в ужасе воскликнул Алёшка и не глядя прыгнул вперёд.

Глиняные кошки шарахнулись в стороны.

Алёшка опрометью взбежал по лестнице и распахнул дверь на чердак.

Он увидел Катю. Она из последних сил вырывалась из рук госпожи Жадности.

– Как ты сюда попал, моё сокровище? – с затаённой злобой проворчала госпожа Жадность. – Проклятые кошки! Глиняные головы! Ничего им нельзя поручить!

– Отпусти её сейчас же! Слышишь! – заорал Алёшка, бросаясь к Кате.

Но госпожа Жадность одним пальцем без труда оттолкнула Алёшку.

– Ну, ну, потише! Скажи, зачем она тебе, моё сокровище? Смотри, сколько я тебе дала: и конфеты, и велосипед, и ещё клад бесценный. Неужели ты не отдашь мне за это какую-то жалкую девчонку?

– Она не жалкая! – Алёшка бросился на госпожу Жадность и попробовал разжать её ледяные каменные пальцы. Но госпожа Жадность только ещё крепче стиснула Катю. Алёшка увидел Катину запрокинутое бледное лицо. – Не нужен мне твой велосипед и клад тоже не нужен! Отпусти Катю! Слышишь? – не своим голосом закричал Алёшка.

Госпожа Жадность заскрежетала зубами от ярости:

– Как? Тебе не нужен клад? Настоящий клад, золотые монеты?.. О, что со мной? Я уменьшаюсь! Это всё девчонка, она, она во всём виновата! Нет, пора с ней покончить. Эй, голодные мыши, берите себе эту девчонку! Берите, хватайте её, это ваша добыча!

Из тёмных углов показались мыши.

Они оскалили острые зубы, зашевелили длинными усами. Их было великое множество, не сосчитать. Целая армия мышей. Со всех сторон они двинулись к Кате.

Самая большая, самая старая мышь уже поставила свои лапы на Катину туфельку.

– Ай! – закричала Катя.

– Сейчас, Катька, погоди!

Трясущимися руками Алёшка схватил за углы наволочку и встряхнул её. Из наволочки посыпались разноцветные конфеты. На пол скользнули плитки шоколада в ярких обёртках.

– Мыши, мыши, сюда! – закричал Алёшка. – Я дам вам конфет и шоколада!

Алёшка стал хватать конфеты целыми пригоршнями и разбрасывать их по полу.

Мыши запищали тонкими голосами и бросились на конфеты. Они прыгали, стегали друг друга длинными хвостами. Пять мышей подрались из-за одной плитки шоколада, а старая беззубая мышь набрала полный рот конфет и металась по чердаку с вытаращенными глазами.

– Что ты делаешь?! Зачем ты отдал конфеты? – отчаянным голосом закричала госпожа Жадность. – Смотри, как я похудела! О, мои драгоценные камни! Они тускнеют, гаснут...

Алёшка посмотрел на госпожу Жадность и увидел, что она и вправду стала гораздо меньше. Она уже могла стоять на чердаке, вытянувшись во весь рост.

Катя перепрыгнула через десяток мышей и бросилась к Алёшке.

– Эй, кошки-копилки! – взвизгнула госпожа Жадность. – Держите девчонку! Не пускайте её к мальчишке!

Кошки-копилки преградили Кате путь. Катя споткнулась и упала. Кошки-копилки навалились на неё, прижали руки к полу. Глиняная Мурка с победным видом вскочила Кате на спину.

– Всё! Попалась девчонка! Теперь не выпустим, – приплясывая, зашипела кошка Мурка.

– Сейчас, Катька, я тебе помогу! – в отчаянии крикнул Алёшка.

Он с усилием поднял бабушкину клетчатую сумку и потряхнул из неё все деньги. Монеты со звоном и дребезгом посыпались на пол. Кошки-копилки обернулись на этот звук.

– Вот вам ещё, берите! – Алёшка вытащил из карманов золотые монеты и швырнул их кошкам-копилкам. – Это настоящие, разбойничьи... Из сундука...

Ох, что тут началось!

Кошки-копилки, забыв обо всём на свете, бросились подбирать деньги. Они дрались из-за каждой монетки и били друг друга толстыми лапами.

Кошка Мурка и кошка Дашка стукнулись лбами и раскололись на кусочки. От них остались только грубые глиняные черепки. Монеты, которые они проглотили, посыпались на разошедшийся пол и закатились в щели между досками.

– Катька, давай к двери! Бегом! – закричал Алёшка.

– Эй, кошки-копилки! – в ярости завопила госпожа Жадность. – Не упустите девчонку! Хватайте её, не то убежит! Ну чего вы стоите?

Но кошки-копилки только сыто замурлыкали и вяло зашевелили лапами. Они так набили животы монетами, что больше не могли сдвинуться с места.

– А-а, проклятый мальчишка! – взвизгнула госпожа Жадность. Да, что и говорить, она стала гораздо меньше. Но даже и сейчас она была раза в три выше Алёшки. – Ты обманул меня. На самом деле ты вовсе не жадный. Но у меня ещё хватит сил! Ты не отдал мне эту девчонку и за это погибнешь!

– Нет! Нет! Я не хочу! – громко зарыдала Катя, обхватив руками Алёшку.

Но госпожа Жадность схватила Алёшку и высоко подняла его под самый потолок.

– Всё равно я Катку не отдам! – отбиваясь изо всех сил, закричал Алёшка. – Лучше погибну!

Что тут случилось!

Госпожа Жадность пошатнулась и выпустила Алёшку. Её лицо позеленело от злобы. В бессильной ярости она подняла кверху стиснутые кулаки, а сама прямо на глазах стала уменьшаться, сжиматься, таять... Она стала совсем маленькой, прозрачной, драгоценности рассыпались в прах.

– Зачем, зачем ты сказал эти ужасные слова? – прошептала госпожа Жадность, голос её угасал, звучал всё тише и тише. – Ведь жизнь – это самое дорогое на свете. А ты согласился отдать её ради какой-то девчонки. Ты погубил меня...

Голос Жадности затих. Она превратилась в тёмную струйку дыма и улетела в большую дыру, которую сама же проделала в крыше.

Алёшка и Катя долго стояли рядом, в изумлении глядя на пустое место, где только что стояла госпожа Жадность.

– Ой, Катка, – сказал Алёшка, который не очень-то любил молчать. – Посмотри, ничего нет. Ни конфет, ни велосипеда. И кошек-копилок нет. Одни черепки валяются.

И правда, на чердаке было пусто. Только из чёрных нор кое-где ещё торчали измазанные шоколадом острые мышинные морды.

Алёшка толкнул раму. В открытое окно влетел свежий воздух, полный запахов мокрой земли, листьев, освежённой травы.

Он увидел под старым дубом глубокую пустую яму. Из неё, извиваясь, поднималась струйка чёрного дыма. Лопата тоже исчезла.

«Всё, нету клада, ну и пусть, – легко подумал Алёшка. – Главное, что Жадность пропала, а без клада я уж как-нибудь проживу...»

– Ты о чём задумался? – Катя заглянула ему в глаза. – Пошли скорее отсюда. Я, знаешь, какая трусиха!

Алёшка засмеялся и взял Катю за руку.

– И в театр завтра пойдём. Правда? – улыбнулась Катя.

Алёшка и Катя, взявшись за руки, пошли с чердака.

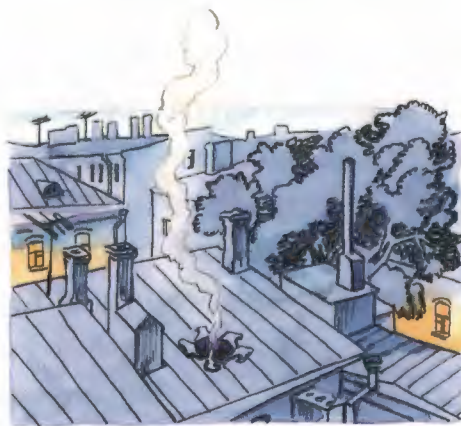
А на верхней площадке лестницы с бледными лицами стояли Алёшкина бабушка и Катина мама.

– Господи, Алёшенька, что случилось? – дрожащим голосом спросила бабушка.

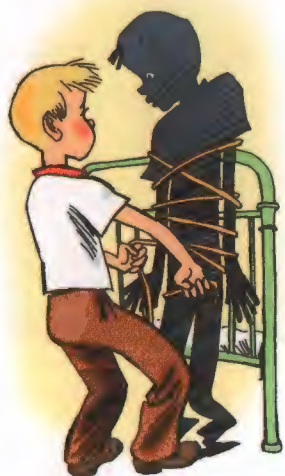
– Зачем вы пошли на чердак? Прихожу, дверь в квартиру настезь... – сказала Катина мама.

– Там в крыше дыра, – сказал Алёшка.

Бабушка и Катина мама посмотрели на Алёшку с большим удивлением, потому что у Алёшки было такое счастливое лицо, как будто он сообщил им не о дыре в крыше, а о чём-то очень-очень хорошем, что случилось в его жизни.

СОДЕРЖАНИЕ

5 УДИВИТЕЛЬНЫЕ
ПРИКЛЮЧЕНИЯ
МАЛЬЧИКА БЕЗ ТЕНИ
И ТЕНИ БЕЗ МАЛЬЧИКА

83 ПРИКЛЮЧЕНИЯ
ЖЁЛТОГО
ЧЕМОДАНЧИКА

153 НА ЗАБЫТОМ
ЧЕРДАКЕ

231 Клад
ПОД СТАРЫМ
ДУБОМ

Прокофьева, С. Л.

П80 Необыкновенные приключения обыкновенных мальчишек / Софья Прокофьева ; худож. Алексей Шевченко, Вячеслав Кривенко, Елена Володькина, Сергей Гонков. – М. : ЭНАС-КНИГА, 2021. – 304 с. : ил. – (Сказочный калейдоскоп).

ISBN 978-5-91921-726-8

Под обложкой этой книги – четыре сказочные повести известной писательницы Софьи Леонидовны Прокофьевой. В них с самыми обычными мальчишками происходят всевозможные чудеса. Саша находит Волшебную энциклопедию, Витя ссорится с собственной тенью, Алёша приобретает особенный дар... А там, где чудеса, там всегда и приключения – весёлые, немножко опасные и, конечно, поучительные.

Для младшего и среднего школьного возраста.

УДК 82-3

ББК 84-44

ISBN 978-5-91921-726-8

© С. Л. Прокофьева. Текст, 2021
© А. А. Шевченко. Иллюстрации, 2021
© В. С. Кривенко. Иллюстрации, 2021
© Е. М. Володькина. Иллюстрации, 2021
© С. Г. Гонков. Иллюстрации, 2021
© АО «ЭНАС-КНИГА», 2021

Литературно-художественное издание
для младшего и среднего школьного возраста

Прокофьева Софья Леонидовна

НЕОБЫКНОВЕННЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ ОБЫКНОВЕННЫХ МАЛЬЧИШЕК

Ведущий редактор *М. А. Тодорова*
Художественный редактор *Е. М. Володькина*
Технический редактор *Н. А. Кромплас*
Компьютерная верстка *Е. В. Фроловой*
Корректор *М. В. Серебрянцева*

Подписано в печать 16.03.2021.
Формат 84×100^{1/16}. Бумага офсетная. Гарнитура Myriad Pro.
Усл. печ. л. 29,64. Доп. тираж 3000 экз. Изд. № 1613/2. Заказ № 1969.
В соответствии с ФЗ № 436 от 29.12.2010 маркируется знаком 6+.

АО «ЭНАС-КНИГА».
115114, Москва, Дербеневская наб., 11.
Тел. (495) 913-66-30. E-mail: sekr@enas.ru
<http://www.enas.ru>
facebook.com/enas.kniga
instagram.com/enas.kniga
vk.com/enas.kniga
ok.ru/enas.kniga

ЕНАС

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1.
Сайт: www.chpd.ru E-mail: sales@chpd.ru Тел.: 8(499)270-73-59.

**Удивительные
приключения мальчика
без тени и тени без мальчика**

Задиру Витю Веткина всё раздражало – даже тень
от старого дуба ему не нравилась.
И тогда его собственная тень не захотела терпеть
несносный характер мальчишки и ушла от него!

**Клад
под старым дубом**

В силу волшебных обстоятельств
Алёша приобрёл чудесный дар: теперь
он получает всё, что ни пожелает!
Но неожиданное богатство не принесло
Алёше радости, а вот характер
у мальчишки испортился...

На забытом чердаке

На забытом чердаке Саша Кукушкин
нашёл Волшебную энциклопедию.
Теперь любые фантазии мальчишки
могут стать реальностью!
Но оказывается, с волшебством
шутки плохи...

Приключения жёлтого чемоданчика

Добрый Детский Доктор лечит
от любых болезней, даже таких сложных,
как трусость, болтливость или грусть.
Но что будет, если его чемоданчик
с лекарствами попадёт
в чужие руки?

ISBN 978-5-91921-726-8

9 785919 217268